

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

КАФЕДРА ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК И РЕГИОНАЛИСТИКИ

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В
ГОСУДАРСТВАХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО
ТРАНЗИТА**

**Материалы
Университетской научно-практической конференции**

(Луганск, 12 марта 2020 г.)

Луганск
2020

УДК 323-043.86:321.7 (06)

ББК 66.3(0), 1я43

А 43

Рецензенты:

- Анпилогова Т.Ю.** – и.о. заведующего кафедрой истории Отечества ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат исторических наук, доцент
- Скляр П.П.** – директор Института философии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», доктор психологических наук, профессор
- Проценко А.В.** – доцент кафедры государственной политики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», кандидат политических наук, доцент

А 43 **Актуальные вопросы политического развития в государствах демократического транзита:** материалы университетской научно-практической конференции. – Луганск, 12 марта 2020 года / под ред. О. Г. Михайловской. – Луганск : , 2020. – 234 с.

Настоящий сборник содержит оригинальные материалы ученых и молодых исследователей в разных отраслях общественных наук, посвящённых актуальным вопросам политического развития государств демократического транзита.

Адресуется ученым-исследователям, докторантам, аспирантам, соискателям, студентам и всем, интересующимся проблемами политического развития современных государств.

УДК 323-043.86:321.7 (06)

ББК 66.3(0), 1я43

Рекомендовано к печати Ученым советом Института истории, международных отношений и социально-политических наук Луганского государственного педагогического университета (протокол № 5 от «26» ноября 2020 г.)

© Коллектив авторов, 2020
© ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	6
МИХАЙЛОВСКАЯ О.Г. Мифологема социально-политического порядка на постсоветском пространстве.....	7
ТАТОЛИ Т.В. «Бархатные революции» как транзитивная модель.....	12
КАРПУНОВ В.Н. Нигилистические деформации правового сознания в условиях социокультурного кризиса украинского общества.....	20
ЛАДЫГА Л.И. Создание политических мифов в избирательных кампаниях.....	27
ЛАДЫГА А.И. Особенности формирования бренда в государствах постсоветского пространства.....	35
МИЛОКОСТ Л.С. Динамика грузино-российских отношений в период президентства Э. А. Шеварднадзе.....	46
ДИБАС О.А. Миссия Российской Федерации в Таджикистане	51
КАНДАУРОВ Б.И. Методологические основы анализа переходов к демократии.....	58
ДЕЛЯНЧЕНКО В.Н. Проблема интолерантности в контексте политической реальности современного украинского общества.....	66
КРАСОВА А.В. Политический транзит и предпосылки начала перестройки в СССР.....	75
СИДОРОВА Н.С. Общая культурно-цивилизационная основа как фактор объединения постсоветского сообщества.....	83
САЛО Д.С. Мифотворчество в транзитивных государствах....	91
ЕРШОВ Е.О. Социально-политические факторы демократического транзита прибалтийских государств в постсоветский период.....	94
РАГУЛИН Ю.В. Особенности урегулирования этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве.....	103
РУДНЕВ Д.И. Демократический транзит на постсоветском	

пространстве: история и современность.....	114
КРОВЕЛЬЩИКОВ С.С. Терроризм как угроза национальной безопасности государств на постсоветском пространстве.....	122
КОВАЛЕВА О.В. Факторы влияния на развитие регионального политического участия.....	131
ДУДАРЕВ И.А. Роль групп интересов в процессе демократизации.....	136
ХОДУС М.С. Коррупция на постсоветском пространстве: социальная норма или допустимое отклонение?.....	143
ТКАЧЁВ И.В. Последствия демократического транзита на постсоветском пространстве.....	148
БЕЗРОДНЫЙ К.И. Уроки «Тюльпановой революции» в Киргизии.....	153
БОРОВСКОЙ А.А. Особенности становления и развития институтов гражданского общества в условиях политической модернизации.....	160
ГАРМАШ С.В. Полифункциональность нейтралитета современных европейских государств.....	171
ГОВОРУНОВ А.А. Гражданская война в Таджикистане: причины и последствия.....	174
ГРИНЬ И.В. Особенности противодействия современному терроризму.....	180
ЖАКЕЕВ Э.Т. Новые политические технологии на выборах Президента России в 2018 году.....	
КОМАРОВА А.В. Итоги модернизации Грузии в правление Михаила Саакашвили.....	186
РИЗНИЧЕНКО П. В. Ассоциация Молдовы с ЕС: причины и последствия.....	191
САС Д.С. Роль и значение ОДКБ в современных международных отношениях.....	197
СЛОБОДЧУКОВА В.С. Современные социально-политические процессы в Приднестровской Молдавской Республике и особенности ее статуса.....	203

ЭСКУЗЯН А.А. Специфика оппозиционной деятельности в государствах переходного типа.....	208
НОСОВСКОЙ Р.Г. Военно-политическое прогнозирование как направление государственной политики.....	
ЯКОВЕНКО В.А. Некоторые аспекты формирования тактики и стратегии борьбы с терроризмом на постсоветском пространстве.....	215
ЯРМОВ К.А. Режим Н. Назарбаева в Казахстане: основные достижения и современные оценки.....	219
Сведения об авторах	235

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Ежегодный Круглый стол по актуальным проблемам политического развития в государствах демократического транзита стал регулярным научным мероприятием в нашем университете.

Работа Круглого стола стала квинтэссенцией научных исследований по проблемам исторических, политических и культурно-цивилизационных основ становления стран постсоветского пространства и их национальных политик. Современный аспект задач, рассмотрение моделей взаимодействия новых независимых государств в контексте вызовов современности, определение влияния крупных государств и глобализации на трансформационные и модернизационные процессы дает возможность изучать новые проекции, новые подходы, новые интересные сочетания, приводящие к появлению новых мыслей и новых знаний.

Участники Круглого стола считают недопустимыми ревизию истории с целью идеологической и цивилизационной трансформации стран постсоветского пространства, а также дальнейшую мифологизацию общественного сознания, применение технологий гибридной войны и «цветных революций».

Мы стремились пригласить к дискуссии представителей полярных позиций, что нашло отображение в их выступлениях, тезисах и статьях.

Редакционная коллегия

политологов, среди которых, наиболее значимые работы Т. Васильевой, Э. Кассирера, С. Кордоского, С. Лурье, Л. Олеха, А. Парфенова, Д. Пивоварова, Г. Почепцова, Е. Реутова, К. Гаджиева, С. Маркова, А. Миграняна, А. Спиркина, Н. Шестова, И. Яковенко и др. В этих работах определены специфика политической мифологии, феномен политической мифологемы.

Сегодня, в эпоху бурного развития информационных технологий возникают новые возможности для создания современных мифов. Особую актуальность приобрело исследование современных мифов в области идеологии и политики, а также в современной массовой культуре.

Современные ученые рассматривают политические мифы как некритические, эмоционально окрашенные образы и представления о политических событиях, явлениях и процессах. Именно миф позволяет упорядочить и объяснить не понятные для человека или социальной группы политические явления и процессы [2, с. 150-151].

Содержательным основанием мифа выступает мифологема, которая формулирует основу, содержание мифа, определяя его функциональные особенности.

Крах Советского Союза, привел к «вакууму» в идеологии, т.к. была разрушена мифологема советского общества. В государствах, возникших на постсоветском пространстве этот «вакуум» стал заполняться новыми мифологемами социально-политического порядка.

Так, в России появляется либеральная политическая мифологема, сакральным образом которой стала фигура Б. Ельцина.

В Польше, Чехии, республиках Балтии и некоторых других государствах постсоветского пространства была возрождена мифологема освобождения от «оков» имперской России и национального Возрождения. Почва к

резкой смене идеологического вектора готовилась за долго до распада СССР.

Так, в конце 1980-х гг. на уровне массового сознания активно пропагандировалась хорошо знакомая и в наши дни мифологема об уравнивании ответственности нацистской Германии и СССР за развязывание Второй мировой войны и раздел европейских государств. В сознании населения балтийских государств удалось устойчиво совместить собственно подписание пакта и дополнительных протоколов и всех последующих негативных событий (советизация, депортации и пр.). Намеренная демонизация событий 1939 г. успешно поддерживает и миф о советской оккупации, и легитимацию существующей власти в странах Балтии [3, с. 132].

В Болгарии, Румынии и Чехии национальная элита пропагандировала демократические ценности так называемого «свободного мира», что и стало основой мифологем социально-политического порядка.

Особое место в ряду постсоветских государств и формирование мифологемы нового порядка занимает Украина. Что касается Украины, следует однозначно признать, что за годы независимости так и не была выработана идеологическая парадигма, способная консолидировать украинское в единую политическую нацию. И хотя эта проблема не оставалась без внимания исследователей и политиков, но рассмотрение ее и сегодня находится под определенными идеологическими клише вроде концептов «древней земледельческой цивилизации Европы» или государства с потерянными этнонациональными истоками. В 90-х годах XX ст. на смену мифологеме абстрактного имперского интереса приходит не менее абстрактная мифологема невероятного обогащения.

Что касается массового сознания, то имперское сознание диктует политической элите восприятие народа как своеобразного придатка к государственным институтам, где от позиции «простого» человека ничего не зависит, а принесение ее в жертву абстрактным конструкциям вполне нормальным и оправданным. «Более того, широкая общественность в рамках данного типа сознания проявляет постоянную готовность к воспроизведению разного рода мифологией исключительности собственной роли в историческом процессе, выражается в борьбе за «светлое будущее», «евроинтеграцию», «славянское единство» и другие» [4].

В Узбекистане, Таджикистане, Туркменистане национальные элиты отказываются от проведения реформ или проводят их с имитационными целями, что привело к Реставрации не демократических режимов и проведение модернизации авторитарными методами.

В конце 90-х – начале 2000-х гг., в государствах постсоветского пространства начинается кризис легитимности постсоветских режимов, который выразился в провале социально-политических реформ, «дефиците демократии», авторитаризме, «цветных революциях» и, как итог, крушение либерального мифа, делегитимизация властных структур, поиски новых стратегий самоопределения, новых мифологией социально-политического порядка.

Так, в России, массы, дезориентированные экономической нестабильностью, запуганные террористическими актами, были готовы к принятию нового мифа. «Поэтому новый президент в 2000 году идентифицировался массовым сознанием как олицетворение архетипа Чуда, трансформировавшего первоначальный Хаос в новый социальный порядок, в

котором новый лидер – В. В. Путин – персонально нес ответственность за всю нацию» [5, с. 128].

Если в России, новая мифологема содержательно стала созидательной силой, то в Украине политическая элита, не найдя новых геополитических измерений, не реализовав выгоды от собственного географического положения, вообще не смогла её сформулировать. Продуцирование мифологемы об исключительности и особой значимости украинского государства однозначно является иллюзорной конструкцией, напоминающей «Родосский колосс».

Литература

1. Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде. – М.: Академический Проект, 2010.

2. Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д. Е. Погорельный, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 318 с. – (Словари).

3. Грибан, И. Н. Пакт Молотова-Риббентропа в современном медиаполитическом дискурсе / И. Н. Грибан // Политическая лингвистика. – 2018. – № 1. – С. 132.

4. Полисаев, А. Мифологемы в современном украинском обществе: перспективы преодоления [Электронный ресурс] / А. Полисаев. – URL: <http://www.info-library.com.ua/libs/stattya/1059-imperski-mifologemi-u-suchasnomu-ukrayinskomu-suspilstvi-perspektivi-podolannja.html> (Дата обращения: 04.03.2020)

5. Мочалова, К. П. Мифотворчество в политическом процессе современной России [Электронный ресурс] / К. П. Мочалова // Акмеология. – 2012. – С. 126–130. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifotvorchestvo-v->

УДК 323.22

**Татоли Т.В.
(г. Луганск)**

«БАРХАТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» КАК ТРАНЗИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

Один из аспектов демократического транзита, вызывающий интерес исследователей, – модели демократизации. Типологизация переходов к демократии на основе определения их моделей - образцов трансформации, возникающих вследствие стечения определенных факторов и условий демократизации, занимает значительное место в транзитологии.

Единого подхода в определении теоретических моделей демократизации нет. Различные типологии предлагают американские политологи С. Хантингтон и С. Лакофф и польский ученый Е. Вятр. В каждой из предлагаемых учеными типологий в качестве примеров приводятся так называемые «бархатные революции». Этот термин используется для обобщающего названия процессов, происходивших в странах Центральной и Восточной Европы в конце 1980-х — начале 1990-х гг. и приведших к краху коммунистических режимов, и мировой системы социализма в целом. Свое название эти политические перевороты получили потому, что в большинстве стран так называемой «народной демократии» они произошли бескровно, относительно мирным путем.

Обращает на себя внимание тот факт, что в упомянутых типологиях «бархатные революции», осуществлявшиеся в восточноевропейских государствах, то есть, казалось бы, в сходных экономических и политических условиях, отнесены к различным моделям. Так, у Хантингтона примеры «бархатных революций» иллюстрируют модель «непосредственного перехода», характерную для стран, не имевших предыдущего опыта демократического развития, в которых перед началом перехода доминировал прочный и стабильный авторитарный режим

С. Лакофф применительно к восточноевропейским государствам выделяет две модели – революционную и смешанную (включает революционный путь, эволюцию, демократическую трансформацию сверху, внешнее воздействие).

Исследовавший демократический транзит непосредственно в государствах социалистического лагеря польский ученый Е. Вятр предлагает четыре модели демократического перехода: реформирование системы на основе переговоров и договоренностей между элитами (Польша); быстрая капитуляция старой властной элиты («абдикация») и переход власти в руки реформаторов (Чехословакия); революция и вооруженное устранение правящей верхушки (Румыния); распад федеративного государства (Югославия).

Признавая определенные различия в формах перехода восточноевропейских государств от авторитаризма к демократии, можно в то же время выделить те общие моменты, которые позволяют рассмотреть «бархатные революции» как некую транзитивную модель, имеющую, тем не менее, различные конфигурации в отдельных странах. При этом необходимо вывести за скобки Румынию, события 1989 г. в которой в

связи с их насильственным характером не могут быть признаны **бархатной** революцией.

Итак, «бархатные революции» – это «революции» нового типа, исключаящее физическое насилие (поэтому события в Румынии не вписываются в данную модель), происходившие относительно быстро и почти одновременно, иллюстрируя известный «принцип домино». Решающим толчком для них стала перестройка в СССР, составной частью политики которой была выработанная М. Горбачевым концепция «нового политического мышления», означавшая конец «доктрины Брежнева».

Но почти одновременный старт процессов трансформации политического режима в странах Восточной Европы все же, по мнению известного российского исследователя И. Яжборовской, не дает оснований говорить о едином потоке революционных преобразований в регионе. Она выделяет два этапа в этом процессе: демонтаж авторитарного режима и оформление новых политических структур, создание новых режимов.

Уже на первом этапе трансформации отнюдь не были тождественны, одинаковы по объему изменений, равноценны по масштабам и аналогичны по темпам и методам. Быстро обозначилось их различное протекание в зависимости от целого ряда факторов – наличия предшествующего хотя бы малого опыта либерально-демократического развития, активности новосозданных структур гражданского общества, быстрой реакции на события правящих коммунистических партий и их умения перестроить свою тактику и перехватить инициативу (отказавшись от названия и изменив программные установки), остроты национальной проблемы и т.д.

Так, «бархатная революция» в Польше – первая по времени в Центральной и Восточной Европе – по своим предпосылкам, движущим силам и ходу весьма отличалась от большинства остальных прежде всего тем, что не была непосредственным следствием развития в 1989 г. массового общественного протеста, а имела более глубокие корни – в событиях 1980-81 гг.

«Бархатная революция» в Венгрии имела особенность, отличавшую ее от других стран. В Венгрии этот процесс протекал постепенно и плавно через создаваемые в ходе самих преобразований общественные институты. Венгерская стратегия переходного периода – это стратегия реализма, прагматизма и здравого смысла.

Специфика событий в Чехословакии заключалась в конфронтации между коммунистическим истеблишментом и оппозицией, которая завершилась мирной сменой политической элиты, как и в ГДР. В Болгарии инициативу перехватили бывшие коммунисты. А в Югославии трансформационные процессы по скорости и особенностям проведения различались в субъектах югославской федерации (подобная картина наблюдалась и в СССР накануне распада).

Второй этап трансформации был связан с тем, что ликвидация прежних структур отнюдь не означала одновременных институциональных изменений – формирования демократических политических систем с парламентами, партиями, открытыми выборами, самостоятельными ветвями власти и независимыми судебными процедурами, полной гласностью и т.д. Потребовалось немалое время, чтобы в том или ином объеме стал укореняться «джентльменский набор» отработанных в странах с демократической политической культурой атрибутов демократии.

В результате второго этапа трансформации в странах Восточной Европы создавались режимы, именовавшиеся демократическими, но таковыми в строгом смысле слова не являвшиеся, а приближавшиеся к варианту делегативной, неконсолидированной демократии Г. О'Доннелла. Применительно к этим режимам политологи используют такие термины, как «возникающие демократии», «становящиеся демократии», «неутвердившиеся демократии», «протодемократии».

Ряд политологов считает, что в результате «бархатных революций» политические системы восточноевропейских государств трансформируются в различные сочетания демократических и авторитарных элементов и форм. В одних из этих моделей преобладают демократические элементы — в эту группу посткоммунистических политических систем входят системы центральноевропейских государств; во вторую группу — авторитарно сориентированные системы большинства балканских стран; переходная группа с разными пропорциями элементов обоих типов охватывает государства Прибалтики.

В центральноевропейских странах быстрая смена охватила все существенные элементы общественного строя. В других странах динамично были заменены только ключевые элементы старого порядка, что открывало путь постепенному изменению второстепенных элементов. Имела место и иная конфигурация процесса: начиналась постепенная замена элементов старого устройства новыми с полной непредсказуемостью длительности и итогов этого процесса.

Обращает на себя внимание тот факт, что глубинные, революционные по своему характеру преобразования сочетаются в разных пропорциях с реформаторскими действиями. Соотношение первых и

вторых неодинаково в различных государствах и зависит от целого ряда факторов. Но данное сочетание налицо практически во всех государствах, затронутых «бархатными революциями», что привело к появлению такого понятия, как «революция».

Можно ли говорить об определенной технологии «бархатных революций»? Ю. Черныш считает, что в основе технологий «бархатных революций» лежат идеи синергетики и, в частности, идеи эволюционного менеджмента об использовании стихийных процессов самоорганизации для достижения желаемых целей.

Иранский исследователь проблематики «бархатных революций» Ашрафи Мортеза определил следующий их алгоритм: проведение парламентских или президентских выборов – проигрыш оппозиции на этих выборах – массовые протесты против имевшей место фальсификации итогов голосования – поддержка оппозиции Западом – фактический бойкот высшей политической власти той или иной страны – политический кризис – смена политической элиты. Воздействие на внутривнутриполитическую ситуацию оказывается через создание и поддержку оппозиционных движений и партий, действующих с либерально-демократических позиций. Как правило, их деятельность координируется через легально работающие международные правозащитные организации или благотворительные фонды.

Однако тут, на наш взгляд, имеет место подмена понятий, поскольку предложенный алгоритм относится скорее к «цветным революциям». И возникает вопрос: можно ли считать «бархатные революции» разновидностью «цветных революций»? Часть исследователей считают их однопорядковыми явлениями, акцентируя внимание на такой общей их черте, как преимущественно мирный характер и уже упоминавшийся

«принцип домино» (успех протестного движения в одной стране стимулировал активность в других). Однако более корректной представляется позиция других авторов, обращающих внимание на существенные различия между этими явлениями, перевешивающие сходные черты.

Во-первых, в ходе «бархатных революций» были свергнуты однопартийные диктатуры (существовавшие даже в тех странах, где формально была многопартийность), в то время как «цветные революции» произошли в странах, политические режимы в которых можно назвать гибридными. В них достаточно свободно могла существовать оппозиция, которая нередко находила открытую поддержку у части властного истеблишмента.

Во-вторых, для стран, где случились «цветные революции», значительно более характерен открытый раскол элиты, чем противостояние общества и монопольной власти, наблюдавшееся в период «бархатных революций».

В-третьих, «бархатные революции», как уже отмечалось, прошли практически одновременно, с разницей в несколько месяцев и отличались, так сказать, региональной компактностью. «Цветные революции», если к таковым относить и события «арабской весны», и попытки в Гонконге, затронули гораздо более обширный в географическом плане регион и более длительный отрезок времени.

В-четвертых, важным, если не определяющим внешнеполитическим фактором, способствовавшим успеху «бархатных революций», была советская перестройка. Подобного фактора, учитывая разновременность осуществления «цветных революций», быть просто не могло.

И, наконец, «цветные революции» были более технологичными, нежели «бархатные»: в распоряжении

постсоветской оппозиции был успешный опыт восточноевропейских государств, где протестные движения в свое время были во многом экспромтом. К тому же, нельзя сбрасывать со счетов гораздо больший вклад в организацию «цветных революций» стран Запада, и прежде всего Соединенных Штатов Америки, который в конце 80-х годов XX века только опробовали свои возможности в этом плане.

Литература

1. Мортеза, А. Бархатные революции: сущность, формы выражения и их продвижения [Электронный ресурс] / Ашрафи Мортеза. — URL: <http://karimeh.com/NewsR/ru/3/>

2. Баранов, Н. А. Трансформации современной демократии / Н. А. Баранов. – СПб.: БГТУ, 2006.

3. Жиряков, И. Г. «Бархатные революции» в социалистических восточноевропейских странах: общее и особенное [Электронный ресурс] / И. Г. Жиряков, М. В. Барабанов. — URL: <https://cyberleninka.ru/journal/n/lokus-lyudi-obschestvo-kultury-smysly>

4. Карцев, Д. Исчерпывающий путеводитель «Медузы» по «бархатным революциям» в Восточной Европе. 30 лет назад они разрушили соцлагерь [Электронный ресурс] / Д. Карцев. — URL: <https://meduza.io/feature/2019/11/29/ischerpyvayuschiy-putevoditel-meduzy-po-barhatnym-revoljutsiyam-v-vostochnoy-evrope-30-let-nazad-oni-razrushili-sotslager>

5. Мельвиль, А. Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты) / А. Ю. Мельвиль. – М., 1999.

6. Черныш, Ю. В. Технология «бархатных революций» [Электронный ресурс] / Ю. В. Черныш // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. – Общественные науки. – 2008. – № 6. — URL: <https://cyberleninka.ru/journal/n/izvestiya-vysshih-uchebnyh-zavedeni-y-severo-kavkazskiy-region-obschestvennyye-nauki>

7. Яжборовская, И. С. Политологические подходы к проблематике трансформации общественного устройства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / И. С. Яжборовская // Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы: Взгляд через десятилетие. – М.: Наука, 2001.

УДК 32:323.22

Карпунов В.Н.
(г. Луганск)

НИГИЛИСТИЧЕСКИЕ ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КРИЗИСА УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА

В настоящее время социокультурная обстановка в Украине характеризуется наличием глубокого кризиса и предпринимаемые попытки выхода из него настолько противоречивы, что приводят к появлению в правовом сознании населения Украины идеалистических представлений о современном положении страны.

Проявлением этого являются различные разные формы реакции населения на сложившуюся ситуацию. К одной из форм такой реакции следует отнести и социокультурный феномен нигилизма, проявлением которого является:

- во-первых, господство бессмысленности, обесценивание существующего равнозначность всех ценностей и, следовательно, отсутствие в них чего-либо общезначимого;

- во-вторых, отсутствие во взглядах на действительность единой, наполненной смыслом организации, порядка и целостности [1].

Отсюда и вытекает идея о том, что общество представляет собой не что иное как совокупность переплетающихся частных интересов.

Кстати, социологические опросы, которые проводятся в последнее время в Украине, свидетельствуют, что, в первую очередь, граждане доверяют ближайшим соседям и коллегам, а это дает основание для вывода о сужении поля доверия к границам непосредственной микросреды, что может в перспективе поставить под угрозу существование украинского общества как единого целого.

Причины проявления нигилизма, в том числе и правового, всегда были предметом анализа представителей всех направлений общественной мысли. И были освещены, как в украинской, так и российской научной литературе.

Так, В. Б. Ткаченко считает, что высокий уровень правового нигилизма в российском обществе является следствием исторического наследия, связанного с антидемократическими формами осуществления государственной власти, низким уровнем правовой культуры, своеобразием национальной ментальности [2].

В. А. Туманов отмечает, что формирование национального сознания в России в течение длительного времени шло в таких условиях, которые не могли не породить широкомасштабного юридического нигилизма. Они – естественное следствие способов правления, которыми пользовалось русское самодержавие,

многовекового крепостничества, лишавшего массу людей правосубъектности, репрессивного законодательства, несовершенства правосудия [3].

Р. С. Байниязов видит причины правового нигилизма в повсеместном нарушении правовых предписаний, пренебрежении правом [4, с. 37-38], а авторы многотомного академического курса общей теории государства и права – в юридическом невежестве, косности, отсталости, правовой невоспитанности основной массы населения [5, с. 333].

Практически те же причины выделяют и украинские ученые.

Так, Ю. С. Шемшученко считает, что причинами проявления правового нигилизма являются исторические предпосылки, связанные с бесправием человека, самодержавием, авторитаризмом, беззаконием, репрессиями; низкой общей и правовой культурой населения; неудовлетворительным качеством законодательства, его декларативностью; состоянием вседозволенности в обществе и государстве [6, с. 692].

По мнению И. В. Яковюка распространение нигилистических взглядов на право, объясняется нарушениями прав и свобод личности, созданием репрессивного законодательства, несовершенством правосудия и его зависимостью от исполнительной власти [7, с. 547].

Многообразие причин, способствующих проявлению правового нигилизма, привели к появлению самых разнообразных его дефиниций.

В частности, О. Ф. Скакун определяет сущность правового нигилизма – антипода правовой культуры, как «...деформированное состояние правосознания личности, общества, социальной группы, характеризующееся осознанным игнорированием требований закона,

отрицанием значимости норм права либо пренебрежительным отношением к правовым принципам и традициям...» [8, с. 767].

В. В. Лазарев считает, что правовой нигилизм представляет собой направление общественно-политической мысли, отрицающей социальную и личностную ценность права и считающей его наименее совершенным способом регулирования общественных отношений [9, с. 281].

По мнению А. Б. Венгерова правовой нигилизм – это характеристика определенных негативных, деформированных сторон правосознания, это та идеологическая и психологическая часть правосознания, которая резко критически, отрицательно относится к требованиям уважения и соблюдения права [10, с. 569].

На наш взгляд, следует согласиться с позицией М. Б. Смоленского, который считает такие подходы несколько поверхностными. Из них вытекает вывод, что правовой нигилизм – это специфическое отношение неправового сознания (о котором в свое время говорил Гегель) к праву. Как считает М. Б. Смоленский, для сознания, в котором отсутствуют правовые представления, право как реальность не существует. В лучшем случае оно воспринимается только как объективная принудительная сила. Следовательно, такое состояние сознания нужно называть не правовым нигилизмом, а правовым негативизмом, для субъектов которого характерным является отсутствие правосознания как такового [11].

Представляется, что наиболее правильной является точка зрения И. Д. Невважая, который рассматривает правовой нигилизм как проявление специфического типа правосознания и правовой культуры, который базируется на ином восприятии потенциала права и способствует другому отношению к нему как ценности. Исходя из этого,

истоки правового нигилизма следует искать в социокультурном различии между требованиями, которые выдвигаются правовой культурой и архетипичными в своей основе представлениями о праве [12].

Эти разногласия и ведут к отрицанию ценностей и являются питательной средой для возникновения правового нигилизма.

Таким образом, правовой нигилизм невозможно объяснить только юридической неграмотностью, негативным отношением к праву, игнорированием законов, низким уровнем правового сознания в частности.

Это не просто деформированное состояние правосознания, предопределенное отношением личности к правовым ценностям и праву, а специфический тип правового сознания и правового поведения. Он имеет двоякий характер. С одной стороны, правовой нигилизм – это объективное явление, поскольку он пытается отображать реальную правовую действительность. С другой, явление субъективное, поскольку это отображение правовой действительности носит индивидуальный внутренний характер.

Наиболее ярко правовой нигилизм проявляется в переходный период развития общества, когда рушатся старые идеалы, когда проявляется несовершенство правового регулирования, имеют место правовые ошибки и коллизии.

Именно такая ситуация и характерна для современной Украины. В юридической практике украинского государства выявляются тенденции произвольного конструирования нормативно-правовых актов и отсутствие продуманных, научно обоснованных механизмов их реализации. Следует согласиться с мыслью В. Головченко, что нынешнее состояние украинского законодательства – это показатель наличия реальных

субъективных предпосылок нестабильности действующих нормативно-правовых актов, которые свидетельствуют не только о неэффективности законотворческого процесса, но и о невысокой правовой культуре законодателей [13, с. 121].

Как результат этого – появление в правовом поле Украины многочисленных противоречий, которые являются питательным основанием для правового нигилизма, иллюзорных представлений в украинском обществе.

Решение этих проблем настоятельно требует осуществления долговременных комплексных мероприятий по стабилизации общества, что и явится не только условием последующего эффективного развития Украины, повышения уровня правовой культуры ее населения, но и преодоления существующего в украинском обществе правового нигилизма.

Литература

1. Марков, В. Б. Хайдеггер и Ницше [Электронный ресурс] / В. Б. Марков. – URL: http://anthropology.ru/ru/texts/markov/sergeev_13.html
2. Ткаченко, С. В. Миф о правовом нигилизме России [Электронный ресурс] / С. В. Ткаченко. – Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc108p0/instrum6541/print6542.html>
3. Туманов, В. А. О правовом нигилизме [Электронный ресурс] / В. А. Туманов. – URL: <http://ufnovgu.narod.ru/tgp/lituma1.htm>
4. Байниязов, Р. С. Правосознание и российский правовой менталитет / Р. С. Байниязов // Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 31-41.

5. Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах. Изд. 2-е, перераб. и доп. – Т. 3. / Отв. ред. проф. Н. М. Марченко. – М: ИКД «Зерцало-М», 2000. – 528 с.

6. Великий енциклопедичний юридичний словник / За редакцією акад. НАН України Ю. С. Шемшученка. – К.: ТОВ «Видавництво “Юридична думка”», 2007. – 992 с.

7. Загальна теорія держави і права: [Підручник для студентів юридичних вищих навчальних закладів] / М. В. Цвік, О. В. Петришин, Л. В. Авраменко та інші; За ред. д-ра юрид. наук, проф., акад. АПрН України М. В. Цвіка, д-ра юрид. наук, проф., акад. АПрН України О. В. Петришина. – Харків: Право, 2009. – 584 с.

8. Скаун, О. Ф. Теория государства и права (энциклопедический курс): Учебник / О. Ф. Скаун. – Харьков: Эспада, 2005. – С. 767 – 840 с.

9. Общая теория права и государства: Учебник / Под. ред. В.В. Лазарева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристь, 2007. – 575 с.

10. Венгер, А. Б. Теория государства и права: учеб.[для юрид. вузов] /А. Б. Венгер. – 5-е изд., стер.– М.: Омега-Л, 2008. – 608 с.

11. Смоленский, М. Б. Право и правовая культура как базовая ценность гражданского общества [Электронный ресурс] / М. Б. Смоленский. – URL: <http://gov.cap.ru/hierarchy.asp?page>

12. Невважай, И. Д. Типы правовой культуры и формы правосознания [Электронный ресурс] / И. Д. Невважай. – URL: <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?article>

13. Головченко, В. Особливості формування правової культури молоді / В. Головченко // Право України. – 2004. – № 10. – С. 120-123.

Ладыга Л.И.
(г. Луганск)

СОЗДАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОВ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ

Политические мифы «под выборы» создаются как четко определенные модели действительности, которые трансформируются под воздействием избирательного процесса. Политический миф синтезирует в своей структуре элементы политического и мифологического сознания. Учитывая это, миф представляет собой чувственное виденье политической действительности, в частности отдельных ее представителей. В создании политического мифа аккумулируется опыт предыдущих поколений, который приобретает новую актуальность и направляется на достижение определенного результата. В такие периоды происходит активное создание политических мифов. Здесь доминирующую роль играют предвыборные штабы кандидатов – лидеров и партий.

Главная особенность политического мифа заключается в том, что он создается преимущественно «под выборы», то есть имеет ограниченное время существования, а его главное назначение – действовать в течение избирательной кампании. За этот период политический миф фактически реализуется. Его эффективность определяется победой или поражением политической партии или определенного лидера в выборах. На следующие избирательные гонки кандидат, как правило, выходит с другим политическим мифом, часто используя элементы предыдущего в случае, если кампания была успешной. То есть, история политического

мифа – это этапы его становления, развития и угасания во время избирательных кампаний.

Создание политического мифа под конкретного политического деятеля или партию, дает возможность творцу мифа выделить своего кандидата среди большого количества других участников избирательных гонок, сосредоточить на нем внимание избирателей. Собственно, творцы этого мифа ставят целью – интегрировать образ своего кандидата в коллективное подсознательное. Кстати, важным признаком политического мифа является его символический характер. Благодаря эффективной коммуникации образ подключается к тем стереотипам и принципам, которые уже существуют, а путем активизации символики они приобретают звучание в конкретной избирательной кампании. В сущности, избирательная кампания основывается на использовании мифа, который воплощается в сознание и вкладывается в основу имиджа определенного политического деятеля. Некоторые авторы считают, что «имидж неразрывно связан с мифом» [4, с. 395]. Но мифологизация политика возникает именно в период кризиса. Здесь следует отметить два пути создания имиджа, в частности имиджа политического деятеля:

– первый путь заключается в выработке политического имиджа, который происходит постепенно, как правило, без применения искусственных механизмов. Зато, второй путь – это создание имиджа политического деятеля, суть которого определяется именно искусственными методами, когда имидж может быть создан в течение короткого промежутка времени для достижения определенных политических целей;

– второй путь создания политического имиджа непосредственно связан с политическим мифом, поскольку использует его как один из своих механизмов. Создание политического имиджа базируется именно на

политическом мифе, который определяет его суть и идейное направление.

Миф представляется как включение в массовое сознание давно существующих там преимуществ, настроенность под существующие в массовом сознании образы хозяина, вождя, рыцаря. Вот почему вся работа с имиджем строится на мифах, легендах, сказках.

В то же время структура имиджа имеет полностью рациональную структуру, поскольку кандидат всегда идет к избирателям с определенной идеей, которая составляет основу и суть его имиджа. Ввиду этого, избиратель принимает решение голосовать или не голосовать за него.

Таким образом, происходит влияние политических мифов, возникающих в ходе избирательных кампаний, на феномен политического сознания как системы, представляющей характер политической жизни общества. Политические мифы влияют на элементы политического сознания общества, в частности на такие аспекты, как политико-психологический, политико-идеологический, политико-деятельностный, то есть взгляды, намерения, убеждения, ценности, идеалы, концепции, программные принципы и т.п.

Мифологизация политического сознания представляет собой многогранный процесс формирования символических образов, которые выступают воплощением политических сил и выражают определенные идейные парадигмы. Во время избирательных кампаний политические субъекты, то есть избиратели, кандидаты, власть вступают в определенное взаимодействие. Таким образом, политические мифы представляют собой систему политических конструкций, которые приобретают мировоззренческое звучание и значение для общества и побуждают его к политическому выбору. Именно способность политических мифов во время выборов

определять выбор личности свидетельствует об их эффективности, интеграции с мировоззрением широких масс. Например, в 1992 г. кандидат в президенты США Билл Клинтон выступил с меседжем «Перемены или продолжения старого». Он ассоциировал себя непосредственно с возможностью изменений в государстве, перспективой успешного последующего развития, как всей страны, так и открытия новых возможностей для отдельных ее граждан. Вся кампания Клинтона прошла с этим посланием, и он одержал победу. К примеру, когда речь шла о реформе медицинского обслуживания, то Клинтон ставил вопрос следующим образом: «Перемены или продолжения того, что было?» Ведя речь об образовании, экономике, социальных привилегиях или ином, вопрос определялся в тот же способ. Во время кампании лозунг, меседж к избирателям оставался неизменным, но постоянно конкретизировался. Эта победа стала возможной благодаря профессиональному созданию, а затем воплощение в жизнь мифа об изменениях, которые приходят на смену старому. В целом миф «новое вместо старого» является очень популярным во время избирательных гонок. Однако его эффективность определяется тем, насколько творцы мифа сумеют модернизировать его, приспособить к существующим условиям.

Абсолютно прав ученый П. Гуревич, определив социальную мифологию как определенный реестр «социальных иллюзий», который распространяется в обществе для достижения конкретных целей. Во время избирательных гонок происходит обращение социального мифа к конкретным сторонам реальной жизни. Такую роль мифы могут предоставлять и оппозиции. Второй популярный во время выборов миф – это миф, направленный на утверждение идеи о деструктивной, по

своей сути, природы и характера врага, который становится символом и воплощением зла, наихудших черт [1, с. 74].

Особенно чувствительным политический миф становится во время избирательных кампаний. Именно тогда всплывают на поверхность все те проблемы, которые тревожат общество. Общество ожидает изменений, оно находится в том состоянии, когда готово принять и воспринять что-то новое, нуждается в нем как в залоге своего последующего успешного развития. В такие моменты актуализируются давние архетипы.

Благодаря созданию эффективного мифа одержал победу на выборах российский президент Владимир Путин. Имиджмейкеры В. В. Путина создали и эффективно реализовали на практике миф о лидер-спасителе России, ее защитнике, способного противостоять конфликтам, направленным против единства Российской Федерации.

Как было сказано, важной функцией политических мифов в процессе выборов является формирование ими политического сознания, ведь они представляют образ главного героя как носителя верховной власти, исполнителя определенной миссии. В таких мифах наблюдается создание и распространение идей – мифологем, которые способны влиять на государственное управление в целом, становясь результатом избирательных гонок и победы определенных политических сил. Таким образом, формируется специфическая форма политического мировоззрения, в которой имеется синтез индивидуальный и коллективный, сознательное и бессознательное, прошлое, настоящее и будущее. Фактически современная политика, избирательные процессы являются по сути своей всеобъемлющими, а миф уже стал их неотъемлемой частью.

Политический миф в политике выполняет конструктивную функцию, поскольку делает ситуацию определенной, направляет политические процессы в определенное русло, определяет путь, прежде всего, к мирному решению проблем общественной жизни. Политические лидеры непосредственно влияют на то, созданные ли ими мифы станут позитивным фактором, способным правильно интегрировать политические процессы или превратятся в исключительно манипулятивные факторы.

На современном этапе развития общества мифотворчество стало сущностным признаком современного человека, определяющим явлением, которое непосредственно связано с политическим сознанием. Использование мифа во время избирательных процессов приводит к технологизации политики, ее прагматизму.

Политический миф в политике создается под действием рациональных аргументов, которые наполняют его фактами. В то же время, он базируется на инстинктах, эмоциях, которые влияют на убеждения. Политический миф всегда является вербально оформленным, благодаря чему выступает эффективным средством коммуникации. Он представляет собой выражение мифологических представлений, которые не нуждаются в логической аргументации. В то же время, в результате специфических особенностей данного феномена, политический миф становится понятным для каждого участника политического процесса. Для него не существует предела естественного и сверхъестественного, поскольку политический миф в своей основе имеет определенные ценности и нормы, которые воспринимаются, прежде всего, на веру. И хотя они существуют в течение ограниченного промежутка времени, не рассчитаны «на

вечность», все же исполняют свою роль и функцию в обществе.

Политический миф в политике может содержать в себе мистифицированный и преобразованный образ конкретной политической или экономической ситуации, создает новый позитивный или негативный образ политического деятеля, который в некоторой степени не будет отвечать действительности. Характерным признаком политического мифа является наличие иллюзий, то есть утопий – нереальных планов социальных преобразований. Правомерным является утверждение Е. Касирера о том, что миф является формой объективизации эмоциональной сферы индивида. Такой подход пригоден для характеристики политического мифа, поскольку миф выступает особой символической системой, которая приобретает онтологический статус. Формой бытия мифа на современном этапе является политический миф, к которому общество апеллирует в первую очередь в кризисные периоды [2, с. 379].

Таким образом, политический миф – это миф, который используется для реализации политических целей: борьбы за власть, ее легитимизации и осуществления политического господства. Используемые в качестве инструмента политической борьбы политические мифы оказывают колоссальное влияние на все общество. Особенность политического мифа в том, что он всегда стремится стать реальностью. В этом крайне заинтересованы те группы, которые данный миф эксплуатируют. Гюстав Лебон писал: «Все наши художественные, политические или социальные понятия непременно несут на себе мощный отпечаток иллюзий» [3, с. 154]. Иллюзии, о которых пишет Лебон и есть политические мифы – настоящие «локомотивы» прогресса.

Следовательно, современный избирательный политический миф в политике возникает как отклик на политическую ситуацию, он является одним из показателей заинтересованности политической жизнью обществом. Ведь его главная миссия заключается в удовлетворении политических потребностей широких кругов населения. Политический миф в современной политической жизни может быть не только коллективным, но и индивидуальным. Более того, современный политический миф сталкивается со свободой индивидуального или коллективного сознания, которое может его принимать или отталкивать. При этом коллективность может быть относительной, ограниченной содружеством единомышленников. Поэтому задача политических технологов – правильно определить миф и актуализировать его во время избирательных гонок. Еще одна особенность заключается в том, что политический миф и мифотворчество могут быть осознанными, индивидуальными по происхождению, исходить от того или иного лица (лидера, идеолога) или группы лиц, которые представляют определенную политическую силу. Именно поэтому возможна рационализация мифа и мифотворчества, его адаптация под определенные интересы и взгляды.

Литература

1. Гуревич, П. С. Буржуазная пропаганда в поисках теоретического обоснования / П.С. Гуревич. – М., 1978. – 159 с.
2. Кассирер, Э. Политические мифы / Э. Кассирер // Реклама: внушение и манипуляции [ред.-сост. Д. Я. Райгородский]. – Самара: Бахрах-М., 2001. – 751 с.

3. Лебон, Г. Психология масс / Гюстав Лебон // Психология толпы. – М.: Институт психологии РАН, Изд-во «КПС+», 1998. – С. 122-256.

4. Лісничий, В. Сучасний виборчий PR / В. Лісничий, В. Грищенко, В. Іванов та ін. – Северодонецьк: Вид. дім «ЄВРИКА», 2001. – 480 с.

УДК 32:[17.022.1]’06

Ладыга А.И.
(г. Луганск)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ БРЕНДА В ГОСУДАРСТВАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

*Мы не деньги, чтобы
всем нравиться.*
Современная пословица

В отечественной и мировой науке утвердился термин «постсоветское пространство». Это не просто удобный и политически нейтральный термин для обозначения территорий бывшего СССР и всех явлений, и процессов, которые здесь происходят. «Постсоветское пространство» – в первую очередь особая социальная и политическая реальность, противоречивая целостность которой предопределена и общностью (часто многовековой) предыдущего развития народов и особенно, – общностью, которая относится к советскому социалистическому этапу их истории.

Становление и развитие всех постсоветских новых государств, невзирая на определенные особенности

каждой из них, имели общие, характерные для всех молодых государств, черты.

В первую очередь, это связано с такими составляющими как: формирование государственных органов управления и властных структур; избранием парламента; принятием Конституции государства; определением внешней политики и вхождения в состав мирового содружества; осуществлением социальных и экономических преобразований; введением собственной валюты; созданием вооруженных сил и созданием бренда независимого государства, который мог бы за короткий период времени обеспечить позитивное восприятие государства в мире [8, с. 30].

Следует обратить особое внимание на то, что практически все государства в первые годы независимости очутились в сложной экономической ситуации, связанной с развалом прежней общей союзной экономики, разрывом производственных связей, прекращением ранее осуществляемых поставок сырья и материалов и сбыта готовой продукции.

После нескольких лет после распада СССР начались структурные изменения в хозяйстве и моделирование бренда, который будет стратегически важной характеристикой и от которого зависит деятельность государства и его успешное сотрудничество на международном рынке. Задача оказалась особенно сложной, так как в республиках не было институциональных структур и навыков управления экономикой в ситуации перехода от планово-централизованной системы с управлением из союзного центра к системе с элементами рыночных отношений.

Попытка быстро, путем насильственного тотального внедрения рыночных отношений, в условиях разрушения прежней единой народнохозяйственной

системы, вызвала экономическую катастрофу в большинстве государств.

Невзирая на общность экономических проблем, каждое государство имело разные стартовые возможности для развития собственной экономики и соответственно избирало свою модель осуществления экономических преобразований и создания собственного бренда.

В настоящее время происходит интенсивный процесс трансформации политических структур постсоветских государств. Для постсоветских государств стремления создать модель общественного строя по западным лекалам, как правило, не имели успеха. Как показал мировой опыт, успеха достигают только тогда, когда, создается правовое государство, учитывая социально-политические и экономические реалии того или иного государства.

В политической жизни всех постсоветских республик присутствуют общие признаки: господство в них мафиозных структур, падение культуры, обнищание людей. Отсюда стремление навести порядок и дисциплину, нормализовать экономическую и социальную жизнь. Все государства имеют институт президентства. Посты президента, сначала занятые прежними руководителями республиканских коммунистических партий, превратились в основной институт определения политического курса.

Однако, конечно, они имеют немало отличий, приобретенных в процессе дезинтеграции Союза ССР, геополитическим положением, социокультурными и национальноментальными факторами, а также качеством политических элит и мерой влияния на политический процесс со стороны других государств Запада и Востока.

К концу 2000-х гг. в большинстве постсоветских государств не происходит исторически значимых

изменений в направлении оздоровления общества. В результате не наблюдаются успехи в модернизации экономики. Рост производства не стал стабильным. Социальная сфера стала более слабым звеном общественной жизни. Следовательно, много экономических и социальных проблем не решается, а накапливается, угрожая обострением [1, с. 62].

Интересен опыт бренда государства Молдовы на постсоветском пространстве в сознании среднего европейца, который связан в первую очередь с высоким уровнем коррупции и неуважением к правам собственности», – сообщил в ходе международного круглого стола «Молдова в «Восточном партнерстве» директор International Foundation for Better Governance Д. Вилсон. Только конструктивные дискуссии, а также взаимодействие власти и гражданского общества республики способны улучшить ситуацию, изменив восприятие государства на международной арене.

Молдова в ближайшем будущем должна стать привлекательнее для иностранных инвесторов. При этом Запад постоянно давит на Молдову, что негативно влияет на экономику государства и тем самым ухудшает условия формирования бренда.

Среди других проблем, которые нужно решать в Молдове, – это высокий уровень коррупции среди чиновников и неуважение к правам собственности. Эти вопросы требуют немедленного решения, так как негативный образ государства в дальнейшем очень трудно изменить, тем более сформировать бренд государства. Крайне чувствительной темой для молдавской власти является крайняя бедность населения. Среди государств «Восточного партнерства» в Молдове один из самых низких доходов на душу населения [1, с. 60-62].

Интересным на наш взгляд является формирование бренда государства – Грузии. Эту страну связывали с конфликтами в Абхазии, Кодорском и Панкинском ущелье и с чудовищной коррумпированностью государственных структур. Однако государство имело все предпосылки для интенсивного развития экономики на внутреннем и внешнем рынках, особенно в сфере туризма: особенности географического положения и рельефа; черноморское побережье, благоприятный климат; богатство естественного, историко-культурного и туристического рекреационного потенциалов; традиции виноделия и известные сорта вин, упрощенное пересечение границы. Грузинское правительство работало с PR-агентствами из разных стран. Особенно активно работала американская «PR-компания» Public Strategies для «улучшения и поддержки бренда Грузии». После провала агрессии в Осетии, в Грузию «зашла» другая вашингтонская «PR-компания» для освещения этой проблематики. В ноябре 2011 г. Евросоюз «выделил Грузии грант» в 19 млн. евро с целью реализации в государстве программы «Поддержка реформ в сфере регионального развития Грузии». Финансовая помощь ЕС была направлена на реализацию в Грузии разных инфраструктурных проектов, разработку стратегии развития регионов, учебы и повышения квалификации местных кадров, а также «внедрения высокотехнологичных инноваций» в деле противостояния «русской агрессии» [3, с. 52].

Из опыта Грузии, можно сделать вывод, что при формировании благоприятного для Запада бренда эти страны заставляли «сотрудничать с PR-агентствами из разных государств», заниматься разработкой стратегии развития регионов, «учебой и повышением квалификации» местных кадров, а также внедрением

высокотехнологичных инноваций с учетом интересов западных стран.

Сегодня Грузия и Молдова фактически идут одним путем в формировании своего позитивного бренда среди международного сообщества за счет антироссийской деятельности и риторики. Это ярко проявляется в последнее время, так как лидеры этих государств подписали в Брюсселе соглашение об ассоциации с ЕС, которое стало фатальным событием для этих государств. Еще одним примером является то, что Грузия и Молдова получили статус союзника США без членства в НАТО. Эти два события уже отмечены в истории этих государств, но станет ли это позитивным движением в сторону развития этих стран или возможны более негативные последствия, покажет будущее [3, с. 55].

Выгоды от последовательного и профессионального процесса брендинга государства или региона можно воспринимать как способность привлекать больше инвестиций, поскольку позитивный государственный бренд прямо пропорционален экономическим и социально-политическим показателям страны, как-то система налогообложения, качественная профессиональная рабочая сила, безопасность, окружающая среда, политическая стабильность.

Другим элементом выгоды является возможность использования некоммерческой ценности «лейблы» «Сделано в ...» (Made in...), поскольку товары стран-производителей с позитивным брендом имеют высокий спрос в других странах.

Важными составляющими эффективного внедрения стратегии формирования и развития бренда государства в системе государственного управления является сотрудничество и привлечение представителей

государственных структур, бизнеса, художественной сферы, образования и СМИ.

К примеру, формирование пространства политической культуры Республики Беларусь осуществляется с помощью современных коммуникативных технологий, которые направлены на продвижение национальных интересов в пределах политической деятельности государства. В политическую культуру Беларуси входят политические традиции, обычаи, система организации власти, политические нормы, стереотипы, ценности, политический язык и тому подобное. Реконструкция политической культуры Беларуси как конкретного знания дает представление о функционировании кодовых программ при определении модели развития, системы управления, организации политического взаимодействия «власть – общество», принципов самоорганизации общества, доминирующих правил и норм. Наиболее стойкими компонентами политической культуры белорусского общества, как отмечает политолог И. Богрова, являются традиционные составляющие части бренда государства [2, с. 102].

Преобладание российского типа культуры объясняется во многом не только длительным существованием Беларуси в составе евразийского пространства Российской империи и позже в составе СССР, который сублимировал общероссийскую идею в пролетарский интернационализм, но и особенностями белорусского менталитета, который является своеобразной региональной версией восточнославянского менталитета. Противоречивая история государственности белорусского народа сформировала у него определенные представления о собственной судьбе, а также обозначила основной код организации жизненного и политического пространства. В белорусском обществе отсутствует националистическая

идея, которая отражает стремление народа к исторической активности по поводу собственной будущности. Содержание этих представлений, подчеркивают исследователи, составляет идея жертвенности и жизненной целесообразности. Согласно этой идеи человек абстрагируется от государства, которое всегда является неуправляемой и враждебной ему силой. В то же время, человек обнаруживает к государству благосклонность подданного, которая объясняется необходимым минимумом условий, которые она предоставляет человеку для выживания. Ориентация на целесообразность произвела ряд стойких черт, которые характеризуют жизнь, привычки, ментальность белорусов. Среди них одна из наиболее характерных – это прагматизм и изолированная независимость частной жизни, когда всячески оберегается свобода выбора и чувства собственного достоинства в собственном жизненном пространстве [4, с. 12].

В то же время, руководство государства осознает необходимость развития экономической системы в условиях трансформационных сдвигов и привлечения прямых иностранных инвестиций, которое побуждало политические институты Беларуси к разработке стратегии государственного бренда. Можно согласиться с мнением некоторых политологов, что в настоящий момент Беларусь находится на таком этапе идеологического, политического и социального развития, когда государственный бренд может стать эффективным инструментарием реализации государственной политики. Подтверждением этой мысли является поручение Президента Республики Беларусь А. Лукашенко Институту социально-политических исследований при Администрации Президента Беларуси о разработке идеологии и программы брендинга страны.

Для разработки программы государственного бренда Беларуси президентской администрацией в 2008 г. был подписан контракт из Т. Беллом, председателем ведущего международного PR-агентства «Bell Pottinger Group», членом британской палаты лордов, который предложил бренд-стратегию для Беларуси, что говорило об активном наступлении западных стран на восточнославянские интересы [5, с. 179].

Однако вскоре «сотрудничество» Т. Белла и правительства Республики Беларусь была прекращена из-за «несогласованности» проекта с реальными задачами правительственных структур. Поэтому, первым правительственным документом, который определяет базовые параметры государственного бренда Республики Беларусь можно считать разработанный Министерством иностранных дел на основе брендовой стратегии Т. Белла «План действий по развитию государственного маркетинга Республики Беларусь в 2009-2010 годах» [6, с. 10].

В документе «бренд государства» понимается как комплекс аналитических и практических мероприятий по продвижению экономического и инвестиционного потенциала страны, ее административно-правовых, инфраструктурных и естественных преимуществ для привлечения инвестиций и интеграции коммерческих и общественных организаций в международные процессы выработки, обсуждения, принятия и продвижения современных стандартов в сфере научных исследований, производства и потребления, полноценного участия в работе международных рынков, организаций и институтов.

Также в документе подчеркнуто, что с учетом кризисных явлений в мировой экономике и их влияния на экономику Республики Беларусь, а также вышеупомянутых особенностей, брэндинг государства

Беларусь должен включать: коррекцию негативных аспектов бренда государства; маркетинг новых решений (законов, правовых и институционных изменений, то есть реформ); привлечение новых людей (профессионализация, адекватность должностных лиц поставленным задачам; наличие кредита доверия к ним со стороны международных организаций; обновление управленческих кадров, в том числе и в органах государственного управления); новых подходов и идей к системным социально-экономическим реформам в целом.

Государственный бренд Республики Беларусь строится, на: информировании потенциальных инвесторов об инвестиционном климате; решениях органов государственной власти относительно его улучшения; сравнении преимуществ размещения ресурсов и производства в стране [7, с. 88].

Согласно плану действий по формированию бренда государства Беларусь, важнейшими институционными основами конкурентного инвестиционного климата Республики Беларусь является: полноценный диалог гражданского общества и государства; свобода слова и СМИ; макроэкономическая стабильность; унификация белорусского правового поля с международными нормами и стандартами; адаптация белорусской системы образования к стандартам ЕС; вступление и полноценное участие Республики Беларусь в работе таких международных организаций, как Совет Европы, ВОТ, ОБСЕ; стратегическое партнерство с Европейским Союзом и Российской Федерацией [7, с. 92].

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать вывод, что постсоветские страны, которые пытаются сформировать и позиционировать на международной арене собственный бренд государства, сталкиваются с трудностями, связанными, в частности, с давлением

западных стран и их попытками вовлечь в «антироссийский лагерь».

Понимая, что наличие государственного бренда, на современном этапе общественного развития, является необходимой составляющей частью успешного функционирования страны в публичной политике. После распада СССР каждое новое государство встало перед необходимостью самостоятельного существования в глобальной политической среде. Эффективной презентации особенностей государств постсоветского пространства способствует использование механизмов формирования бренда государства.

Характерной особенностью формирования бренда государства в странах постсоветского пространства является поиск идентичности бренда государства и коммуникативной платформы, которая будет определять основные направления бренда государства.

Литература

1. Бондар, А. Г. Психосемантичний аналіз як основа аудиту бренду держави: стан і перспективи [Електронний ресурс] / А. Г. Бондар // Наукові праці [Чорноморського державного університету імені Петра Могили]. Сер.: Політологія. – 2012. – Т. 204, Вип. 192. – С. 62-67.

2. Бондар, А. Г. Світовий досвід брендингу територій: типологія брендів країнсвіту / А. Бондар // Грані: Науково-теоретичний і громадсько-політичний альманах. – Д.: Дніпропетровський нац. ун-т, Центр соц.-політ. досліджень, 2012. – № 11. – С. 102-106.

3. Киселев, И. Ю. Образы государств в международных отношениях: механизмы трансформации / И. Ю. Киселев // Полис. – 2003. – № 3 (74). – С. 50-57.

4. Расторгуев, С. П. Философия информационной войны / С. П. Расторгуев. – М., 2000. – 444 с.

5. Рейтинг економічної свободи – 2006: Україна впевнено падає [Электронный ресурс] // Economic Freedom of the World: 2006 Annual Report. – URL: <http://www.management.com.ua/news/print.php?id=812>

6. Романенко, Ю. М. Мифология конфликта, или Конфронтация образов [Электронный ресурс] / Ю. М. Романенко // Конфликтология. – 2004. – № 2. – Режим доступа к статье: http://ontoimago.spb.ru/article_024.html

7. Щербань, В. М. Маркетингові інноваційні компоненти брендингових технологій / В. М. Щербань // Проблеми науки. – 2006. – № 10. – С. 44-47.

8. Чернышева, А. М. Брендинг / А. М. Чернышева, Т. Н. Якубова. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 504 с.

УДК [94 (479.226470+571):327]:929

**Милокост Л.С.
(г. Луганск)**

**ДИНАМИКА ГРУЗИНО-РОССИЙСКИХ
ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА
Э. А. ШЕВАРДНАДЗЕ**

В условиях первой половины XXI века, когда система международных отношений уже не является биполярной и переживает период структурных изменений, особую значимость приобретают внешнеполитические интересы национальных государств и их соотношение с интересами сверхдержав. Учитывая современную военно-политическую конфигурацию в регионе Южного Кавказа, характеризующуюся отсутствием явного регионального

лидера, можно сказать о развертывании борьбы за доминирование в регионе глобальных актеров в экономической, политической и, конечно, военно-стратегической сферах. Одна из ключевых ролей в этой борьбе ведущими акторами в регионе отводится Республике Грузия. При этом наиболее проблематичным для Тбилиси оказалось выстраивание конструктивных отношений с Российской Федерацией.

Развитие двусторонних отношений Тбилиси и Москвы было изначально связано с урегулированием существующих конфликтов на территории Грузии. Нормализация ситуации в Абхазии и Южной Осетии стала основой формирования договорных отношений между Грузией и Россией. Начиная с 1995 г. грузинская сторона начала активно поднимать вопрос о выводе с территории Грузии российских военных баз. Уже в ходе стамбульской сессии ОБСЕ в ноябре 1999 г. были достигнуты договоренности по данному вопросу, в соответствии с которыми Российская Федерация брала на себя обязательства осуществить поэтапное сокращение обычных вооружений и военной техники до 31 декабря 2000 г. Первый раунд переговоров по военным вопросам состоялся 20–21 апреля 2000 г. в Москве. В ходе второго раунда в Тбилиси (24–25 июня 2000 г.) российская сторона представила планы-графики вывода российских военных баз Вазиани и Гудаута [3], однако фактически была эвакуирована только база в Вазиани.

Серьезной проблемой в развитии российско-грузинских отношений в этот период стал чеченский вопрос, который был вызван позицией Грузии по чеченской проблеме и активностью чеченских бандформирований в пограничной зоне. Необходимо принять во внимание и тот факт, что с 1997 г. в Тбилиси начало действовать «полномочное представительство

Ичкерии», которое стало центром координации финансовой помощи чеченским бандформированиям. В период начала второй чеченской компании Россия обратилась к грузинскому руководству с просьбой разрешить российским войскам вторжение в Чечню с грузинской территории, но эта просьба не была удовлетворена. В соответствии с информацией российского правительства, в Панкисском ущелье было сконцентрирована значительная группа вооруженных боевиков. В виду отсутствия конструктивного диалога между грузинской и российской сторонами по данному вопросу с октября 2000 г. между Тбилиси и Москвой начались активные переговоры об изменении режима пересечения российско-грузинской границы. В результате с 5 декабря 2000 г. Российская Федерация ввела визовый режим в отношении Грузии [2].

К лету 2001 г. российско-грузинские отношения еще больше обострились из-за активности чеченских террористов, которые со своих перевалочных баз на грузинской территории стали наносить удары по российским объектам. Российская Федерация потребовала от Грузии предпринять активные меры для уничтожения баз террористов в Панкисии. В сентябре 2002 г. В. Путин направил в ООН и ОБСЕ предупреждение о том, что Россия может начать в Грузии силовую антитеррористическую операцию в виду активности чеченских боевиков на грузинской территории [4].

Непросто складывались и торгово-экономические отношения между Россией и Грузией, важность которых определялась производственными связями, которые сохранились еще с советских времен. К середине 1990-х гг. по объемам внешнеторгового товарооборота Российская Федерация находилась на втором месте среди партнеров Грузии, являясь, одновременно, главным источником

валютных поступлений в грузинскую экономику. Однако по объемам торгово-экономических отношений Грузия в период 1995–2003 гг. занимала последнюю позицию среди стран-партнеров России по СНГ [5].

Бесспорно, существенное влияние на уровень торгово-экономического сотрудничества оказало подписание Соглашения о свободной торговле [7] и Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве [8]. В соответствии с соглашением о свободной торговле экспорт и импорт товаров в торговле не облагался таможенными пошлинами, за исключением небольшой согласованной номенклатуры товаров, отмеченной в соответствующих протоколах. Это оказало стимулирующее воздействие на развитие экономического сотрудничества. Так, в 1997 г. сумма товарооборота уже составила почти 298 млн. долларов, таким образом, произошло его увеличение практически на 39%, экспорт составил – 148 млн. долларов, а импорт 150 млн. долларов.

Дефолт 1998 г., согласно данным внешнеторговой статистики России, значительно отразился на уровне грузино-российских торговых связей. Объем экспорта в 1999 г. снизился на 38% по сравнению с 1997 г., но значительно больше пострадал объем импорта, который упал на 51%. При этом сумма товарооборота до конца президентства Э. Шеварднадзе не превысила докризисного показателя. По результатам 2003 г. товарооборот между Россией и Грузией составил 237 млн. долларов [6].

Основную долю российского экспорта занимали продовольственные товары (более 50%), что было характерно также и для импорта, в котором более 80% составляла продукция алкогольной промышленности и минеральные воды. Помимо этого, российское ОАО «Газпром» являлся основным поставщиком природного газа на территорию Грузии. Учитывая географическое

положение Грузии, которое позволяло ей активно использовать выгоды от транспортировки российского газа, в 2003 г. Э. Шеварднадзе рассматривал возможность подписания договор о стратегическом сотрудничестве с «Газпром» [1].

Таким образом, во второй половине 1990-х гг. на развитие динамики грузино-российских отношений существенное влияние стали оказывать, во-первых, вопрос о пребывании на грузинской территории российских военных баз, во-вторых, чеченская проблема, которая была вызвана как позицией Грузии, так и активностью чеченских бандформирований в пограничной зоне, что являлось угрозой безопасности РФ.

Литература

1. Грузия подпишет с «Газпром» соглашение о стратегическом сотрудничестве [Электронный ресурс]. – URL: <https://civil.ge/ru/archives/158592> (дата обращения: 10.02.2019).

2. О введении визового режима между Россией и Грузией [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ge/asset_publisher/uwNHxf8KDaOY/content/id/594560 (дата обращения: 21.01.2019).

3. Об итогах российско-грузинских переговоров по военным вопросам [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ge/asset_publisher/uwNHxf8KDaOY/content/id/602272 (дата обращения: 20.01.2019).

4. Путин известил Совбез ООН о возможной операции в Грузии [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/949029> (дата обращения: 22.01.2019).

5. Российский статистический ежегодник, 2001. [Электронный ресурс]. – URL: <http://istmat.info/node/21317> (дата обращения: 06.04.2019).

6. Российский статистический ежегодник, 2007. [Электронный ресурс]. – URL: <http://istmat.info/node/21311> (дата обращения: 10.04.2019).

7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Грузия о свободной торговле [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-363/48251 (дата обращения: 02.02.2019).

8. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительства Республики Грузия о торгово-экономическом сотрудничестве в 1994 году [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-363/48200 (дата обращения: 02.02.2019).

УДК 327.8

**Дибас О.А.
(г. Луганск)**

МИССИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Распад СССР и появление новых независимых государств на территории постсоветского пространства привели к значительным трансформациям как в системе двусторонних отношений, так и в геополитической ситуации в целом.

В этих условиях ряд государств ранее входивших в состав СССР оказались перед необходимостью

самостоятельного выбора внешнеполитических приоритетов, партнеров и потенциальных союзников.

Если государства Балтии изначально провозгласили курс на интеграцию в европейское пространство, правительство Украины изначально заявляло о своей внеблоковости, то государства Среднего Востока (особенно Таджикистан) оказались в достаточно непростой ситуации.

В наиболее сложном положении оказался Таджикистан на территории которого после провозглашения распада СССР начался затяжной гражданский конфликт, длившийся вплоть до примирения сторон в 1997 году и фактически разорвавший государство на два противоборствующих лагеря. На внутривнутриполитическое развитие Таджикистана также оказывало огромное влияние наличие совместной таджикско-афганской границы, которая способствовала как проникновению вооруженных группировок на территорию страны, так и организации централизованного наркотрафика из Афганистана.

Российская Федерация, оттесненная «европейскими партнерами» от возможности влияния на внешнеполитическую ситуацию, сконцентрированная на решении внутривнутриполитических конфликтов и консолидации общества была изначально ограничена в возможностях восстановления прежнего статуса и влияния на территории стран Центральной Азии. Однако при этом не отказывалась от поддержки официального провозглашенного таджикского правительства, выступая основным донором таджикской экономики вплоть до 1997 года.

Изучение динамики российско-таджикских отношений не раз становились объектом научных исследований. Особенно стоит отметить работы

Мещерякова К. Е. [2], в которых исследовались как правовую основу двусторонних отношений, так и взаимовлияние в представлении анализ как различных секторов экономики, а также взаимодействие в рамках действующих на территории Евразийского пространства международных объединения, союзов, организациях ОДКБ, СНГ, ШОС и ЕврАзЭС.

После распада СССР перед Российской Федерацией стояла сложная задача сохранения присутствия в регионе Центральной Азии в связи с чем правительство Б. Ельцина пыталось маневрировать между новыми независимыми государствами – Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном. При этом если относительную стабильность Казахстана обеспечивали природные ресурсы которыми богата страна, то Таджикистан оказался в наименее выгодном положении.

На момент обретения независимости Таджикистан проигрывал своим соседям как в уровне социально-экономического развития, богатства природными ресурсами (особенно углеводородами). Также значимой проблемой для молодого государства стала активизация клановых интересов, этнических группировок, каждая из которых претендовала на установление власти на территории всего государства или настаивала на децентрализации и закреплении власти в регионах. Усугублялось положение протяженной таджикско-афганской границы, которая как способствовала формированию наркотрафика по территории Таджикистана, так и наводнению страны незарегистрированным оружием, что способствовало общей криминализации в стране.

Ухудшались взаимоотношения и со странами соседями, в первую очередь с Узбекистаном, который руководство Э. Рахмонова обвиняло в содействии

разжигания гражданского конфликта и поддержке незаконных вооруженных формирования М. Худойбердыев.

Одновременно происходило охлаждение двусторонних отношений Казахстана, Узбекистана, Киргизии с Российской Федерацией, в виду все большего влияния на евразийском пространстве сразу двух центров силы – Турции, распространяющей влияние на территории вышеобозначенных стран вместе с реставрацией идеи Великого Турана. В этот же время КНР, возглавляемое Цзян Цзэмином постепенно активизировало свое влияние в регионе посредством начала совместных масштабных проектов.

В подобных условиях Э. Рахмонов все больше демонстрировал приверженность идеям российско-таджикского сотрудничества и впоследствии закрепил за собой статус главного государства-проводника российских интересов в регионе Центральной Азии.

В 2001 году активность российско-таджикского диалога несколько снизилась. Одновременно по инициативе Ташкента началось заметное оживление в российско-узбекских отношениях, воспринятое Москвой с явным удовлетворением. После этого Душанбе окончательно утратил роль главного союзника России в Центральной Азии, и дальнейшее оказание ею безвозмездной помощи режиму Э. Ш. Рахмонова оказалось под угрозой.

Ухудшению двустороннего диалога также способствовало взаимодействие Таджикистана с США в рамках объявленной войны международному терроризму в ходе которой руководство Э. Рахмонова предоставило ВМС США аэродром в Куябе, чем привело к еще большему охлаждению российско-таджикского диалога.

Переходу к конструктивному диалогу и партнерству предшествовало решение откладываемых ранее вопросов, преимущественно выплаты долгов и переход от бартера к поэтапной выплате накопившихся задолженностей.

Преодолев донорно-акцепторный характер своего взаимодействия, в 2003 году стороны вновь активизировали контакты друг с другом. В апреле В. В. Путин посетил Душанбе с рабочим визитом, назвав главным приоритетом российско-таджикского сотрудничества доведение торгово-экономических связей до такого же высокого уровня, на котором находились политические контакты между двумя государствами

В 2004 году в оценках таджикским руководством политики России вновь зазвучали теплые нотки. На июньской встрече с В. В. Путиным в Сочи Э. Ш. Рахмонов заявил: «То, что Россия имеет в Таджикистане, нет ни с одной республикой бывшего Советского Союза». Стороны решили, что часть задолженности Душанбе перед Москвой будет вложена в крупные инвестиционные энергетические проекты на территории Таджикистана, а остальные долги будут погашены путем передачи российской стороне в безвозмездную аренду оптико-электронного узла «Нурек» системы контроля за космическим пространством. Президенты договорились, что участки для развертывания в Таджикистане российской военной базы, а также земли, используемые российскими военнослужащими в качестве полигонов, будут безвозмездно переданы Москве в бессрочное пользование. Итоги встречи показали, что российско-таджикские отношения начали выходить на новый уровень.

Договоренности 2004-2007 гг. [1, с. 3–5] способствовали активизации сотрудничества в экономическом секторе, были ориентированы на совместную добычу и транспортировку углеводородов. В

качестве совместных проектов было заявлено строительство ГЭС на территории Таджикистана, что столкнулось с рядом трудностей, в том числе в вопросах финансирования.

Отношения, перешедшие в характер взаимовыгодных после визита В. Путина в 2012 г. Душанбе перешли на новый уровень и стали носить партнерский характер.

Главными вопросами, которые требовали совместного решения являлись:

– вопросы контроля наркотрафика, что регулировалось в том числе в рамках ОДКБ;

– сохранение 201 военной базы РФ на территории Таджикистана, что смогло быть реализовано в результате договоренностей о частичном финансировании вооруженных сил Таджикистана российской стороной в обмен на сохранение территории базы под юрисдикцией РФ;

– решение о регулировании вопросов трудовой миграции из Таджикистана, в котором заинтересованы обе стороны.

Таким образом в период 1992–2018 гг. происходила эволюция российско-таджикских отношений, которые от донорно-акцептных перешли к партнерским, но при этом РФ утратила приоритетность и оказалось одним из государств оказывающих влияние на Таджикистан наряду с КНР, которые все больше распространяют влияние в рамках реализации ряда проектов на территории центрально-азиатского региона, а именно «Один пояс – один путь» и «новый шелковый путь», которые таким образом включают все больше стран региона в орбиту как экономического, так и культурного влияния. Также неустанно наблюдаются попытки активизации позиций США в регионе, которые частично сократились в

результате объявляемой необходимости сворачивания американского присутствия в Афганистане.

Литература

1. Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан от 16 апреля 1999 г. [Текст] // Бюл. междунар. договоров. – 2006. – № 10. – С. 55–62.

2. Мещеряков, К. Е. Внешняя политика России в Центральной Азии: проблемы и тенденции развития, пути модернизации с целью повышения эффективности [Текст] / К. Е. Мещеряков. – СПб.: Скифия-принт, 2012. – 372 с.

3. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о передаче в собственность Российской Федерации оптико-электронного узла «Нурек» системы контроля космического пространства и порядке его функционирования от 16 октября 2004 г. [Текст] // Бюл. междунар. договоров. – 2007. – № 4. – С. 42–47.

4. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о порядке и условиях долевого участия Российской Федерации в строительстве Сангтудинской ГЭС-1 от 16 октября 2004 г. [Текст] // Там же. – 2005. – № 9. – С. 56–59.

5. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о порядке передачи Республике Таджикистан участка государственной границы Республики Таджикистан с Китайской Народной Республикой, охраняемого Пограничной службой Российской Федерации, и имущества, используемого

Пограничной службой Российской Федерации, от 17 октября 2002 г. [Текст] // Там же. – 2003. – № 3. – С. 70–72.

б. Соглашение о порядке передачи под охрану Республике Таджикистан участка государственной границы Республики Таджикистан с Переходным Исламским Государством Афганистан, охраняемого российскими пограничными органами и Пограничными войсками, от 16 октября 2004 г. [Текст] // Там же. – 2005. – № 2. – С. 93–95.

УДК 001:321.7

**Кандауров Б. И.
(г. Луганск)**

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ПЕРЕХОДОВ К ДЕМОКРАТИИ

В период «холодной войны» глобальная политика стала биполярной, а мир был разделен на три части: капиталистические, социалистические и развивающиеся страны. При таком состоянии глобальной политики соответствующими были и теории демократии и переходов к ней.

С. Хантингтон доказывает, что такое развитие может привести к столкновению между цивилизациями. Он считает, что только рассматривая развитие человечества в рамках 7 или 8 цивилизаций можно объяснить сущность того, что происходит вокруг нас. С. Хантингтон выделяет 8 цивилизаций: Китайскую, Японскую, Индуистскую, Исламскую, Православную, Западную, Латиноамериканскую, Африканскую [8]. Создание единой цивилизации по западному образцу

связано с процессами модернизации (осовременивания, технические новшества) и вестернизации (внедрение западных ценностей). Реакция в разных культурах на влияние Запада тройкое:

1) принятие модернизации и вестернизации (западный путь развития);

2) отторжение модернизации и вестернизации (тупиковый путь развития);

3) принятие модернизации и отторжение вестернизации. В данном случае речь идет о том, что, например, ряд азиатских стран принимают западную технологию, но отвергают западную культуру: «китайская мудрость для фундаментальных принципов, западная мудрость – для практического пользования»; «Японский дух и западная техника» [9].

Ученые, анализирующие трансформационные процессы с конца 70-х годов XX в. в странах Латинской Америки, ввели в научный оборот термин «демократический переход», отсюда и название направления, изучающего переходные общества, – «транзитология». В более узком и специальном смысле «политический транзит», в современной политологии представляет собой процесс перехода государственно-политической системы страны от менее совершенной в демократическом отношении завершенной, развитой формы демократии, которая охватывает политическую организацию общества и политическую систему власти [2]. Рассмотрение феномена политического транзита позволяет обнаружить, что он представляет собой промежуточное качество, переход общества от одного состояния к другому. В содержательном плане политический транзит соотносится с демократическим реформированием системы политической власти и

либерализацией общественно-политической жизни страны [2].

В транзите можно условно выделить пять основных его составляющих элементов: предпосылки политического транзита; начальная точка политического транзита; цель транзита; сам процесс транзита с его специфическим содержанием; результаты транзита. Рассмотрим отдельно каждый элемент политического транзита. Первый составной элемент политического транзита заключается в тех условиях, которые напрямую или косвенно предшествуют его началу.

Вторым составляющим элементом политического транзита является начальная (исходная) точка отсчета, с которой начинается транзит как процесс. Можно начать транзит из тоталитарного состояния общества и можно иметь в качестве начальной точки транзита авторитарный режим с некоторыми элементами демократии.

Третьим составляющим элементом политического транзита является его цель, то есть то состояние общества, политической системы, режима власти, к которому движется социум в процессе транзита. Наличие этого элемента обусловлено тем, что практически во всех известных концепциях политического транзита особое место уделяется описанию той идеальной модели политической системы, которая и является целью всякой политической трансформации. Иными словами, непосредственное содержание политического транзита зависит от цели, которой оговариваются направление движения и средства ее достижения. Целью политического транзита является установление демократического режима, а именно – «консолидированной демократии». Консолидированная демократия – это одна из главных целей во всех транзитологических теориях, это устройство

предусматривает консолидацию если не всех, то хотя бы большей части социальных групп.

Четвертым составляющим элементом политического транзита является сам процесс транзита с его специфическим содержанием, которое определяется его внутренними, этапными и сущностными характеристиками.

Пятым составляющим элементом политического транзита является его результат. В целом результат транзита не всегда совпадает с его целью. Это связано с тем, что политический транзит характеризуется неопределенностью процедур и результатов [3].

Большинство транзитологов, анализируя переход к демократии, выделяют при этом ряд стадий. Долгое время популярной была модель демократического перехода, предложенная американским политологом Д. Растоу. При разработке данной модели ученый опирался на эмпирический материал исследований перехода к демократии таких стран, как Швеция и Турция. Исходной точкой в его модели является национальное единство. Сам переход к демократии смоделирован трехфазно: а) подготовительная фаза характеризуется значительным конфликтом внутри политики; б) на фазе принятия решения осуществляется выбор альтернатив, заключение пакта (или пактов) на основе практических компромиссов, которые требуют выработки и сознательного принятия демократических правил; в) на фазе привыкания политические процедуры, институты и т. п. постепенно закрепляются и утверждаются в обществе в качестве демократических [5].

Аналогичную схему перехода к демократии предлагают американские политологи Ф. Шмиттер и Г. О'Доннел. Они выделили следующие фазы перехода: либерализации, демократизации, ресоциализации. Фаза

либерализации начинается кризисом авторитарных или тоталитарных режимов и кризисом идентичности элит, которая заканчивается их расколом. Фаза демократизации отличается институциональными изменениями в политической системе. На этом этапе появляются такие политические институты, как политические партии, избирательная система, которые позволяют формировать органы власти демократическим путем. Во время ресоциализации происходит освоение гражданами демократических ценностей и правил игры и постепенное включение их в новую политическую систему, то есть формируется гражданское общество. Другие авторы называют эту стадию стадией консолидации. Консолидация демократии – это процесс преобразования случайных договоренностей и условных решений, возникающих между политическими элитами в период демократического перехода в устойчивые нормы отношений соперничества и сотрудничества между главными действующими лицами политического процесса [4].

Итак, переход-демократизация имеет определенные фазы, которые проходит каждая страна, которая демократизируется. Но продолжительность этих фаз и их результативность зависят от конкретно-исторических условий развития каждого общества.

За последние годы не было видимо в политической науке более популярных терминов, чем «трансформация» и «модернизация». Многие ученые прилагали усилия к изучению сущности этих понятий, анализа соответствующих процессов в различных странах мира. До последнего времени большинство ученых констатируют значительную бесперспективность государственной политики в Украине, отсутствие адекватных стратегий развития. Подтверждением этому

является ориентация экономики и социально-политических программ на традиционные энергоемкие производства, тяжелую промышленность, добычу и переработку природных ресурсов. И более того – экономически контрпродуктивное уничтожение комплексных связей с постсоветским пространством, и, в первую очередь, с Россией. Общество ведет постоянную отчаянную борьбу за ограниченные ресурсы. Ареной такой борьбы становятся государственная политика и бюджет, а основными субъектами борьбы – бюрократические кланы и финансово-олигархические структуры [6].

Осознание логики современного социально-политического развития требует, прежде всего, переосмысления некоторых существенных аспектов процессов трансформации и модернизации. Понятия «трансформация» и «модернизация» должны рассматриваться как составляющие политического развития. Под «трансформацией» понимается, прежде всего, выход системы за пределы стабильного функционирования и переход в состояние неуравновешенности к новому качеству. Таким образом, понятие «общественная трансформация» вмещает в себя весь процесс движения общества, изменения различной направленности. В отличие от этого понятия «модернизация общества» рассматривает аспект совершенствования общества, развития вперед. Модернизация – это именно та часть трансформационного процесса, когда система не просто выходит за пределы своей социальной организации, а начинает решать проблемы социума. Специфика понятия «модернизация» состоит в том, что оно акцентирует внимание именно на повышении функциональной способности социальных институтов [7].

Большинство стран, которые осуществляли общественную трансформацию на рубеже XX и XXI вв., сегодня подошли к постмодернизационному этапу, который, в отличие от модернизации, акцентирует внимание не на создании инноваций, разрушении отжившего, а на осознании нового, его сочетании с общепринятыми принципами общества. Главные составляющие содержания постмодернизации – синтез инноваций и традиционности, закрепление в общественной жизни обновленных правил игры – выступают как актуальные задачи развития современного украинского общества, которое стремится к стабильности и консолидации [1].

Настоящее требует формирования новых научных подходов к анализу чрезвычайно динамичного и взаимосвязанного мира, логику развития которого нужно не менять, а осознать и применять, учитывая задачи определенного общества. В этом контексте обращает на себя внимание наука о самоорганизации сложных структур, которая рассматривает явления, происходящие в открытых неуравновешенных системах, далеких от стабильного состояния. Классическая методология была пригодна для анализа систем, которые эволюционируют относительно медленно и в каждой точке своей эволюции находятся в состоянии равновесия. Так развивались страны Западной Европы и Северной Америки, где демократизация и модернизация продолжались в течение нескольких веков.

Подводя итог, следует обратить внимание на тот факт, что все попытки формирования альтернативного пути развития государственных систем, начиная со вт. пол. XX века, исходили от авторитарных режимов. Попытки смены данной тенденции, заканчивались недееспособностью и отсутствием стратегического

планирования. Показательным становится изучение эмпирической базы подобных авторитарных проектов. Ключевыми итогами провала выступили процессы демократического транзита в таких странах. Это стало двигателем пересмотра политической системы в ряде государств, с постепенным переходом к демократическим устоям.

Литература

1. Дарендорф, Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Р. Дарендорф; Пер. с нем. Л. Ю. Пантиной. – М.: (РОССПЭН), 2002. – 288 с.

2. Макарычев, А. С. Стабильность и нестабильность при демократии: Методологические подходы и оценки / А. С. Макарычев // Полис. – 1998. – № 1. – С. 149-156.

3. Мартъянов, В. Нормы как продолжения интересов: постсоветский опыт СНГ и России [Электронный ресурс] / В. Мартъянов. – URL: www.espi.ru // Материалы исследований ЕСПЫ. – 2006. – № 5.

4. О'Доннелл, Г. Делегативная демократия [Электронный ресурс] / Г. О'Доннелл Пределы власти. – 1994. – № 2-3. – URL: <http://old.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem01.htm>

5. Растоу, Д. А. Переходы к демократии: попытка динамической модели / Д. А. Растоу // Полис, 1996. – № 5. – С. 56-97.

6. Романюк, А. О. взаимообусловленности процессов развития украинской суверенной государственности и посттоталитарной трансформации украинского общества / А. О. Романюк // Украинская государственность: становление, опыт, проблемы. 36. наук. ст. (По материалам XII Харьковских

политологических чтений). – Харьков: Право, 2001. – С. 47-49.

7. Семенова, Г. В. Нравственное содержание демократии в контексте различения нормативного и эмпирического подходов [Электронный ресурс] / Г. В. Семенова. – URL: www.law.edu.ru/magazine/document

8. Сушко, А. Избирательная кампания и политическая эволюция Украины // О. Сушко, А. Лисничук. Президентские выборы и Оранжевая революция: влияние на трансформационные процессы в Украине / Фонд им. Фридриха Эберта. Под ред. Г. Курта и др. – М.: Завещание, 2005. – С. 85-105.

9. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.

УДК 32:323.2

Делянченко В.Н.
(г. Луганск)

ПРОБЛЕМА ИНТОЛЕРАНТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА

В XXI веке современный мир испытывает разрушительное воздействие нетерпимости людей друг к другу. Крайне опасными формами проявлениями этого явления выступает экстремизм, войны.

Международными организациями в прошлом столетии были приняты документы, провозглашающие и закрепляющие правовую базу сосуществования человечества. В настоящее время в международном праве существует около 70 нормативно-правовых документов в

области прав человека. Действующие международные договоры, пакты и конвенции создали юридически обязательные нормы поведения государств в области защиты прав человека [3]. Это декларации, законы, хартии, в которых воплощены идеи свободы, неприкосновенности, независимости личности: «Общая декларация прав человека» (1948), «Декларация прав ребенка» (1959), «Декларация о религиозной свободе» (1965), «Декларация принципов толерантности» (1995) [6, с. 46]. Однако толерантность, которая закреплялась в официальных документах в XX веке, далека от того чтобы стать общепринятым принципом взаимоотношений современности.

«Декларация принципов толерантности», утверждённая в 1995 году Генеральной конференцией ЮНЕСКО определяет понятие «толерантность» как:

- уважение, принятие и правильное понимание разнообразия культур нашего мира, форм самовыражения и проявления человеческой индивидуальности;
- отказ от догматизма, абсолютизация истины и утверждение норм, установленных в международно-правовых актах в области прав человека;
- способность человека, сообщества, государства слышать и уважать мнение других и не враждебно её встречать;
- активное отношение, которое формируется на основе признания универсальных прав и основных свобод человека;
- привилегий сильных и умных, которые не сомневаются в своих способностях продвигаться на пути к истине через диалог и разнообразие мыслей и позиций [7, с. 33-37].

Усилия ЮНЕСКО были направлены на то, чтобы понятие «толерантность» стало международным термином

и ключевым словом в проблематике мира на Земле. Однако это не так. Украина дала понять всему миру, что война в XXI веке в центре Европы – реальность. Граждане одной страны не смогли стать толерантными друг к другу, услышать друг друга, понять. Несмотря на все научные труды, международные правовые и декларационные документы, очевидно, что проблема прививания, формирования, культивации толерантности существует в любом обществе и особо остро, в современном украинском.

Обобщения различных подходов отображенных в трудах Сократа, Платона, Г. Сковороды, Г. Друа, Ж. Бастида, П. Ванбергена, М. Ворнок, П. Николсона, В. Янкелевича позволили нам выделить в структуре толерантных отношений такие аспекты, как: чувственный, религиозный, гуманистический, моральный, культурный, политический, социальный, личностный.

Понятию толерантность обычно придают позитивный оценочный характер: «Толерантность является ключевым духовно-нравственным принципом гражданского общества. Уровень толерантности отдельного человека во многом характеризует его личные качества, нравственную зрелость и культуру, обуславливает его отношения с другими людьми» [5].

Как социальное явление толерантность возникает потому, что человек – существо общественное. Толерантность предусматривает социально активное отношение к окружающей действительности. Она формируется в процессе совместной деятельности.

Невзирая на то, что понятие «толерантные отношения» трактуется широко, отсутствуют четко определенные его характеристики, оно достаточно необоснованно по уровням и формам проявления. В обществе сформировалось обобщенное понимание его

содержания. Толерантность как качество личности оказывается в терпимом отношении к другой культуре, инакомыслию, доверии, пониманию, сосуществованию. В то же время, становится все очевиднее, что задачи, возникшие перед политикумом и обществом в связи с сложившейся ситуацией в Украине, требуют дальнейшего исследования этого сложного и недостаточной мерой научно разработанного феномена.

Интолерантность – закономерное порождение тех периодов истории, которые характеризуются кризисными явлениями, социальной нестабильностью, снижением жизненного уровня населения. Сегодняшнее усовершенствование технологий ведения войны делает её еще более опасной и разрушительной. Исходя из определения толерантности, определяем интолерантность как качество личности, характеризующееся негативным, враждебным отношением к особенностям культуры той или иной социальной группы, к иным социальным группам вообще и к отдельным представителям этих групп в частности [4].

Проблема формирования культурных ценностей и норм, которые могли бы противостоять интолерантности и отвечать современным вызовам времени – это актуальная проблема, решить которую призвано человечество. В свете перманентных «цветных революций» на постсоветском пространстве, военной агрессии украинской армии в Донбассе, терроре гражданского населения, эта сторона жизни особенно актуальна для жителей Украины. Украинский политикум играет на низменных инстинктах националистически настроенных масс, и используют их в своих целях [1, с. 6-7].

Результаты Всеукраинского социологического исследования «Уровень толерантности в Украине», проведенного в 2006 году показал, что две трети населения

оценивают ситуацию в стране как напряженную и конфликтную. Очевидно, это связано с событиями на Майдане образца 2005 года. Сегодня этот уровень в связи с событиями на Донбассе начиная с 2014 года значительно возрос.

Представители политической элиты современной Украины настроены радикально относительно иноверцев. Источником нетерпимости, интолерантности в данном случае стали противоположные взгляды большинства населения Донбасса на вектор политического, экономического, культурного, духовного самоопределения Украины. Население Донбасса в большинстве не разделяла намерений и действий властной верхушки. Инструменты подавления мятежа были разные: от давления отдельных политических групп, партий на гражданское общество Донбасса, до откровенного подстрекательства к репрессиям и убийствам мирных граждан. Большинство негативно относилось к меньшинству и таким образом оно пыталось навязывать свои взгляды другим.

Интолерантные отношения базируются на убеждении, что твоя группа, система взглядов, способ жизни являются превосходными над другими. Неприятие другого происходит потому что, он думает по-другому, действует по-другому, и даже потому, что просто существует.

Интолерантность проявляется, главным образом, на 3 уровнях: на эмотивном уровне, что предполагает отношения, основанные на неприятии, неприязни, ненависти, вражде по отношению к др. этносам вообще или к конкретной этнической общности и отдельным его представителям. Второй уровень – конативный, что означает направленность поведения и действий по отношению к представителям других этносов на неприятие и вражду. На третьем же, когнитивном уровне,

интолерантность представляет собой идеи, концепции, оправдывающие негативные отношения и враждебные действия по отношению к представителям других этносов вообще или к отдельно взятой этнической общности. В тоже время необходимо различать разновидности форм нетерпимости [2].

Здесь речь идет об индивидуальном и коллективном порыве, который начинается раздражением, сменяется гневом и, в итоге оканчивается трагедией, становится причиной террористических актов и геноцида. Интолерантность, нетерпимость неизбежно приводит к господству и уничтожению одних групп другими. Для интолерантных отношений характерно угнетение, а не убеждение. Интолерантные отношения проявлялись в виде:

- обиды, насмешки, выражение неуважения;
- игнорирование (отказ в признании отличных мнений);
- негативные стереотипы, предубеждения, суеверия (обобщённое представления о человеке, как правило, на основе негативных характеристик);
- этноцентризм (оценка и понимание жизненных явлений и ценностей через призму ценностей и традиций собственной группы как эталонной);
- преследования, запугивания, угрозы;
- дискриминация по любым признакам (политические, религиозные взгляды, идеологическое различие), которая может проявляться в виде лишения социальных благ, невыполнения прав человека (решение было принято украинским парламентом 21 мая 2015 г. [8];
- ксенофобия в форме этнофобий, религиозных фобий, мигрантофобий (преследование чужаков);
- национализм (убеждение в преимуществе своей нации над остальными и в том, что собственная нация

имеет неограниченные права (как пример приводим лозунги украинских националистов: «Україна понад усе», «Слава нації», «Смерть ворогам», факельные шествия, поклонение идолам национализма и фашизма и т.п.);

- вандализм по отношению к религиозным или культурным символам (законом Украины от 20.05.2015 «О декоммунизации» – запрещена советская символика, признаны борцами за независимость Украины УПА и другие националистические организации [9];

- апартеид (принудительное разделение людей разных рас, религий, полов, соответственно во вред одной группы);

- репрессии (насильственное лишение возможности реализации прав человека), уничтожение и геноцид (физическая расправа, нападения, убийства);

- религиозные преследования [10].

Следует осознавать последствия интолерантных отношений для общества и уметь оценить ее проявление как нарушение прав человека.

В сознании молодых людей современного украинского общества большинство поликультурных этнических традиций разрушено, они извращены. Поэтому политическую интолерантность в данном случае стоит понимать, как любые проявления дискриминации, ксенофобии и неприятия «другого». Данное понятие включает этноцентризм (преимущество одной этнической группы над другими), классицизм (дискриминация по социально-экономическому статусу), лингвизм (дискриминация по отношению к человеку с инаковыми языковыми или речевыми особенностями) и др. У людей появляется чувство тревоги за собственную безопасность в связи с более частыми актами проявления нетерпимости, насилия, терроризма, ксенофобии, агрессивного национализма, антисемитизма, отчуждения,

маргинализации и дискриминации национальных, этнических, религиозных и языковых меньшинств, беженцев, и социально наименее защищенных групп в обществе, а также актами насилия и запугивания относительно отдельных личностей, которые реализуют свое право на свободу мыслей и выражения убеждений [11]. Это составляет угрозу делу укрепления мира в Украине и за ее пределами.

Внедрение в общественное сознание идеи толерантных отношений может изменить существующий status quo. Толерантные отношения – это одно из средств снятия конфликта и развития форм сосуществования, взаимодействия в человеческом обществе. Пока человек будет искать причину своих неурядиц извне, не анализируя личные мотивы, она неминуемо будет иметь нерешаемые конфликты. Поэтому нынешняя политика Украины по отношению к населению Юго-Востока, нуждается в толерантности, искусстве компромисса.

Каждый регион Украины неоднороден, самобытен и потому эскалация нетерпимости и конфликтов потенциально угрожает всем регионам. От такой угрозы нельзя отгородиться национальными границами, потому что она имеет глобальный характер. Поэтому так остро появляется вопрос формирования толерантных отношений в поликультурной среде, которая предусматривает воспитание уважения людей из разных регионов друг к другу, гордости за его историю, традиции, ценности, достижения и в то же время осознания многообразия культурного и этнического мира, отказ от противопоставления «меньшинство – большинство», «свой – чужой», принятие другого вне его зависимости от национальности и вероисповедания, понимания непохожести и единства как проявлений того же процесса. Мирное сосуществование, возможность конструктивного

взаимодействия в многонациональном обществе в значительной мере зависят от характера взаимоотношений, которые складывались в нем в течение всей истории.

Наличие и неуклонное увеличение расхождений между отдельными индивидами, этносами, религиями и культурами объективно порождают потребность в их бесконфликтном сосуществовании. Для реализации этого естественным путем необходимо формирование толерантных отношений, которые являются формой цивилизованного компромисса между признанием расхождений и готовностью к их восприятию, признанию их права на существование.

Толерантность необходимо рассматривать как средство снижения или предотвращения конфликтности в обществе, возможность наладить взаимопонимание между разными социальными группами и в обществе в целом. Большинство граждан Украины соглашаются с необходимостью распространения принципов толерантности в обществе, признавая тем самым, что толерантность сегодня нужно рассматривать как социальную ценность.

Литература

1. Береговой, Я. А. Педагогика толерантности / Я. А. Береговой // Педагогика толерантности. – № 1 (23) – 2003. – С. 6–7.
2. Галкин, А. А. Публичная сфера и культура толерантности / А. А. Галкин. – М., 2002.
3. Гинзбург, Франц Л. Д. Проблема толерантности и прав человека в международном праве. Материалы конференции «Толерантность в современной цивилизации» / Франц Л. Д. Гинзбург, Л. В. Рухтаева. – Екатеринбург, 2001.

4. Долгополова, Я. В. «Формирование толерантных отношений студентов в поликультурной среде высшего учебного заведения». Дис. на соиск. науч. степени канд. пед. наук / Я. В. Долгополова. – Харьков. – 2007.

5. Соколов, В. М. Толерантность: состояние и тенденции / В. М. Соколов // Социология культуры. – М., 2003.

6. Tolerance: the threshold of peace – UNESCO, 1994. – С. 46.

7. Tolerance: the threshold of peace – UNESCO, 1994. – С. 33-37.

8. Электронный ресурс. – URL: <http://tass.ru/politika/1985044> (дата обращения: 8.04.2020)

9. Электронный ресурс. – URL: <http://www.unian.net/politics/1078599-poroshenko-podpisal-zakon-o-dekommunizatsii.html> (дата обращения: 8.04.2020)

10. Электронный ресурс. – URL: <http://antifashist.com/item/pravyj-sektor-otkryto-trebuuet-vojnuy-i-totalnoj-zachistki-donbassa.html#ixzz3usao3llu/> (дата обращения: 8.04.2020)

11. Электронный ресурс. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=O06a-z9ymIY> (дата обращения: 8.04.2020).

УДК 321.74

Красова А. В.
(г. Луганск)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ И ПРЕДПОСЫЛКИ НАЧАЛА ПЕРЕСТРОЙКИ В СССР

В апреле 1985 г. на Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев выступил с планом обширных реформ.

Предложенный им данный курс первоначально имел название «ускорение», а с 1986 г. появился термин «перестройка», который вскоре и стал синонимом горбачевского курса.

Перестройка, которая началась в СССР, стала составляющей частью третьей волны демократического транзита в мире. Первая волна демократизации в мире проходила еще во время буржуазных преобразований 1826 – 1926 гг., вторая – в послевоенные годы (1943 – 1962 гг.), третья началась 25 апреля 1974 г. с государственного переворота в столице Португалии Лиссабоне, когда была свергнута военная диктатура Марселу Каэтану.

Впервые термин «демократический транзит» стали использовать в 90-е гг. XX в. для характеристики переходного состояния общества. Использование достижений транзитологии позволяют выявить причины политических и социально-экономических трансформаций, которые произошли в Советском Союзе в 1985 – 1991 гг.

Все транзитологические исследования начинаются с определения начального состояния общества, с социально-экономической характеристики развития страны и региона в исследуемый период. Демократизации способствуют или препятствуют внешние и внутренние факторы. Российский исследователь А. Ю. Мельвиль разработал синтетическую модель анализа демократического транзита. Следуя его схеме, мы можем рассмотреть предпосылки демократического транзита для СССР середины 80-х гг. [6, с. 39 – 46].

1. Международные коммуникативные связи и туризм развивались, несмотря на политику железного занавеса, особенно в 70 – 80-е гг., что способствовало распространению в СССР демократических идей, распространявшихся по всему миру, и давало возможность

сравнить уровень жизни в СССР и развитых западных странах.

2. К 70 – 80-м гг. в СССР выросло новое поколение, не запуганное угрозами репрессий, потребности которого существенно выросли по сравнению с поколением «отцов»; новое поколение не было готово «потуже затянуть пояса» в ожидании мировой революции, а наоборот, было восприимчиво к идущим с Запада либеральным демократическим идеям.

3. Годовой среднестатистический доход в СССР уже в 70-е гг. составлял свыше 2000 долл. США; с точки зрения транзитологии страны именно с такими доходами попадают в зону демократического транзита [3, с. 39 – 46].

4. Появление латентного среднего класса: все большую роль в обществе стали играть специалисты с высшим образованием, государственные служащие, врачи, учителя, торговые и канцелярские работники.

5. Рост образовательного уровня населения, появление относительно многочисленного слоя интеллектуалов, осознающих свое бесправное политическое положение.

6. Ускоренные темпы урбанизации, в 1958 г. более 50% населения СССР проживало в городе.

7. Желание самой элиты начать преобразования, осознание того, что без модернизационных процессов не обойтись, желание части элиты, разочаровавшейся в марксизме-ленинизме, закрепить за собой общенародной собственности. Именно элита выдвинула из своей среды М.С. Горбачева, который оставался сторонником социалистической системы и выступал за некоторые ее преобразования, но начавшаяся реформаторская деятельность привела к необратимым для советской системы последствиям и стала частью третьей волны демократизации в мире.

В итоге, причинами начала демократического транзита в СССР стали глубокие социальные, экономические, духовные и политические изменения в обществе и социальной структуре. Все выше перечисленные причины вызвали трансформационные процессы в советском обществе, которое принято называть «перестройкой» (1985 – 1991 гг.).

Так же к началу 80-х гг. накопились некоторые проблемы, которые ускорили процесс преобразований. В этот период наша страна продолжала оставаться тоталитарной, т.е. страной с таким государственным строем, который осуществлял абсолютный контроль над всеми сферами общественной жизни. Но в последние четверти XX в. годами прекрасно отлаженный государственный механизм столкнулся с системным кризисом. Советская система не могла далее прогрессивно развиваться. Потенциал саморазвития она исчерпала еще в 30 – 40 гг., а кризисные явления в экономике, политике, социальной сфере с каждым годом нарастали, начиная с 50-х годов [4, с. 12]. Назревала необходимость коренных изменений во всех сферах жизни. Часть историков считают, что кризис советской системы начался значительно позже, в годы правления Л. И. Брежнева (период застоя). Но хотелось бы с этим не согласиться, т.к. после смерти И. В. Сталина практически, ни одна реформа, которую проводил Н. С. Хрущев с его последователями, не была успешна. Провальными были и попытки 60-х гг. перевести ряд предприятий на хозрасчет. Централизованная плановая экономика не обеспечивала удовлетворения возросших потребностей советского человека, а политическая жизнь становилась все более формальной [9, с. 105].

Одним из недостатков советской экономики была низкая восприимчивость к научно-техническому

прогрессу. Сильное отставание во внедрении достижений научно-технической революции было заметно в сфере электроники и информатики. Инженерно-технические работники не были заинтересованы в широком внедрении науки в производство и в повышении производительности труда. Большинство инженерно-технических работников высокой квалификации, чтобы обеспечить семью, работали простыми строителями или осваивали другие профессии, где заработная плата была выше, но их знания и умения, приобретенные в вузах, оставались невостребованными.

Зарботная плата работников здравоохранения и народного образования была еще ниже. Молодой ученый, начинающий свою деятельность в высшем учебном заведении, материально обеспечивался хуже, чем рабочий со стажем 2 – 3 года после окончания ПТУ. Начальная заработная плата ассистента в вузе была равна 105 рублям [7]. Поэтому основная масса молодых специалистов была обречена на сравнительно низкую оплату труда. Некоторые предприимчивые молодые люди, не видя для себя продвижения на государственной службе или в производственной сфере, уходили «в тень», создавали подпольные предприятия. В начале 80-х гг. появились частнопрактикующие врачи, адвокаты, педагоги-репетиторы.

Также к началу 80-х гг. СССР начал терять позиции в количественных показателях, в том числе в сфере продовольствия. Это объяснялось низкой эффективностью индустриализованного сельского хозяйства и низким уровнем организации труда на селе [13, с. 111 – 113].

Национальный доход страны все больше зависел от мировых цен на энергоносители. СССР все больше вкладывал средств в нефтяной комплекс, но рост нефтедобычи шел медленнее.

Падению темпов роста способствовало изнуряющая советскую экономику гонка вооружений, милитаризация экономики была тяжким бременем для государства. Большие расходы СССР понес в связи с решением ввязаться в войну в Афганистане.

Все это приводило к перекосам в производстве товаров промышленности [8]. Отсюда и растущий дефицит товаров народного потребления. На рубеже 70 – 80 гг. дефицитными товарами была мебель, бытовая техника, легковые автомобили, многие предметы гардероба, современная модная обувь, классическая художественная литература. Многие товары вообще отсутствовали на прилавках провинциальных магазинов, а приобрести их можно было, отстояв многочасовую очередь. Качество отечественных товаров значительно отставало от мировых стандартов. Некачественный отечественный товар залеживался, а за импортными модными вещами, «новинками» выстраивались очереди.

Таким образом, уровень потребления был очень невысок, по уровню жизни СССР в конце 80-х гг. находился на 30-м месте в мире [5, с. 121].

Все вышеперечисленные причины способствовали началу демократического транзита в СССР, который получил название «перестройка». Международные коммуникативные связи и развитие туризма, рост жизненного и образовательного уровня в СССР, появление среднего класса, ускоренные темпы урбанизации создания условия для начала демократического транзита, сделали возможным переход к демократии. Кризисные явления в советской экономике ускорили процесс начала демократических преобразований. Такие факторы, как низкая восприимчивость экономики к достижениям научно-технического прогресса, обесценивание интеллектуального труда, зависимость от мировых цент на

энергоносители, рост расходов на вооружение, развитие преимущественно тяжелой промышленности в ущерб легкой, растущий дефицит товаров народного потребления, делали советскую систему неэффективной и приводили к падению темпов роста. В высших кругах партийной и советской элиты происходило осознание необходимости перемен. Советская элита выдвинула из своей среды М.С. Горбачева, который и инициировал перестройку, вошедшую в историю как составная часть демократического транзита – мировой тенденции приобщения всех стран и народов к демократии.

Литература

1. Варбузов, А. В. «Теневое» экономическое поведение как социальная и хозяйственная проблема / А. В. Варбузов // Двадцать лет перестройке. Эволюция гуманитар. знания в России: материалы междунар. науч.-образоват. форума, 27–28 апр. 2005 г. – М.: РГГУ, 2005. – С. 102–109.

2. Кара-Мурза, С. Г. Советская цивилизация. Книга 2. От Великой Победы до наших дней [Электронный ресурс] / С. Г. Кара-Мурза // С. Г. Кара-Мурза: [персонал. сайт]. – URL: http://www.kara-murza.ru/books/sc_b/sc_b_content.htm (дата обращения: 28.02.2020).

3. Карл, Т. Л. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) / Т. Л. Карл, Ф. Шмиттер // Полис. – 2004. – № 4. – С. 6–27.

4. Косолапов, Н. А. Что это было? (Размышления о перестройке в свете ее когнитивных итогов) /

Н. А. Косолапов // Обществ. науки и современность. – 2005. – № 1. – С. 5–19.

5. Масленников, В. П. «Новая Россия» марширует в сторону заката / В. П. Масленников // Двадцать лет перестройке. Эволюция гуманитар. знания в России : материалы междунар. науч.-образоват. форума, 27–28 апр. 2005 г. – М. : РГГУ, 2005. – С. 119–125.

6. Мельвиль, А. Ю. Демократические транзиты: теоретико-методологические и прикладные аспекты / А. Ю. Мельвиль ; М. обществ. науч. фонд. – М. : Б. и., 1999. – 108 с.

7. Руткевич, М. Н. Возрастание социальной напряженности к концу советского периода / М. Н. Руткевич // Социс. – 2004. – № 7. – С. 62–70.

8. Селюнин, В. Глубокая реформа или реванш бюрократии // Обратного хода нет. Перестройка в народном хозяйстве: общие проблемы, практика, истоки : сб. ст. / сост. С. Н. Красавченко ; под общ. ред. Г. Х. Попова. – М. : Политиздат, 1989. – С. 267–280.

9. Смирнов, В. С. Экономические причины краха социализма в СССР / В. С. Смирнов // Отечеств. история. – 2002. – № 6. – С. 91–105.

10. Соловьев, Б. С. О причинах поражения социализма в СССР [Электронный ресурс] / Б. С. Соловьев, С. Б. Соловьев // Марксист. дискус. страничка. – URL: http://marxdisk.narod.ru/met_sol.htm (дата обращения: 28.02.2020).

11. Сорос, Дж. Советская система: к открытому обществу / Дж. Сорос. – М. : Политиздат, 1991. – 222 с.

12. Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – М. : РОССПЭН, 2003. – 368 с.

13. Шубин, А. В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917–1985 гг. / А. В. Шубин. – М. : РОССПЭН, 2001. – 767 с.

УДК 327.7

Сидорова Н.С.
(г. Тула)

ОБЩАЯ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ОСНОВА КАК ФАКТОР ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО СООБЩЕСТВА

Люди на земле уже не раз переживали различные происшествия и катаклизмы, которые говорят, что в настоящий момент наш мир стоит накануне системных изменений. К большому сожалению, нет оснований для уверенности в безопасном и безболезненном протекании грядущей метаморфозы, никто не сомневается, что мировое сообщество будет вынуждено пересмотреть многие, казалось бы незыблемые, установки и ценности.

В этих условиях для России, которая за последние два десятка лет потеряла ориентиры социальной перспективы, было бы наименее продуктивным стремиться создать практику общественного развития на национальной почве привлеченный извне. Тем более бесперспективно обращение нашей страны в ряды трансляторов «прогрессивных» ценностей в сообщество постсоветских стран, культурно-исторически связанных с Россией, претендующей на роль нового интеграционного центра. Именно такая роль России наиболее приемлема для Запада, переживающего не лучшие времена.

Кризис либеральной демократии, обусловленный сигнатурой осязаемых границ эффективности капитализма аберрацией буржуазной инициативы в финансовую сферу, где деньги, проходя мимо общественное производство, создают себе подобные вымыванием ее социальной основы «среднего класса», инициирует попытку обрести импульс жизненного потенциала за счет культурно-политической и экономической экспансии в пространства ранее «неосвоенных» территорий.

Такое было не раз в истории, когда стагнирующая система, стремясь к обновлению, прибегала к факторам экстенсивного роста. Россиянам, как никому другому народу, известно влияние расширяющегося пространства («деспотии пространства») на устойчивость политического режима.

Необходимость развития и продвижения идей «Большого Запада» с целью роста «привлекательности главных ценностей» «для других культур» и постепенного возникновения «всеобщей демократической культуры» понятна и очевидна не только с точки зрения геополитической, но и в связи с поиском механизмов обретения внутренней устойчивости странами «золотого миллиарда». В предложенном проекте «Большого Запада» «вовлеченная демократизирующаяся Россия» должна встать на место периферии западного сообщества. При этом Евразийский союз, в оценке авторов перспективы «всеобщей культуры», «является новой эксцентричной идеей Владимира Путина».

Будущее развития истории, по мнению западных аналитических специалистов, безнадежно связано с либерально-демократическими ценностями. Китайская или индийская системы культурных ценностей в качестве, по крайней мере, равноправных парадигм культурно-цивилизационного развития не рассматриваются. В

лучшем случае им отводится роль сегментарного «очага» культуры, представляющей интерес для узконаправленных территориальных или национальных локализаций. С такой позицией имеет смысл поспорить.

Главное, что следует отметить, какой бы понятной ни была идеологическая альтернатива культурного плюрализма, она не будет признана Западом, так как цивилизационный модус, состоящий на основе традиции, укорененной многовековой историей того же Китая или Индии, для либерального рационализма всего лишь рудимент, форматируемый в дихотомии: отсталый – прогрессивный, анахронизм – современный.

В течение современных западных ценностей любое социальное агрегирование, в том числе формирование государственной культурной, этнической идентичности, должно основываться на принципах рационально устроенных сетей, выполняющих функции коммуникатора взаимовыгодного обмена информационными, материальными, политическими (если это касается государственных образований) ресурсами. Любые другие мотивы интеграционных процессов выходят за рамки целесообразности, диктуемой западным образом мироустройства. Доказательством вышесказанного являются события, которые произошли в Европейском союзе. В связи кризисной ситуацией в дилемме укрепления национальных интересов или прагматических соображений при определении мер его преодоления верх всегда берут последние.

Не смогла выдержать испытания общественной практикой идеология мультикультурализма, направленная на формирование «особого вида толерантности», в связи с притоком жителей мировой периферии в крупные европейские центры. При этом «обратная глобализация» (именно так определяют это явление) стала следствием

«подавления культурной уникальности через экономическую модернизацию», активно насаждаемую Западом начиная с 60-х годов в странах третьего мира.

Конечно, использовать рекомендации накопленный в Европе процессуальный опыт и технологии адаптации эмигрантов при реализации программ интеграции в российский социум приезжающих на работу в Россию представителей ближнего зарубежья могут быть опробованы только в виде заимствования технических наработок организации комплементарных условий для гастарбайтеров, но только не по существу, разделившемуся по смысловым ориентирам.

Принципы рационализма, положенные в основу российской политики в отношении бывших союзных республик, не принесли эффекта. Мало того, по мере утверждения на постсоветском пространстве западных культурных ценностей постепенно исчезнет социальная основа центристских тенденций. Чтобы проиллюстрировать это утверждение, нужно обратиться к данным, которые характеризуют динамику деструктивного отношения населения Казахстана и Белоруссии к интеграции с Россией в региональные структуры, что характеризуется совокупностью общественного мнения, которые были опубликованы главой Казахстанского института стратегических исследований М. Лаумулиным и белорусским журналистом Ю. Дракохрустом. Мнение населения Казахстана относительно Таможенного союза (Белоруссии, Казахстана и России) разделилось: 52% опрошенных поддерживают этот проект, 48% высказались «против» или не определились в своем отношении. В апреле-мае 2018 г. Институт стран СНГ (г. Москва) провел дополнительный опрос казахстанских граждан, когда выявлялась принадлежность к социальным категориям тех, кто отрицательно относится к объединению в

интеграционные структуры. Результаты опроса показали, что 78,7% считающих нецелесообразной постсоветскую интеграцию являются представителями крупного и среднего бизнеса, менеджерами финансовых учреждений, работниками силовых структур и правоохранительных организаций и государственными служащими.

С прагматической точки зрения такое положение дел вполне объяснимо. Если руководствоваться исключительно соображениями выгоды, то ориентация на западные центры мировой силы выглядит значительно более привлекательной, чем объединение с Россией, которая пока не обрела устойчивой тенденции экономического роста. Однако в основе евразийской интеграции лежит нечто большее, чем голый прагматизм, - культурно-цивилизационная общность, которая формировалась веками в интеграции полиэтнических традиций, генерировавших некую идентичность, постичь которую рациональным сознанием невозможно.

Обычно, когда говорят об общности судеб и социальных перспектив, принято апеллировать к старославянскому единению. Однако нити генетической «самости» россиян с народами Кавказа и Азии нисколько не менее судьбоносны с точки зрения культурно-цивилизационного значения. Сохранение и развитие созданного на протяжении столетий многоликого «Русского мира» представляется проблемой не менее, а может быть, более важной, чем экономическая и политическая интеграция постсоветского пространства. Потеря этого «эксклюзивного продукта» означала бы прежде всего рецессию национальных культурных оснований, а для России, сохраняющей полиэтническую и многоконфессиональную матрицу, – утрату возможности полноценной консолидации российской идентичности и

реинтеграции в полноценный центр развития регионального сообщества.

На протяжении веков Россия, сохраняя культурный потенциал народов, объединяемых в одном цивилизационном пространстве, выполняла роль генератора собственной творческой активности, являясь, говоря словами Р. Коллинза, «зоной престижа», которая «есть источник излучения, распространяющегося за ее пределы и с большей или меньшей силой притягивающего к ней людей, находящихся на различных расстояниях от нее.

Первым человеком, кто обратился к проблеме российской идентичности в модернизационном контексте, стал П. Я. Чаадаев. Творчество этого мыслителя и сегодня оценивается неоднозначно. «Почвенники» критикуют его за негативное отношение к российской «самости. Для нас, конечно, важно подчеркнуть рациональное зерно, которое, безусловно, присутствует в рассуждениях П. Я. Чаадаева о том, что российская цивилизация консолидировалась как феномен, не повторяющий в своем содержании ни классическую парадигму Востока, ни европейскую цивилизационную матрицу. Отмечая эту сторону взглядов П. Я. Чаадаева на российскую идентичность, можно с полным основанием говорить о том, что они способствовали более поздней артикуляции евразийской теории.

Другому русскому мыслителю, Н. Я. Данилевскому, принадлежит заслуга плюрализации в период определения культурно-исторических типов социальной реальности. Утверждение Данилевского о том, что европейская цивилизация «не является универсальной, а только одной из нескольких великих цивилизаций, которые когда-то процветали в человеческой истории», проторило путь к определению места собственно российской идентичности в

иерархии мировых цивилизаций. «Соображение, что европейская цивилизация идентична универсальной цивилизации, основано на ошибочном допущении, что только она является прогрессивной и творческой в противоположность всем другим культурам, которые при этом объявляются статичными и нетворческими», – писал он.

Важный вклад в исследование российских культурных и цивилизационных оснований внес И. А. Ильин. Базисом интегративной «самости», рожденной как продукт российской цивилизации, он считал не материальные символы: государство, пространство и т.д., а духовные. «Родина – есть духовная реальность», – писал он.

Идентичность, о которой говорили евразийцы, стала реальностью, значительно укрепившейся в советское время. «Полиэтническое пространство, – пишет И. А. Исаев, – приобретало большую стабильность, поскольку из властной иерархии исключалась одна господствующая нация. А новое наименование объединенных территорий – СССР – уже не содержало никакого намека на этническую, пространственную или национальную доминанту этого союза. Оно выражало лишь его политическую и социальную характеристики».

Верность евразийской концепции подтвердила и постсоветская политическая реальность. Сразу после развала СССР государства и этносы, не интегрированные в евразийскую культурно-цивилизационную общность (европейские страны «социалистического лагеря» и республики Прибалтики), сразу сориентировались на объединение с Европейским союзом. Испытывая деструктивное влияние центростремительных факторов, в постсоветский период евразийская идентичность долгое время была в состоянии депривации, но тем не менее

остаётся реальностью, фундирующей интеграционный процесс. Доказательством сказанного могут служить данные социологического опроса, проведенного Институтом стран СНГ (октябрь 2011 г.). На вопрос: «Как Вы воспринимаете события в другой стране СНГ?», 47,2% респондентов в Казахстане, 61,3% в Белоруссии, 44,3% на Украине ответили, что воспринимают события так, как если бы они происходили в собственной стране.

Таким образом, активизация интеграционных инициатив на постсоветском пространстве, свидетелями которой сегодня мы являемся, обусловлена не сиюминутной политической конъюнктурой, а наличием глубокого историко-культурного базиса взаимоотношений народов и государств, объединяемых евразийской идентичностью. Уже сказано, что формирование полноценного регионального объединения – процесс не линейный и может подвергаться влиянию разного рода (в том числе внешних) факторов. Однако выстраивание стратегии долгосрочной политики в этом направлении должно осуществляться с учетом реальности культурно-цивилизационного фактора реинтеграции.

Литература

1. Грановская, М. Кризис идеологии мультикультурализма и судьбы европейской цивилизации / М. Грановская // Международная жизнь. – 2012. – С. 149-155.
2. Кара-Мурза, С. СССР – цивилизация будущего / С. Кара-Мурза, С. Осипов. – М.: Яуза; Эксмо, 2010. – 248 с.
3. Мартьянов, В. С. Преодоление капитализма: от морального коллапса к моральной революции? /

В. С. Мартьянов, Л. Г. Фишман // Полис. – 2012. – № 1. – С. 63–75.

4. Паин, Э. Закат вульгарного мультикультурализма, как возрождение культуры модерна / Э. Паин // Россия в глобальной политике. – 2011. – № 2. – С. 8–38.

5. Хазин, М. Евросоюз ждут перемены. [Электронный ресурс] / М. Хазин. – URL: <http://worldcrisis.ru>

УДК 32:321.013

**Сало Д. С.
(г. Луганск)**

МИФОТВОРЧЕСТВО В ТРАНЗИТИВНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Демократический транзит – это определённая динамическая форма, в рамках которой государство или группа государств осуществляют переход от недемократических форм государственного устройства и правления к формам демократическим, и которая устанавливает параметры дальнейшего развития переходных обществ. Модели транзита представляют собой выражение социокультурной и политической ориентации общества и власти [3].

В процессе перехода к демократическому режиму сознание граждан кардинально меняется, чему способствуют мифотворчество, замена одной парадигмы на другую для более чёткого объяснения новых или вновь открытых факторов. «Чтобы быть принятой как парадигма, теория должна казаться лучшей, чем её конкуренты, но ей

не нужно объяснять все факты, с которыми она может столкнуться» [2].

Построение новых мифов для демократизации сознания населения может начинаться с культуры. Образ «общества потребления» постепенно навязывается гражданам, чтобы выявить недовольство текущим положением дел. В качестве примера такого навязывания можно привести открытие первого McDonald's в СССР и реакцию населения на новый товар. В этот момент мифологический образ врага, в лице капитализма и запада, стал разрушаться в массовом сознании советского человека. Главный идеологический миф стал поддаваться сомнению задолго до этого, но другие мифы не могли укорениться в народе.

Элиты посредством мифотворчества создают необходимые образы, сюжеты и символы, которые нашли бы отклик в массовом сознании. Политический миф апеллирует стереотипами для более эффективного влияния на массы.

Согласно С. Хантингтону, существует три основных модели демократического перехода, за которыми следует консолидация нового политического режима. Эти модели сопровождаются мифологическими образами, которые были созданы соответствующими элитами.

Первой моделью является «трансформация» политического режима. В данной модели правящая элита выступает фактическим инициатором падения прежнего политического режима и его замены на демократический.

Главной фазой в трансформации выделяется появление лидеров-реформаторов, которые недовольны существующим политическим режимом и стремятся к демократии. В глазах граждан создаётся миф героя-спасителя, который способен вести народ за собой в счастливое будущее.

Е. В. Иванова считает, что сам герой может возникнуть в мифологизированном обществе при помощи пробуждения Самости. Герой выходит за рамки партикулярного «я», и возникает «мифологическое смыслообразование» [1]. Наибольший шанс появления героя возникает в обществе, в котором старые концепции, идеалы и эмоциональные шаблоны уже не годятся для современных реалий общества. При таком стечении обстоятельств существование героя обретает смысл, и он готов разрушать старые и транслировать новые мифы массам.

Мифологическое смыслообразование – это динамический процесс прочувствования и осознания субъектом мифотворчества противоречивости социальной ситуации, необходимости ее разрешения путем отыскания новых значимых параметров [1].

Следующей моделью демократизации является «замена» политического режима и элиты. Для данной модели характерно отсутствие реформаторской группы во власти, а её роль отходит на оппозиционные ряды. Перед оппозицией становится задача – разрушить мифологию правящей элиты и захватить власть.

В качестве примера можно привести румынскую революцию 1989 года, которая имела антикоммунистический характер. В ходе восстания был свергнут мифологический злодей в лице Николае Чаушеску. Использование мифа по принципу «мы» и «они» способно не только сплотить население, но и примерять роль злодея на противников, для эффективной борьбы с ними.

Последней моделью демократического перехода является «перестановка». Для данной модели характерна готовность властных политических элит к обсуждению изменения политической системы, но сами они её не

инициируют. Сами преобразования протекают в рамках их обсуждения и согласования внутри политической элиты страны.

Мифотворчество в таком случае выполняет адаптивную функцию, прививая населению новые ценности и цели. Если брать в пример Россию, то можно заметить, как цель построения социализма сменилась капитализмом.

Демократизация государств сопровождается пропагандой свободы слова, выбора и волеизъявления, которая разрушает или заменяет мифологию старого порядка и создаёт новую. При этом миф об индивидуализме, плюрализме средств массовой информации и свободе выбора набирает популярность среди населения. Однако это является лишь новыми средствами манипуляции для политического господства при новом политическом режиме.

Литература

1. Иванова, Е. В. Мифотворчество XX века: к проблеме определения нового культурного героя [Электронный ресурс] / Е. В. Иванова. – URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/3617/2/prof_uieup_3_ivanova.pdf (дата обращения: 06.03.2020)

2. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2003. – 246 с.

3. Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – М. : РОССПЭН, 2003

УДК 32:321.013

**Ершов Е. О.
(г. Луганск)**

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА ПРИБАЛТИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Страны Прибалтики, к которым относятся Литва, Латвия и Эстония, по данным аналитических центров включаются в группу государств наиболее успешно прошедших период демократического транзита и достигнувших состояния консолидации или необратимости институтов демократии. Так, Фонд Бертельсманна причисляет Литву, Латвию и Эстонию к категории «функционирующих демократий», в которых в равной степени развиты и демократические институты, и рыночные отношения. В связи с этим представляется возможным выделить основные социально-политические факторы, определившие высокую результативность демократического транзита в прибалтийских государствах. Эти факторы позволяют нам не только отследить особенности процесса демократизации в балтийском регионе, но и помогут ответить на вопрос: «Так ли успешны переходы к демократии в странах Прибалтики?».

Опираясь на основные положения современной транзитологии, можно выделить следующие такие факторы:

- адекватность историческим условиям, необходимым для транзита;
- наличие национального единства и соответствующей идентичности;
- соотношение демократии и суверенитета;
- оптимальность институционального дизайна для реализации базовых демократических ценностей и процедур [3].

Характеризуя первый их выделенных критериев – адекватность исторического опыта страны условиям, необходимым для осуществления транзита, важно подчеркнуть, что формирование демократических государств в Балтийском регионе в определенной мере было обусловлено историческими традициями функционирования института парламентаризма, а также стремлением прибалтийских стран противопоставить коммунистической централизации власти её децентрализацию. В отличие от других республик СССР, Литва, Латвия и Эстония в XX веке имели двадцатилетний опыт государственности в межвоенный период, причём как демократии, так и авторитаризма. Для многих национальных и политических лидеров в 1990-1991 годы этот этап их истории стал тем «историческим идеалом», «мифом», который предлагалось положить в основу государственного строительства вновь получивших независимость прибалтийских государств. Вследствие этого независимость Литвы, Латвии и Эстонии была провозглашена на основе юридической преемственности с прибалтийскими республиками, существовавшими до 1940 года [1].

Не менее важным условием успешной демократизации, как считают многие исследователи, является наличие национального единства и соответствующей идентичности. В Литве, Латвии и Эстонии формирование национального единства носило специфический характер. Главным образом потому, что общества данных государств переживали состояние так называемой негативной мобилизации, когда интеграция населения и обретение идентичности происходит посредством формирования образа «врага», разделения мира на «своих» и «чужих» [6]. Таким врагом для литовцев, латышей и эстонцев стали русские, потому как,

во-первых, именно на них национальные и политические элиты прибалтийских государств возлагали вину за потерю своей независимости в 1940 году, а во-вторых, русские в странах Прибалтики представляют крупнейшее национальное меньшинство. Дело в том, что с момента включения Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР советское руководство поощряло миграцию на эти территории с других регионов страны. Это привело к значительному изменению этнического состава населения в прибалтийских республиках. Так, по состоянию на 1989 год доля титульной нации в Латвии составляла всего 52% (1 387 757 человек), в Эстонии – 61,5% (963 281), а доля русских – 34 (905 515) и 30% (474 834) соответственно. Вторую и третью по численности группу национальных меньшинств в Латвии и Эстонии образовывали украинцы и белорусы. В Литве ситуация была иной, поскольку титульная нация составляла там почти 80% населения (2 924 251), а помимо русских (344 455) насчитывалось большое число поляков (257 994) [1]. Безусловно, такая демографическая ситуация порождала прежде всего у латышей и эстонцев опасения, что они, как заявляли лидеры Народных фронтов, перестают быть хозяевами в своем собственном доме. Поэтому после получения независимости новыми властями Латвии и Эстонии были предприняты жёсткие меры по вытеснению русских и всего русскоязычного населения на историческую родину.

Во-первых, тем гражданам СССР, которые мигрировали в Латвию и Эстонию в советский период, прожили и трудились здесь долгие годы, а также их потомкам было отказано в предоставлении латвийского и эстонского гражданства. Гражданский статус приобретали только те лица, имевшие гражданство прибалтийских республик, существовавших до 1940 года, и их потомки.

Как результат, в этих государствах возникла проблема массового безгражданства. В середине 1990-х годов статус «негражданина» в Латвии имели приблизительно 730 тысяч человек, в Эстонии – 200 тысяч. Впоследствии многие из них уехали в Россию (в России им упростили получение гражданства), другие – прошли процедуру натурализации и получили национальные гражданства прибалтийских стран. Для этого необходимо сдать экзамен на знание национального языка, Конституции и истории страны. С начала 1990-х годов больше 50% «неграждан» прошли процедуру натурализации и стали полноправными гражданами Латвии и Эстонии. Тем не менее, на сегодняшний день лицами без гражданства в Латвии остаются более 225 000 человек, в Эстонии – 70 000, а темпы натурализации значительно снизились.

Наиболее благополучной с этой точки зрения считается Литва, которая в вопросе о предоставлении гражданства пошла на «нулевой вариант», предоставив гражданство всем ее жителям.

Во-вторых, в отношении данной категории жителей, как и всего русскоязычного населения, проводится политика дискриминации во всех сферах. Так, после распада СССР «неграждане» лишились возможности участвовать в процессе приватизации, до сих пор имеются ограничения в приобретении недвижимости. В политической сфере они не имеют избирательных прав. В Эстонии «негражданам» разрешено голосовать только на муниципальных выборах, а в Латвии в свою очередь они могут быть членами политических партий. Ограничены они также в профессиональной деятельности: не могут занимать должности в государственных учреждениях, работать в полиции и силовых структурах. Дискриминация проводится и в отношении русского языка. Русские «неграждане» лишены права обращаться на русском языке

во властные структуры и получать на нем официальную информацию, на законодательном уровне запрещено его использования в сфере частного предпринимательства, взаимоотношениях коммерческих структур, образовании. Иными словами, русский язык исключен из официального употребления и используется лишь в быту и при личном общении. Это при том, что русских в Латвии и Эстонии по-прежнему насчитывается 26% [4].

Итогом такой дискриминации по отношению к национальным меньшинствам явилось то, что в постсоветской Прибалтике фактически установились этнократические режимы под видом этнической демократии. Однако это не является препятствием для того, чтобы многие аналитические центры причисляли страны Прибалтики к группе государств достигших либеральной демократии. Так, известная организация «Freedom House» в своём аналитическом докладе о состоянии демократии в странах бывшего СССР и Восточной Европы причислила Литву, Латвию и Эстонию к группе государств, достигших консолидации демократии [7]. Но правомерно ли говорить о закреплении принципов либеральной демократии в ситуации, когда права национальных меньшинств ущемлены? Утверждение о том, что этнократия противоречит базовым нормам демократии, основывается на классических положениях теории полиархии Роберта Даля. Её суть заключается в понимании демократии как открытой политической конкуренции различных групп в борьбе за власть.

Кроме того, неоднозначным можно назвать итоги демократических транзитов в странах Прибалтики, если оценивать их с позиции соотношения развития демократии и сохранения суверенитета. В классических трактовках политической теории демократия и суверенитет (внутренний и внешний) должны взаимно поддерживать и

укреплять друг друга. Однако демократизация «третьей волны», затронувшая страны Центрально-Восточной Европы, в том числе Литву, Латвию и Эстонию, демонстрирует примеры постепенной десоверенизации, как внутренней, так и внешней. В связи с этим транзиты в этих странах привели к формированию асимметричных моделей в соотношении уровня развития суверенитета и степени демократичности политического режима. Так, в Литве транзит успешно завершился консолидацией демократии. Об этом, в частности, свидетельствует то, что оппозиция и власть здесь сменяют друг друга посредством легальных и легитимных выборов, в полной мере гарантируются и осуществляются права и свободы, реализуется принцип плюрализма, гражданское общество сформировано и оказывает влияние на власть. Следовательно, это государство обладает высоким уровнем внутреннего суверенитета. Но вместе с тем, в консолидированной демократии значительно ограничен внешний суверенитет. Это связано с недостаточным геополитическим статусом, высокой степени интеграции в наднациональные структуры со значительной степенью подчинения (НАТО, ЕС), наличия иностранных военных баз на территории. Латвия и Эстония близка к консолидации демократии, но, как мы уже отметили, не может её достичь из-за ограничения прав национальных меньшинств. Внешний суверенитет этих стран ограничен по тем же причинам, что и суверенитет Литвы [5].

Вместе с тем, нельзя не заметить позитивные результаты, достигнутые государствами Прибалтики в процессе демократического транзита. Во-первых, заметный рост ВВП на душу населения. Эстония, в частности, сильно продвинулась в IT-технологиях и занимает первое место в мире по индексу свободы интернета. Во-вторых, оптимальность институционального

дизайна для реализации базовых демократических ценностей и процедур. Некоторые исследователи подчёркивают, что успех современных поставторитарных переходов зависит в первую очередь от правового и конституционного устройства государства.

Несмотря на периоды кризиса, сопутствующие трансформации прибалтийских государств, они сохранили демократический вектор развития. Литва, Латвия и Эстония в процессе демократического транзита сумели обеспечить функциональность основных институтов демократии, избрав при этом разные формы правления. Так, в Латвии и Эстонии утвердилась парламентская республика, в которой президент, подобно германской модели рационализованного парламентаризма, избирается парламентом. Функции президента в этих системах ограничены, поскольку он зависит от позиции правительства, опирающегося на парламентское большинство. Президент является, главным образом, символической фигурой, исполняющей представительские и формальные функции. В Литве сложилась смешанная или полупрезидентская республика, которая больше тяготеет к президентскому типу, поскольку президент оказывает непосредственное влияние на политику правительства [2]. В отличие от Латвии Эстонии, в Литве президент избирается гражданами.

Таким образом, итоги демократических транзитов в странах Прибалтики носят неоднозначный характер. Имея исторические традиции, противоположные политике советской централизации, Литве, Латвии и Эстонии удалось построить стабильные демократические системы. Устойчивость демократий в Прибалтике обеспечивается функциональностью отношений между законодательными и исполнительными органами власти, разветвленной политической инфраструктурой, укоренением

парламентских традиций. Вместе с тем, процессы внешней и внутренней десоверенизации и ограниченное представительство интересов национальных меньшинств идут в обход с базовыми принципами демократии и мешают становлению политической системы согласительного (консенсусного) типа.

Литература

1. Воротников, В. В. 25 лет независимости государств Балтии: из Советского Союза в Европейский союз [Электронный ресурс] / В. В. Воротников // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2016. – № 4. – С. 7–11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/25-let-nezavisimosti-gosudarstv-baltii-iz-sovetskogo-v-evropeyskiy-soyuz> (дата обращения: 26.02.2020).

2. Макаренко, Б. И. Консолидация демократии: «детские болезни» постсоветских государств [Электронный ресурс] / И. Б. Макаренко. – URL: <http://www.politnauka.org/library/dem/makarenko> (дата обращения: 28.02.2020)

3. Мельвиль, А. Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). – М., 1999. – С. 17.

4. Носович, А. А. «Неграждане»: прибалтийский апартеид [Электронный ресурс] / А. А. Носович // История упадка. Почему у Прибалтики не получилось. – URL: <https://history.wikireading.ru/342118> (дата обращения: 28.02.2020).

5. Токарев, А. А. Модели взаимосвязи суверенитета и демократии [Электронный ресурс] / А. А. Токарев. – URL:

http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2053&Itemid=86 (дата обращения: 27.02.2020).

6. Трубицын, Д. В. «Модернизация» и «негативная мобилизация». Конструкты и сущность / Д. В. Трубицын // Социологические исследования. – 2010. – № 5. – С. 3-13.

7. Солопенко, А. Как Freedom House создают иллюзию демократии в Прибалтике [Электронный ресурс] / А. Солопенко // Аналитический портал RUBALTIC.RU. – 2015. – URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/31082015-freedom-house/> (дата обращения: 28.02.2020)

УДК 323.1

Рагулин Ю. В.
(г. Луганск)

ОСОБЕННОСТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сегодня проблема урегулирования этнополитических конфликтов является важнейшей политической проблемой. Последствия этих конфликтов оказывают крайне негативное влияние не только на государственное развитие, но и на имидж государств, которые не способны предотвратить конфликты такого рода. Но самое главное, что обострение конфликтов ведет к человеческим жертвам, число которых может измеряться десятками и сотнями тысяч.

Место и дата происшедших конфликтов	Тип конфликта	Число погибших
Алма-Ата	националистические	

(Казахстан), 1986 г.	выступления казахской молодежи	
г. Сумгаит (Азербайджан), февраль 1988 г.	межэтнический конфликт (избиение армян азербайджанцами)	32 чел. не менее
НКАО (Азербайджан), 1988-1991 гг.	политический конфликт (борьба за суверенитет) (армяне-азербайджанцы)	100 чел.
Ферганская долина (Узбекистан) г. Кувасай, Комсомольск, Ташла, Фергана, май-июнь 1989 г.	межэтнический конфликт (избиение турков-месхетинцев узбеками)	112 чел.
Новый Узень (Казахстан), июнь 1989 г.	межэтнический конфликт (между казахами и представителями кавказских национальностей: азербайджанцами, лезгинами)	4 чел.
Абхазия (Грузия), июль 1989 г.	политический конфликт, перешедший в межэтнический (между абхазами и грузинами)	12 чел.
г. Ош (Киргизия), июнь-июль 1990 г.	межэтнический конфликт (между киргизами и узбеками)	320 чел.
г. Дубоссары (Молдова) ноябрь 1990 г.	политический конфликт	3 чел.
Южная Осетия	политический конфликт	не менее 50 чел.

(Грузия) 1989-1991 гг.	(борьба за суверенитет), перешедший в межэтнический (между грузинами и осетинами)	
г. Душанбе, февраль 1990 г.	политический конфликт (борьба кланов за власть)	22 чел.
Осетино- Ингушский (Северный Кавказ), октябрь- ноябрь 1992 г.	территориальный, межэтнический (осетины- ингуши)	583 чел.
Приднестровье (Молдова) июнь- июль 1992 г.	территориальный, политический, межэтнический конфликт	200 чел.
Республика Таджикистан 1992 г.	гражданская война (внутринациональный конфликт)	более 300 тыс. чел.
Чеченская Республика декабрь 1994 г. – сентябрь 1996 г.	политический, межнациональный конфликт. Внутригосударственный (гражданская война)	по приблизительным данным более 60 тыс. чел. боевиков, мирных жителей, военнослужащих Российской армии

Сегодня, в социально-политической мысли, теории и практике урегулирования этнополитических конфликтов выделяется три основные парадигмы урегулирования этнополитических конфликтов, на основе которых формируют модели, базирующиеся на определенной идеологии. Традиционная, парадигма предусматривает регулирование этнополитических конфликтов либо в диалоге с умеренными оппонентами, либо путем

подавления этнических элит и движений как основных субъектов протеста или восстания, наряду с уступками основной массе этнической группы.

Она направлена на сохранение основ государственного строя, территориальной целостности и неделимости страны, независимо от цены достижения данной цели; правовое закрепление в законодательстве государства непризнание права наций на самоопределение; непризнание государством радикально настроенных оппонентов в этнополитическом конфликте как равных партнеров по урегулированию конфликта; опора на концепцию государсвообразующей нации в деле по обеспечению этнополитической стабильности в стране.

Принципами марксистского подхода выступают признание права наций на полное самоопределение, специфических потребностей этнических групп как прав этнических меньшинств в той или иной сфере общественных отношений; равенство всех народов, которые проживают в стране; отнесение политических потребностей народов в оформлении своего государственного статуса как к промежуточному шагу на пути к единому унитарному государству или бесклассовому обществу; предоставление права на удовлетворение специфических национальных потребностей — в области культуры, образования, самоуправления в рамках института национально-территориальной автономии.

Модернистская, современная западная парадигма урегулирования этнополитических конфликтов представляет собой систему принципов разрешения и управления конфликтами, скорректированную и измененную под влиянием современных конфликтологических исследований, концепции прав человека и политической практики западных государств.

Принципами этого подхода являются приоритетность переговорного пути при урегулировании по сравнению с силовым, признание в оппоненте полноправного партнера по процессу урегулирования, широкое применение медиации в разрешении и нейтрализации конфликтов; недоверие к государственным органам и учреждениям как посредникам и арбитрам в урегулировании внутренних этнических конфликтов; общая направленность на снижение насилия в конфликтах, соблюдение прав человека, совместное решение проблем на базе консенсуса и взаимного выигрыша.

Анализ подходов к урегулированию этнополитических конфликтов показывает необходимость их корректировки с учетом требований сохранения государственно-территориальной целостности, решения социально-экономических, политических и культурных проблем этнических групп, снижения насилия и соблюдения прав человека для всех этнических групп.

Конвергенция и объединение позитивных элементов традиционной, марксистской и модернистской парадигм позволяет сформировать смешанную систему урегулирования конфликтов, свободную от негативных элементов данных подходов. Доктрина сближения основных моделей урегулирования этнополитических конфликтов, базирующаяся на утверждении общих ценностей демократии, верховенства закона, обеспечении государственно-территориальной целостности, прав человека и этнокультурных прав народов, должна, как представляется, отвечать следующим принципам:

- приоритет медиационных и переговорных форм урегулирования столкновений над силовыми;
- признание и учет специфических потребностей этнических групп при выработке национальной политики;

- признание права народов на внутреннее самоопределение, ограничение права этнических групп на полное самоопределение как формы поддержки;
- кооперация и взаимодополнение деятельности государства и институтов гражданского общества в урегулировании, посредничестве и арбитраже конфликтов, поддержания этнополитической стабильности;
- совместный поиск сфер межэлитного и межгруппового сотрудничества в процессе урегулирования этнополитических конфликтов;
- направленность урегулирования на снижение насилия в конфликтах, обеспечение прав человека и гражданина, совместное решение проблем на базе консенсуса и взаимного выигрыша сторон;
- предпочтение автономии и федерализации отношений центра и этнического региона как политических форм урегулирования конфликтов, в большей степени поддерживающих этнополитическую стабильность, полному самоопределению, конфедерализации, межэтническому разделению государственной власти.

Основной причиной этнополитических конфликтов большинство исследователей — конфликтологов, политологов, социологов — называют ксенофобию. Ксенофобия (греч. *xenos* чужой + *phobos* страх) — страх, ненависть, нетерпимость ко всему чуждому, незнакомому или чуждому для образа жизни данного общества или индивида [1]. Возведенная в ранг мировоззрения, ксенофобия становится причиной межнациональной, религиозной или расовой вражды, ценностной основой идеологии шовинизма, национализма и фашизма.

Неприятие иных национальных или религиозных групп нередко используется представителями политических элит для достижения узкоприкладных целей,

таких как завоевание либо удержание политической власти. Никакой политический режим не может в течение длительного времени опираться исключительно на насилие. Для обеспечения стабильности существующего строя власть должна получить массовое признание, а население — адаптироваться к условиям, которые задаются существованием подобной системы, т.е. выработать ответные навыки взаимодействия с управляющими органами, психологические и социально-регулятивные механизмы принятия этого режима власти или идентификации с ним.

Не случайно, что после распада Советского Союза на постсоветском пространстве образовалось множество зон межнационального напряжения. Отдельные зоны межнациональных конфликтов к настоящему времени уже приобрели характер открытых столкновений. Самыми яркими примерами стали конфликты в Нагорном Карабахе, Южной Осетии, Абхазии, Чеченской республике, а также противостояние Севера и Юга в республиках Средней Азии (Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан), осетино-ингушский и чечено-ингушские конфликты и т.д. [2].

Так, за последние 20 лет на территории Российской Федерации произошло множество этнонациональных конфликтов, три из которых имели форму крупномасштабных вооруженных столкновений (осетино-ингушский конфликт, 1-я и 2-я чеченские войны) [3].

Определение стратегии разрешения конкретного конфликта связано с выбором способа действий, равнозначного стилю конфликтного поведения. При этом приходится принимать в расчет ряд существенных обстоятельств, которые так или иначе сводятся к использованию мер стимулирования, включая убеждение и принуждение.

При этом особое значение для управления этнополитическим конфликтом приобретает эффективное функционирование институциональных образований, стремящихся к консультациям и переговорам, изучению интересов, поиску взаимоприемлемых решений и позитивная, объективная осведомленность граждан в отношении, как результатов мирного разрешения предыдущих этнополитических конфликтов, так и о процессе развития текущего конфликта.

Кроме того, важными механизмами разрешения этнополитического конфликта являются его институализация и легитимация.

Во-первых, основная задача в урегулировании любого конфликта состоит в том, чтобы по возможности придать ему функционально-положительный характер, свести к минимуму неизбежный ущерб от негативных последствий противостояния или острого противоборства. Во-вторых, возможен двойкий исход конкретного конфликта — его полное или частичное разрешение. В первом случае достигается исчерпывающее устранение причин, вызвавших конфликтную ситуацию, а при втором варианте происходит поверхностное ослабление разногласий, которые со временем могут вновь обнаружить себя [4].

Предпринимаемые меры направляются на то, чтобы убедить или заставить конфликтующие стороны прекратить враждебные действия, исключить чье-либо поражение, указать на средства, способствующие взаимопониманию.

В-третьих, государство, соотнося интересы конфликтующих сторон и параметры их поведения, выбирают приоритетный для себя способ разрешения конфликта, наиболее доступный и приемлемый в данных условиях.

В-четвертых, конфликтующая сторона может при определенных условиях воспользоваться не одним, а двумя-тремя или вообще всеми способами разрешения конфликта. Это обстоятельство также служит подтверждением того факта, что ни один из пяти стилей поведения в конфликтах, способов их разрешения нельзя выделять, признать как наилучший и соответственно как наихудший [5].

В политической теории ученые выделяют пять основных способов урегулирования этнополитических конфликтов:

- консоциация — процесс инкорпорации этнических групп и их элит в политическую и административную структуру государства;

- синкретизм — культурное представительство этнического разнообразия, предоставление права на национально-культурную автономию при фактической деполитизации этничности;

- федерализация — децентрализация и разделение власти по вертикали, предполагающая передачу части властных полномочий региональным, а фактически этническим общностям;

- переход от определения гражданства «по крови» к определению его «по почве», что предполагает получение гражданства любым человеком, родившимся на территории данного национального государства;

- символическая политика — поиск общих исторических символов, общих героев, общих лояльностей, изъятие из публичной речи понятий, которые приобрели в языке устойчивый негативный смысл, например «лица кавказской национальности» и замена их нейтрально окрашенными.

Одним из методов регулирования и предотвращения этнополитических конфликтов является

силовой контроль. Сущность силового контроля заключается в предотвращении этнического насилия посредством устрашения. В современной практике данный метод, был применен в Югославии и в ряде стран Ближнего Востока (Ирак, Турция), Африки (Руанда, Заир, Либерия и другие государства). Силовой контроль ограничивает свободу самовыражения этногрупп.

Вторая стратегия правительственного контроля — это посредническое вмешательство. Этот механизм часто использует Россия, выступая третьей стороной в переговорах, приводя к соглашениям между конфликтующими сторонами.

Ответственную и решающую роль в процессе зарождения, развития и возгорания очага конфликта играют политические элиты. Потому что именно от их мнений и решений зависит ситуация в том или ином обществе. Именно элиты могут выступить в качестве миротворцев и разрешить межэтнические споры политизированного пространства посредством медиации и других цивилизованных способов. От действий элиты зависят этнополитическая мобилизация, солидарность к формированию межэтнической политизации.

Опросы общественного мнения показывают, что межнациональная напряженность в России растет. Данные опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) также подтверждают эту тенденцию: 49% россиян полагают, что за последний год межнациональные отношения в стране стали «напряженнее и нетерпимее», при этом доля тех, кто разделяет подобное утверждение, особенно велика в Москве и Санкт-Петербурге (64%, т.е. практически две трети опрошенных) [6].

Таким образом, роль элит в процессе разрешения этнополитических конфликтов определяется потенциалом

этнополитических элит, в наличии у них возможностей и воли исполнять роль арбитра в деэскалации и урегулировании конфликтов, так как они обладают собственными ресурсами «принуждения к миру», неформальными связями с лидерами общественных и религиозных организаций.

Многонациональный состав государства представляет богатый культурный потенциал страны, вместе с тем чреват возможностью конфликтов на национальной почве. Опыт истории цивилизации показывает, что национальные конфликты можно не допустить или смягчить, осуществляя принципы территориальной, национально-территориальной автономии и соблюдая права человека. От решения проблем межнациональных отношений в значительной мере зависят спокойствие и благополучие людей, страны.

Именно поэтому государству необходимо осуществить меры по нормализации межнациональных отношений, решению накопившихся в этой области проблем на основе принципов дружбы и сотрудничества народов. И в тоже время многое зависит от каждого человека. Надо руководствоваться основополагающим критерием: каждый человек, к какой бы нации он не относился, должен чувствовать себя в любой части страны равноправным гражданином, иметь возможность пользоваться всеми правами, гарантированными законом. Равенство наций и народов неразрывно связано равенством людей, независимо от их национальности. Это — высший принцип гуманизма цивилизации.

Литература:

1. Национальная энциклопедическая служба [Электронный ресурс]. — URL :

<http://politike.ru/termin/ksenofobija.html> (дата обращения : 02.02.2020).

2. Здравомыслов, А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве / А. Г. Здравомыслов. — М. : Аспект-Пресс, 1997. — 286 с.

3. Дериглазова, Л. В. Российско-чеченский конфликт через призму теории асимметричного конфликта [Электронный ресурс] // Социальные конфликты в истории России XX века : Интернет-конференция. Октябрь 2004 г. — URL : <http://www.auditorium.ru/aud/conf/conf49/index.php> (дата обращения : 02.02.2020).

4. Конфликты: теория и практика разрешения. Опыт зарубежных исследований / Под общ. ред. Е. Ю. Садовской, И. Ю. Чупрыниной. — Алматы, 2002.

5. Там же.

6. Сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. — URL : <https://wciom.ru/> (дата обращения : 02.02.2020).

УДК 32:321.013

**Руднев Д. И.
(г. Луганск)**

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Республики бывшего Советского Союза, несмотря на длительный период существования и развития в едином государстве, усвоили и сохранили ряд собственных национальных черт, оказавших влияние на последовавшие в них политические процессы. Так, в ряде вновь образованных стран многовековой уклад общественной

жизни вошёл в противоречие с попытками установления демократии. Причина подобных неудач кроется, не только в отсутствии демократического опыта и менталитете, но и в том, что предпринимались попытки формального переноса западной модели демократии, оказавшейся мало пригодной для многих государств с традиционной политической культурой.

Некоторые исследователи, отмечая особенности переходного периода стран постсоветского пространства, обращают внимание на противоречие между желанием установления западной модели демократии и действительностью, в которой находятся постсоветские страны. Так, в частности, президент Американской Ассоциации славяноведения и вице-президента Американской политологической ассоциации Валери Банс в своём труде «Элементы неопределённости в переходный период» отмечает, что транзит от государственного социализма к либеральной демократии осуществляется через переходный период, или хаос, которому свойственны неопределённость, как результатов, так и процедур. В этот период система становится ещё более конкурентной, чем прежде, а результаты ещё более неопределёнными, к тому же исход самого процесса реформ является непредсказуемым, причём независимо от того, движется ли общество в сторону либерализма или от него. Выработка чётких процедур приносится в жертву стремлению быстро получить ощутимые результаты [1].

Поскольку переходный период отличается двойной неопределённостью, а, следовательно, большей нестабильностью, то либеральная демократия в такой ситуации становится лишь одним из четырёх вариантов будущего наряду с такими вариантами, как «замораживание» режима в переходном состоянии, реставрация госсocialизма или диктатура с ее

определённостью процедур и результатов. В практике, на постсоветском пространстве можно было наблюдать различные комбинации этих четырёх вариантов [9].

В целом, существенное влияние на демократические процессы на постсоветском пространстве оказали следующие факторы:

- отсутствие значимого демократического опыта;
- сохранение в большинстве государств (за некоторым исключением – в странах Прибалтики) прежней элиты с авторитарными советскими установками и стилем работы;
- тяжёлое экономическое положение, вызванное, в частности, особенностями построения экономики СССР;
- завышенные ожидания от демократизации (большинство граждан ждало резкого улучшения благосостояния) и, соответственно, последующее разочарование.

Кроме того, в ряде государств существенную роль сыграли такие социокультурные факторы, как:

- клановость (Кавказ, Средняя Азия);
- наличие этических норм, входящих в противоречие с некоторыми принципами демократии (Туркменистан);
- межнациональная/межплеменная напряжённость (Киргизия, Грузия);
- межрелигиозная и межкультурная напряжённость (Украина).

В большинстве стран постсоветского пространства эти факторы накладывались друг на друга, что не могло не сказаться на понимании демократии их населением. При этом важно отметить, что демократизация осуществлялась «сверху», при активном участии государственных структур.

Очевидно, что в условиях, когда общество в силу процессов глобализации и демократизации становится более открытым, население государств с авторитарными режимами осознает необходимость определённых гражданских прав и свобод, поскольку они ему выгодны, а значит – нужны. Но для новой правящей элиты принятие «демократических правил игры» означает нестабильность ее властных позиций. Поэтому ей выгоднее минимизировать гражданские права и свободы.

На постсоветском пространстве утверждение некоторых демократических практик осуществлялось с целью легитимации новых режимов на международной арене и частичного удовлетворения ожидания свобод для своих граждан. Поскольку в период распада СССР была популярна демократическая риторика, новой власти, ещё не утвердившейся прочно, необходимо было выглядеть антиподом власти советской. Перед мировой общественностью властям начала 90-х гг. значительно выгоднее было выступать в качестве строителей государства демократического, нежели авторитарного. Можно согласиться с мнением, российского политолога И. Васильева, что находиться вне «международного режима демократизации означает иметь трудности в доступе к какому-то ресурсу <...> значит быть практически лишённым доступа ко всем ресурсам на международной арене, быть, попросту говоря, изгоем. Вот почему «демократизироваться», как бы то ни было, стало «модно». Демократическая форма правления является одним из главных факторов, необходимых для международной легитимации и получения экономической помощи [3].

Нельзя не учитывать и то, что демократический транзит в республиках бывшего СССР шёл параллельно с процессами разжигания националистических настроений,

обретением независимости, началом государственного строительства.

Политическая элита большинства государств, возникших на постсоветском пространстве, нуждалась, по крайней мере, в создании формальной демократии. При этом политическая конкуренция не допускалась, чему отчасти способствовало достаточно апатичное отношение граждан к защите своих прав, обусловленное патерналистской политической культурой. Установление полноценной действующей демократии было не в интересах правящих групп, т.к. для них необходимо было закрепить обретенные властные позиции. Соответственно, демократизация осуществлялась во многом «сверху», т.е. под «присмотром» государства [8].

Новые правительства стремились к демократическим преобразованиям. Вместе с тем в странах, где после укрепления власти оказалось возможным свести демократические элементы к минимуму, это было сделано. Такое положение вещей явилось следствием того, что, с одной стороны, элитой в государствах стала преимущественно трансформированная советская номенклатура с командно-административной политической культурой (активно включившаяся в бизнес), с другой – не было четкого разделения граждан на классы и страты, осознающие свои интересы. И власть, и большинство населения демократию воспринимали абстрактно и ошибочно, ожидая от неё автоматического роста уровня жизни и правовой защищенности. При этом устойчивые демократические движения также отсутствовали за неимением надежной и стабильной социальной базы. В ряде стран на эти факторы накладывалась клановость и авторитарные традиции (что особенно характерно для Средней Азии). Политические партии, которые на деле придерживались демократической

ориентации, или не имели реальных рычагов влияния на власть, или, находясь у власти, на деле использовали авторитарные методы управления, при этом нередко прибегая к популистским приёмам вследствие слабого опыта государственного управления. Таким образом, исключалась возможность построения реальной демократии.

В целом, на пространстве бывшего СССР демократия пробивала себе дорогу и утверждалась с большими трудностями. Отчасти успешным можно признать демократические переходы прибалтийских государств (Литва, Латвия, Эстония). Новая элита в этих странах, как отмечалось выше, после обретения независимости сформировалась не естественным демократическим путём, а под непосредственным влиянием стран Запада.

Если говорить о Центральной Азии и Закавказье, то, как отметил российский политолог, президент Центра политических технологий Б Макаренко, «пять центрально азиатских государств детскими болезнями демократии не болеют, поскольку демократию не строят» [2].

На Кавказе, некоторые успехи в строительстве демократии сделала Грузия, формально начавшая это строительство после «революции роз». Однако и она скоро вернулась к авторитаризму, свойственному другим государствам региона [6].

Специфическим отличием процессов, происходивших в России, от процессов в других бывших республиках СССР было наличие значимых зачатков гражданского общества, а также быстрое формирование дееспособных политических партий, позволившее создать многопартийную систему. Немаловажным фактором демократизации в России являлось то, что в момент развала Советского Союза и нескольких последующих лет

российское руководство следовало советам, получаемым от «старых демократий», прежде всего США. Но совершенно очевидно, что советники давали рекомендации без учёта исторического прошлого, ментальности и традиций российских народов. В законодательстве появились недоработки, негативным образом влияющие на развитие страны. Дело в том, что те нормы, которые хороши для маленькой европейской страны, совершенно неприемлемы в условиях России, для которой предпочтительна сильная центральная власть. Как отметил Л. Даймонд, «2/3 стран с населением менее 1 млн. человек являются, либеральными демократиями, тогда как среди стран с населением свыше 1 млн. человек таковых лишь около 11%» [5].

Постепенно укрепившаяся российская элита пересмотрела ряд положений законодательства и теории демократии (в частности, идеи суверенной демократии), а также перестроила политическую систему под себя.

Таким образом, очевидно, что полноценная и жизнеспособная демократия требует смены авторитарной политической культуры, а значит и ее носителей в структурах власти, на новую, имеющую действительные демократические установки. Иначе демократические режимы, даже укрепившись формально, будут носить преимущественно декларативный характер.

Литература

1. Банс, В. Элементы неопределенности в переходный период / В. Банс. – 1996. – №28. – С. 337–343.
2. Варфоломеев, М. А. Специфика функционирования политических систем в моделях демократического транзита // М.А. Варфоломеев. – 2002. – № 1. – С. 6-15.

3. Васильев, И. Я. Особенности демократических транзитных процессов на пространстве бывшего СССР [Электронный ресурс] / Иван Ярославич Васильев. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-demokraticeskikh-tranzitnyh-protsessov-na-prostranstve-byvshego-sssr>

4. Даймонд, Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? / Л. Даймонд // Политические исследования. – 1999. – № 1. – С. 21-22.

5. Лазарев, А. В. Демократические переходы и неудача демократического транзита России // А. В. Лазарев. – 1996. – №5. – С. 73.

6. Макаренко, Б. Консолидация демократии: «детские болезни» постсоветских государств [Электронный ресурс] / Б. Макаренко. – URL: <http://www.politnauka.org/library/dem/makarenko.php>

7. Медушевский, А. Н. Политические режимы Центральной Азии: конституционные формы в рамках авторитарной модернизации. Сравнительное конституционное обозрение / А. Н. Медушевский. – 2012. – № 4. – С. 48.

8. Никитченко, А. Н. Транс национализация демократии (третья волна демократизации в свете теорий международных отношений) / А. Н. Никитченко // Политические исследования. – 1996. – № 5. – С. 66.

9. Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века // С. Хантингтон. – Москва: РОССПЭН, 2003. – 368 с.

10. Харитонов, О. Г. Генезис демократии (попытка реконструкции логики транзит логических моделей) / О. Г. Харитонов // Полис. – 1996. – № 5. – С. 73.

Кровельщиков С. С.
(г. Луганск)

ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Одной из острейших глобальных проблем современного мира является терроризм, который называют одной из самых страшных угроз мирному существованию человечества. Проблемы терроризма, способы борьбы с ним обсуждаются на всех уровнях – от встреч глав государств до разговоров на кухне, но на сегодняшний день не найдено эффективных способов противостояния этому злу. Средства массовой информации практически ежедневно сообщают нам о новых терактах в различных странах мира, что, к огромному сожалению, касается и стран на постсоветском пространстве. Казалось бы, терроризм – явление не новое в истории человечества: с древнейших времен в борьбе за власть люди использовали преступные действия, но в XXI веке терроризм претерпел такие количественные и качественные изменения, что в буквальном смысле представляет собой угрозу для существования всей человеческой цивилизации.

Проблемы терроризма на сегодняшний день столь актуальны, что ими занимаются самые различные общественные науки: история, социология, политология, криминология, психология, философия. В последнее время возникла даже новая форма научного знания, выделившаяся как отрасль социальной философии – террология. Зарубежные и отечественные учёные пытаются осмыслить это опасное социально-политическое

явление с самых разных сторон. В данной статье будет лучше рассматривать мнение учёных постсоветского пространства, так как их работы больше направлены на региональные особенности независимых государств, образовавшихся после распада СССР.

Нелегко дать определение терроризму, так как порой в это понятие вкладывается разный смысл. Современное общество столкнулось со многими видами терроризма, и этот термин лишился чёткой смысловой нагрузки. В результате множества проведенных исследований, в настоящее время в научных работах и национальных законодательствах стран постсоветского пространства существует множество различных трактовок понятия «терроризм». Отсутствие единого подхода в определении сущности и признаков терроризма осложняет объединение усилий в борьбе с ним в международном масштабе. Сложности с терминологией в значительной степени связаны со смешиванием понятия «терроризм» с понятиями «экстремизм», «сепаратизм», так как данные понятия являются более широкими.

В Большом энциклопедическом словаре террор и терроризм объясняются как синонимы: «террор (терроризм) – (лат. – страх, ужас) – насильственные действия (преследования, разрушения, захват заложников, убийства и т.д.) с целью устрашения, подавления политических противников, конкурентов...» [1].

Ильинский И. М. считает, что террор и терроризм тесно связаны с понятием «война». Ибо все эти понятия родственные по существу, по своей природе, назначению, функциям и целям [4].

Д. М. Фельдман, автор сотни публикаций на тему терроризма, автор монографии «Поэтика терроризма», предлагает свою формулировку данному явлению: «Терроризм – насилие и устрашение «слабыми»

(оппозиция) сильных (государство) – убийство политических деятелей, чиновников, граждан, взрывы, угоны самолетов, ограбление банков, захват заложников» [7, с. 134-137]. Расчёт в этом случае делается не на военно-стратегическую победу, а на психологический эффект. Целью террористической деятельности является дестабилизация общества, создание атмосферы страха, непредсказуемости завтрашнего дня, провоцирование репрессий со стороны государства. Цель террористов – совершением террористических актов довести народ до такого отчаяния, чтобы он принудил правительство либо защитить население, либо уступить силе.

Таким образом, можно дать обобщающее определение терроризма, исходя из его специфических признаков: «терроризм – это система публичного устрашающего насилия, характеризующаяся повышенной общественной опасностью и обеспечивающая достижение целей террористов посредством принуждения к совершению определенных действий в их интересах государственных органов, негосударственных организаций, граждан и других субъектов» [2].

Причинами роста терроризма на постсоветском пространстве являются:

- религиозные противоречия.
- нарастание кризисных явлений в мире, неспособность общества регулировать сложные социально-политические процессы; быстрая смена человеческих и политических идеалов и ценностей, вовлечение в политическую жизнь широких масс населения, не имеющих политического опыта.
- экономические и финансовые кризисы, рост военных расходов, резкое социальное расслоение, безработица, рост преступности.

- двойственное, непоследовательное поведение правящего класса, половинчатые меры против терроризма, приобретение политического капитала на этой проблеме политическими лидерами.

- глобализация мира, построение однополярного мира, неравномерное размещение и распределение мирового богатства и благ среди народов.

- личные обиды, зависть, ущербность, садизм, эмоциональные факторы.

Северный Кавказ, трудовые мигранты из Центральной Азии, а также места лишения свободы являются ключевыми направлениями распространения религиозного экстремизма и терроризма. Самым проблемным регионом России в плане террористической угрозы остается Дагестан. В Чечне ситуация лучше, что связано с более жёстким контролем со стороны руководства республики. Эксперты отмечают, что выходцы из Северного Кавказа составляют большинство среди россиян, которые воюют в Сирии и Ираке.

Уровень террористической угрозы в Азербайджане ниже, чем на Северном Кавказе и в странах Центральной Азии. Однако для данного государства актуальна проблема вербовки новых участников радикальных группировок среди его граждан. Наиболее проблемной зоной является север Азербайджана. Это составляет угрозу также для России, так как Азербайджан на севере граничит с Дагестаном. Тем регионом, который считается наиболее проблематичным среди всех территорий РФ по вопросам террористической деятельности и борьбы с ней.

Что касается Армении и Грузии, то в этих странах террористическая угроза практически отсутствует в силу того, что подавляющее большинство населения исповедует христианство.

Наблюдается тенденция роста выходцев из стран Центральной Азии в качестве исполнителей терактов. На территории России находятся, по разным оценкам, от 2 до 5 млн выходцев из стран Центральной Азии (часть из них трудовые мигранты, часть получила российское гражданство, в том числе нелегально, принимая в расчет коррупцию в сфере контроля миграции) [5]. Наиболее подверженными джихадистской пропаганде слоями населения являются трудовые мигранты, которые относятся к наименее социально привилегированным слоям общества и часто сталкиваются с проявлениями ксенофобии и коррупции.

В самих странах Центральной Азии ситуация кардинально различна. К примеру, отличительной чертой совершаемых исламистами терактов в Казахстане является их ненаправленность против гражданского населения. Социально-экономические мотивы при вербовке в отряды боевиков в Казахстане менее значимы, чем в других странах Центральной Азии, так как положение жителей страны лучше, чем у соседей. При этом среди уехавших из Казахстана воевать вместе с боевиками много состоятельных людей.

Рассматривая Узбекистан, можно отметить, что власть в республике традиционно проводит жёсткую политику в отношении религиозного экстремизма. Происходящие из Узбекистана экстремистско-террористические структуры действуют в основном за рубежом: в других странах Центральной Азии, в Афганистане и Пакистане, на Ближнем Востоке.

Кыргызстан в большой степени подвержен угрозам роста террористических тенденций в силу сложной социально-экономической ситуации, существования кланового противостояния по линии «север-юг», а также

межэтнического конфликта на юге страны, где проживает узбекское меньшинство.

Ситуация в Таджикистане является весьма острой, что можно связать с последствиями гражданской войны (1992 – 1997 гг.), тяжелой социально-экономической ситуацией, отсутствием возможности получения качественного религиозного образования, а также соседством с Афганистаном, где действует множество террористических группировок.

Но не только в странах Центральной Азии наблюдается столь опасная ситуация, связанная с ростом террористических тенденций. На Украине в данный период времени процветает националистический терроризм. Согласно Закону Украины «О борьбе с терроризмом», терроризм – это общественно опасная деятельность, которая состоит в сознательном, целенаправленном использовании насилия путем захвата заложников, поджогов, убийств, пыток, запугивания населения и органов власти, или совершения других посягательств на жизнь или здоровье ни в чем не повинных людей, или угрозы совершения преступных действий с целью достижения преступных замыслов [3]. В основе националистического терроризма лежит идея национальной исключительности и превосходства. Этот вид терроризма представляет собой неадекватную форму борьбы против ущемления прав и свобод отдельных наций и народностей. Его цели носят политический характер – насильственное изменение конституционного строя, государственного устройства. К наиболее очевидным проявлениям терроризма стоит отнести события в Одессе 2 мая 2014 года. Наиболее активными националистическими организациями в настоящее время являются «С14» и «Правый сектор».

Стоит упомянуть и о том, что в настоящее время растет количество предотвращенных преступлений террористического характера. С одной стороны, это говорит о более активной и целенаправленной работе спецслужб, с другой же угроза терроризма имеет тенденцию к усилению на постсоветском пространстве. Для контроля и предупреждения терроризма в государстве должна существовать программа противодействия террористическому насилию, которая включает в себя:

- сотрудничество между правоохранительными, следственными и судебными органами;

- активизацию просвещения и улучшение подготовки сотрудников правоохранительных органов по вопросам предупреждения преступности, включая разработку специальных курсов профессиональной подготовки по борьбе с терроризмом;

- обеспечение эффективного контроля над оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и другими опасными материалами, которые попадают в руки лиц, имеющих возможность использовать их в террористических целях;

- расширение сотрудничества между различными правоохранительными и судебными органами с обращением должного внимания к уважению основных прав человека;

- разработку программ общего правового просвещения и расширения осведомленности общества путем привлечения средств массовой информации с целью разъяснения населению той опасности, которую представляет собой террористическое насилие;

- эффективную защиту свидетелей террористических актов, судей и работников уголовного правосудия, участвующих в судебных процессах по делам о террористических преступлениях;

- разработку руководящих принципов для средств массовой информации в целях недопущения создания сенсаций и оправдания террористического насилия;

- определение направлений сотрудничества между государствами в уголовно-правовых вопросах на всех уровнях системы обеспечения соблюдения законов и уголовного правосудия.

Крайне важно определить компетенцию различных государственных органов в сфере борьбы с терроризмом. Структуры, выполняющие эти задачи, должны иметь поддержку государства и общества. Но они должны быть легитимны, их работа должна быть уважаема обществом, вестись дозволенными методами. Не следует допускать использования неконституционных структур для борьбы с терроризмом. Такой подход есть проявление монополии государства на насилие и направлен на повышение авторитета государства [6].

Важнейшим инструментом антитеррористической политики является осведомленность, то есть – знание и готовность к действиям в чрезвычайной ситуации. Система современного образования должна быть направлена на воспитание у учащихся чувства патриотизма, бдительности, коллективизма, интернационализма и дисциплинированности, формирование грамотного поведения, обеспечивающего собственную безопасность и безопасность окружающих.

Также нельзя допустить публичное использование страха масс-медиа. Ошибки в интерпретации, излишняя подробность в описании трагедии, персонализация жертв и деперсонализация врага – это токсичная взрывчатая смесь, которая легко может привести общество к систематическим убийствам по национальному или религиозному признаку.

Нужно улучшать эффективность по защите систем важной государственной информации и системе данных гражданской инфраструктуры.

Так же, несомненно, стоит увеличить объём сотрудничества национальных органов безопасности разных стран на постсоветском пространстве.

Современные средства коммуникации позволяют использовать преимущество системы Интернет в противодействии терроризму и это нужно использовать, но не нарушая базовые права человека.

Важное значение для национальной безопасности отдельного государства на постсоветском пространстве имеет объединение усилий в противодействии терроризму всех сил государства и общества. Это и верхние эшелоны представительной власти, и законодатели, и спецслужбы, и правоохранительные органы, и средства массовой информации, а также религиозные и иные общественные объединения.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть – успех в борьбе с терроризмом возможен лишь в том случае, если в решении этой задачи консолидируют свои усилия мировое сообщество и все здоровые, прогрессивные элементы государства и общества внутри страны.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь/ под ред. А. М. Прохорова [Электронный ресурс]. – Заглавие с экрана. – URL: http://slovonline.ru/slovar_ctc/b-19/id-61166/terror_terrorizm_.html.

2. Емельянов, В. П. Терроризм как деяние и состав преступления / В. П. Емельянов. – Харьков, 1999. – 248 с.

3. Закон Украины «О борьбе с терроризмом» № 638-IV от 20 марта 2003 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.10.2018 г.) [Электронный ресурс]. – Заглавие с экрана. – URL: https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=30589467

4. Ильинский, И. М. О терроре и терроризме / И.М. Ильинский. – М.: МГСА, 2001. – 76 с.

5. Казанцев, А. А. Угроза религиозного экстремизма на постсоветском пространстве / А. А. Казанцев, Л. Ю. Гусев – М.: ЦИПИ, МГИМО-Университет, 2017. – 80 с.

6. Терроризм: психологические корни и правовые оценки // Государство и право. – 1995. – № 4. – С. 24-35, 41-42.

7. Фельдман, Д. М. «Все мы – бойцы большой информационной войны за выживание» / Д. М. Фельдман // GEO. – 2002. – № 9. – С. 134-137.

УДК 32.2

Ковалева О.В.
(г. Луганск)

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ

Изучение аспекта проблемы особенностей регионального политического участия является актуальным, так как сегодня отношения между личностью, обществом и государством отражает качество функционирования политической системы в целом.

Истоки исследования проблемы политического участия берут начало в античной истории, так Аристотель трактовал участие в политических действиях как

эффективный фактор развития личности и общества в целом. Позже, выдающийся немецкий философ Георг Гегель в суждениях относительно политического участия опирался на неотъемлемые права и частный интерес, обязательно гарантированных государством. Мыслитель отмечал, что гражданскому обществу присуща система привлечения народа к политическому участию в независимых от политических и административных органов государства институтах.

Но наиболее содержательно раскрыл проблемы политического участия известный немецкий социолог Макс Вебер, который попытался объединить все существующие на то время политические исследования и вывести «рациональную» формулу политического участия. По его мнению, рационализация политического участия исходит из тенденции развития самого политического процесса.

Теоретический анализ формирования сознательного политического поведения человека становится одной из актуальных тем для политологических исследований российских специалистов. Данной проблематикой занимаются такие специалисты как С. Андреева, А. Антонова, И. Алексеенко, Е. Баталов, А. Болотова, Ф. Бородкин и другие. Эти авторы исходят из того, что основу сознания составляют знания.

Политическое участие на региональном уровне может воплощаться в конвенциональных и неконвенциональных формах. Но если форма политического участия является категорией определенной, постоянной, то содержание каждой конкретной формы будет меняться в зависимости от многих факторов. К таким факторам специалисты относят: политическую культуру субъектов политики, политический режим,

социально-экономический статус человека, его возраст, пол, специфику конкретного региона.

Поскольку понятие политического участия в некоторой степени носит субъективный характер, то есть формируется через призму политического сознания, то и факторы влияния на региональное политическое участие надо рассматривать как субъективные, так и объективные. Субъективные факторы исследуются в рамках таких научных теорий как социологическая, социально-психологическая и теория рационального выбора.

Наиболее распространенной классификацией мотивов политического поведения в науке есть типология, разработанная Д. Маклелландом и Дж. Аткинсоном.

Они выделили три основные группы мотивов:

- мотив получения власти или мотив контроля над людьми и ситуацией;
- мотив достижения (цели, успеха и т.д.);
- мотив афiliation (настройка теплых, дружеских отношений с другими).

По мнению авторов данной типологии, доминирование того или иного мотива обуславливает определенный тип политического поведения. Например, доминирование мотива афiliation в политике может способствовать достижению компромисса на переговорах.

Существует еще одна группа факторов влияния на политическую деятельность, которые были исследованы в теории рационального выбора. Данная концепция трактует политическое поведение и участие с точки зрения соотношения выгод и затрат политических актеров. Согласно теории рационального выбора, участвуя в политической жизни, индивидуальные актеры пытаются получить как можно большую пользу, добиться положительного результата. Итак, на субъективном уровне на политическое участие влияют такие группы факторов:

пол, возраст, социальный статус человека (социологическая концепция); субъективное восприятие политики человеком, его политические ценности и установки, а также мотивы политической деятельности человека (социально-психологическая концепция); понимание человеком свои затрат и выгод в процессе политической деятельности (теория рационального выбора).

На объективном, общем уровне особенности политического поведения и участия оказывают значительное влияние такие факторы как историко-географический, административно-территориальный и экономический (характер производственной ситуации в регионе).

Поскольку данная группа факторов не менее влиятельна на процесс политического участия, чем внутренне личностные факторы, возникает необходимость конкретизировать внешние факторы влияния на степень политического участия на региональном уровне.

Одним из главных факторов влияния на региональное политическое участие является историко-географический фактор. Ученые соглашаются с тем фактом, что традиция формирования политического участия в регионе зависит от его геополитического нахождения и истории формирования взаимоотношений региона и государства. В тех случаях, когда географическое положение региона было стратегически выгодным для государства, а история развития региона основывалась на насильственной экспансии, в таких регионах возникала авторитарная доминанта в политике и соответствующий ей этико-культурный принцип (страх). Политическое участие в таком регионе носило мобилизационный характер. То есть, политическое участие принимало форму вынужденного действия, при котором

участие в политических актах, событиях зависело от неполитических стимулов.

Неотъемлемым от историко-географического фактора является экономический фактор влияния на региональное политическое участие. В регионах, которые отличаются стабильностью экономического развития, где обеспечивается высокий уровень прожиточного минимума граждан, политическое участие будет принимать конвенциональные, легальные формы. Те регионы, где благодаря неразвитости промышленного хозяйства, отсутствовала постоянная традиция индивидуального накопления, отличаются высоким уровнем конфронтации, а политическое участие носит протестный характер.

Еще один фактор, который влияет на степень политического участия в регионе – административно-территориальный. Положительное влияние этого фактора основывается на возможностях «обратной связи», учет состояния и запросов «на местах» при выработке решений. Ведь участие в них тех, кого они беспокоят, очень упрощается, когда центры решений приближены к звеньям, которыми управляют. В контексте этого становится понятной логика, которая была репрезентована Монтескье и имеет последователей и в наши дни связывает демократию с небольшими территориями, которые образуют «пространство участия» для самодеятельных граждан.

Таким образом, политическое участие - это категория, которая имеет свои разновидности. Одной из таких разновидностей является региональное политическое участие. Региональное измерение в анализе политического поведения наиболее полно отражает качество политической системы, так как региональная власть может учитывать степень влияния граждан на удовлетворение общественных потребностей через

исследование особенностей функций местных администраций, органов местного самоуправления. На политическое участие на региональном уровне влияют многие факторы, которые условно можно разделить на внутриличностные и внешние. К личностным факторам относятся социологические (пол, возраст, статус гражданина), социально-психологические (учет внутреннего мира, субъективного представления о внешней реальности, которым руководствуются люди в разных ситуациях) и теория рационального выбора, которая трактует политическое поведение и участие с точки зрения соотношения выгод и затрат политических актеров.

К внешним факторам воздействия на региональную политическую участие относятся историко-географический и административно-территориальный факторы, а также экономический фактор, в частности, характер производственной ситуации в регионе.

УДК 323.2

Дударев И. А.
(г. Луганск)

РОЛЬ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ В ПРОЦЕССЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Группы интересов – это организации, перед которыми стоит цель объединения граждан для выражения и защиты каких-либо специальных, конкретных интересов, политически значимых в отношениях с государством и другими политическими институтами. Основное отличие групп интересов от политических партий состоит не

только в организационной области, но и в способах взаимодействия с государственной властью: группы интересов не ставят перед собой задачу прийти к власти и бороться за ее завоевание. Их целью является лишь оказать воздействие на механизм принятия решений в политической сфере, с целью реализации групповых интересов. Группы интересов являются важнейшим компонентом демократического общества, так как осуществляют один из важнейших его принципов: обеспечение плюрализма мнений и интересов [2].

Группы интересов существуют на протяжении всей истории человечества – с тех пор, как стали складываться системы власти.

Дискуссии по вопросу о том, насколько участие групп интересов в политике совместимо с демократическими институтами власти и управления, способствует ли оно стабильности политических систем или, наоборот, является дестабилизирующим и деструктивным фактором, не прекращаются и по сей день.

Основными функциями групп интересов являются артикуляция и агрегирование интересов, информативная функция, формирование политической элиты. Под артикуляцией интересов понимается преобразование социальных чувств, эмоций, ожиданий в рационально сформулированные политические требования. Агрегирование интересов означает согласование различных потребностей и требований, их иерархизацию и выработку общегрупповых целей. Информативная функция выражается в доведении до органов власти информации о проблемах, целях и интересах соответствующих групп. Поскольку группы интересов продвигают своих представителей в органы власти, то следующая их функция – формирование политических элит.

Наряду с агрегированием и артикуляцией интересов важной социальной функцией групп интересов является информирование органов, принимающих политические и административные решения. И хотя предоставляемая информация чаще всего бывает односторонней, ориентированной в соответствии с интересами данных групп, деятельность множества таких групп позволяет властным структурам знакомиться со всем спектром общественного мнения по тем или иным проблемам. И это, без сомнения, способствует повышению эффективности деятельности власти, которая, ознакомившись с общественными настроениями, может проводить политический курс, отвечающий реальным потребностям граждан [5].

В современных демократических странах существует множество различных добровольных объединений людей. Основанием группирования их интересов могут быть экономические, социальные, культурные, этнические, религиозные, идеологические потребности. В качестве примеров таких групп можно назвать профсоюзные объединения, объединения предпринимателей, общества потребителей, экологические, женские, молодежные движения и ассоциации, негосударственные культурно-просветительские организации, благотворительные общества и т. д. В этих группах происходит согласование множества частных требований граждан и социальных групп, оформление этих первоначально расплывчатых взглядов и мнений в конкретные требования, выработка на их основе общепризнанных целей деятельности организаций [1].

Что же касается государств, которые находятся на пути становления демократических ценностей, утверждения в стране демократического политического

режима и государственного устройства, которое основывается на признании народа высшим источником власти, то здесь группы интересов играют весомую роль в поддержании эффективности власти.

Власть может быть эффективной при любых режимах. Все зависит от ожиданий людей, на которые, в свою очередь, старается влиять, а порой и определять, сама власть. Для того чтобы власть действовала в интересах народа, сам народ должен определить свой интерес.

Эффективность власти – не постоянная величина. Ей необходимо все время совершенствоваться и повышаться, чтобы идти в ногу возрастающим потребностям общества. Если власть проявляет неспособность адаптироваться к изменяющимся условиям общества, как правило, она непременно потеряет свою легитимность, что приведет к смене властных субъектов [5].

Важным для политологического понимания является соотношение эффективности власти и эффективности демократии, которые являются не равнозначными понятиями. Под эффективностью власти автор понимает способность политических институтов исполнять свои функции таким образом, чтобы отвечать ожиданиям большей части граждан. Именно отвечать ожиданиям, а не интересам, так как общество далеко не всегда может осознавать свои интересы, особенно недифференцированное общество.

Отвечать интересам общества власть может только в демократическом государстве, в котором появляются группы интересов, отстаивающие ценности части общества.

Демократический транзит, в определенной степени, полагается на активное участие групп интересов в политическом процессе. Взаимодействие

заинтересованных групп и государства в политической науке представлено в рамках многочисленных теорий. На сегодняшний день существует три наиболее значимых концепции взаимодействия: плюрализм, корпоративизм и политические сети [3].

Представители плюралистической концепции трактуют политический процесс как давление различных групп интересов и, соответственно, как распределение власти в обществе. Плюралистическая концепция основывается на признании существования множества свободно образуемых политических, экономических и других групп интересов, которые конкурируют друг с другом и борются за общественное и политическое влияние. Следующая концепция – корпоративизм. Согласно этой концепции, государство – это важнейший конституирующий элемент отношений между группами интересов и политической сферой. В политической сфере действует ограниченное число неконкурирующих, иерархически упорядоченных и функционально различных образований, которые стремятся к монополии на представительство интересов в соответствующей области. В соответствии с корпоративистской концепцией процесс определения политического курса основывается не на балансе сил множества, конкурирующих между собой групп интересов, а происходит в результате сложного, институционализированного, ориентированного на консенсус взаимодействия между государством и ограниченным числом крупных, агрегированных групп интересов. В последние годы в исследовании политических процессов стало влиятельным концептуальное направление «политическая сеть». Сетевой подход является относительно новым в политологии, но он приобретает все большую популярность в западной политической науке. В данной

концепции акцент делается на анализе неформальных связей, возникающих в ходе процесса принятия политических решений, что и придает им характер сетевого взаимодействия [3].

Возможности заинтересованных групп различны. Одни из них пользуются авторитетом в обществе, к ним прислушиваются, поэтому они могут непосредственно обращаться к тем, кто принимает решения. Другие же группы, не имеющие каналов прямого доступа к элите, вынуждены влиять опосредованно сначала на общественное мнение, чтобы потом уже оно воздействовало на тех, кто принимает политические решения.

В зависимости от характера влияния различают три направления воздействия: на тех, кто принимает политическое решение; на партии, удерживающие или контролирующие власть; на общественное мнение, которое влияет на власть.

Первое направление воздействия – давление на законодателей, министров, административную элиту, которые принимают важнейшие политические решения. Считается вполне нормальным, когда преобладают интересы той или иной группы в политическом решении. Если есть интересы, значит, они требуют своей реализации. Однако поскольку возможности групп давления оказывать влияние на принятие решений различны, они используют как открытые средства воздействия, так и скрытые. Преобладание тайных каналов воздействия на власть не только не позволяет понять логику принимаемых политических решений, но и расширяет возможности превращения официальной власти в некую ширму, за которой может действовать теневая власть кланов, мафиозных групп, криминальных структур. Для того чтобы группы давления выполняли функцию

отстаивания частных интересов и не превращались в реальную власть, в большинстве стран существует законодательство, четко определяющее возможности их открытой деятельности [5].

Те группы интересов, которые имеют доступ непосредственно к тем, кто принимает политические решения, могут воздействовать на них в форме информирования или консультирования. Для того чтобы добиться преобладания интересов конкретной группы, необходимо проинформировать власть об их наличии. Подробная и аргументированная информация о справедливости требований группы способна изменить точку зрения официальных лиц, главным образом парламентариев. Во многом убедительность представленных данных обуславливается не только внешне объективным и целенаправленно ориентированным характером информации, но и тем, что учитывает неискренность законодателей в технических вопросах предлагаемых законопроектов.

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что группы интересов являются одним из важнейших компонентов функционирования демократического общества. Формирование групп интересов показывает зрелость и состоятельность общества. Без зрелого общества о демократии не может быть и речи, ведь для того, чтобы власть действовала в интересах народа, народ должен сам определить свой интерес.

Литература

1. Баранов, Н. А. Трансформации современной демократии / Н. А. Баранов. – СПб.: БГТУ, 2006.
2. Гаджиев, К. С. Политология / К. С. Гаджиев. – М.: Высшее образование, Юрайт-Издат, 2009.

3. Половнева, Л. С. Теоретико-концептуальные подходы к анализу взаимодействия групп интересов и государства в политическом процессе [Электронный ресурс] / Л. С. Половнева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. – 2016. – № 1(222). Выпуск 37. – С. 151–156. – URL: – <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-kontseptualnye-podhody-k-analizu-vzaimodeystviya-grupp-interesov-i-gosudarstva-v-politicheskom-protssesse>.

4. Перегудов, С. П. Группы интересов и российское государство / С. П. Перегудов. – М.: Эдиториал УРСС, 2006.

5. Семененко, И. С. Группы интересов в политическом и социокультурном пространстве / И. С. Семененко. – М.: Юнити-Дана, 2007.

6. Семененко И.С. Группы интересов на Западе и в России. Концепции и практика / И. С. Семененко. – М.: Инфра-М, 2008.

УДК 343.35:35.08

**Ходус М. С.
(г. Луганск)**

КОРРУПЦИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СОЦИАЛЬНАЯ НОРМА ИЛИ ДОПУСТИМОЕ ОТКЛОНЕНИЕ?

От классических исследований общества и научная, и политическая элиты ожидают, прежде всего, реализации функции, которая была заложена в социологию при ее основании, – диагностики. По нашему мнению, именно

диагностика помогает нам разобраться в проблемах, назревших в социуме, а также наметить пути решения этих проблем. При этом априорно предполагается, что качественное социологическое исследование должно содержать в себе описание ожидаемого состояния объекта исследования, анализ текущего состояния объекта исследования, а также предлагать пути решения и механизмы, воздействие которых позволит привести объект исследования к желательному состоянию.

Коррупция как социальный феномен была выбрана предметом нашего исследования в силу того, что при ее анализе нередко используется исключительно правовой подход, предполагающий, что коррупция – это лишь некий вид, пускай и особый, преступного деяния. Собственно, большинство современных исследователей коррупции реализуют свои научные проекты именно в условиях данного подхода [6, с. 4]. В рамках данного подхода акцент делается на то, что сама этимология слова «коррупция» связана с представлениями о разрушении системы, ее «растлении» и «деформации». Сама же коррупция при этом понимается как макроявление, как «симптом, что что-то пошло не так в государственном управлении» [7, с. 9], либо как нечто, что противостоит нормальному развитию общества.

Мы хотим акцентировать внимание на том, что коррупция в юриспруденции априорно считается негативным явлением, тем, что разрушает социальный порядок. По этой же причине ряд исследователей пытаются избегать употребления термина «коррупция», заменяя его другими дефинициями. В настоящее время многие ведущие исследователи данного феномена склонны использовать такие аналоги, как «блат», «взятничество», «административная рента», «кормление» и так далее. На самом же деле предметом своих исследований они ставят

именно коррупцию как социальный феномен. При этом совершенно упускается тот факт, что коррупция является социальной практикой и регулярно воспроизводится в различных формах повседневной жизни общества.

Безусловно, утверждение о том, что коррупция является позитивным либо нейтральным явлением, столь же непродуктивно, как и безосновательно. Необходимо научно поставить вопрос, который старательно обходит большинство современных нам исследований коррупции: насколько и как в действительности этот феномен связан с социальной нормой? То есть отношение к феномену коррупции в различных типах общественного устройства тоже разное. Мы акцентируем внимание на то, что коррупция может восприниматься как социальная болезнь, как сбой механизмов государственного управления и поддержания социального порядка лишь в тех случаях, если мы четко может определить тип общества. Если общество является модернистским, либеральным, демократическим, то традиционное понимание коррупции оправдано, если же оно оказывается «квазисовременным» [5] или «сословным» [2], то говорить о том, что кумовство, коррупция и блат в нем являются социальным злом, некорректно.

Доказательство нашего утверждения подтверждают слова двух представителей российской социологии А. Ослона (ФОМ) и В. Фёдорова (ВЦИОМ). Они утверждают и эмпирически обосновывают тезис о том, что роль коррупции в современной российской действительности, а уж тем более в 90-е годы не может быть однозначно оценена как деструктивная. Так, А. Ослон пишет: «Россия впервые в своей истории столкнулась с этой проблемой, и наш язык даже не приспособлен к ее адекватному описанию: в будничной речи мы чаще всего обозначаем сложный социально-

культурный комплекс, о котором идет речь, просто коррупцией» [3, с. 15].

Именно по этой причине в рамках функционально-феноменологического подхода коррупция либо отграничивается от ряда социальных явлений (таких как блат, кумовство, протекционизм, мздоимство и т. д.), либо же тесно срастается с другими категориями анализа общества, которые имеют не столь негативную окраску в общественном сознании. Ключевыми вопросами при оценке большинства социально значимых явлений в современном обществе с объективно присущими им социальными функциями, на наш взгляд, должны быть:

1. Каким является социальный порядок, транслируемый в повседневной жизни анализируемого общества?

2. По каким критериям следует подходить к оценке современного общества (как к постсовременному/современному/квазисовременному или иному типу общества)?

3. Что позволяет общественному мнению классифицировать то или иное явление в качестве соответствующего или несоответствующего социальному порядку?

4. Какое место отводится коррупции в социальном порядке, является она антагонистом, неотъемлемой частью или побочным продуктом воспроизводимого социального порядка?

Для достижения оптимального результата при работе с категориями общественного мнения мы считаем целесообразным применять подход Л. Болтански и Л. Тевено, представляющий пример успешной попытки избежать недостатков построения разного рода теоретических конструкций и позволяющий анализировать собранные эмпирические данные. Согласно их теории [1],

в рамках обыденных социальных практик индивиды периодически сталкиваются с ситуацией «оправдания», в которой они участвуют в особой дискурсивной процедуре подтверждения соответствия особому социальному порядку. При этом необходимость такой процедуры выражается как ощущение несправедливости происходящего. На основании методик такого «оправдания», их специфических черт Л. Болтански и Л. Тевено приходят к мнению о существовании в рамках социальной структуры различных пластов социального порядка, для которых свойственна собственная аргументация, собственное представление о порядке как таковом.

Литература

1. Болтански, Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Л. Болтански, Л. Тевено. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 576 с.
2. Кордонский, С. Г. Сословная структура постсоветской России / С. Г. Кордонский. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – 216 с.
3. Ослон А. Кто мы? / А. Ослон // Сословная структура постсоветской России. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – С. 7 – 16.
4. Охотский, Е. В. Коррупция: сущность, меры противодействия / Е. В. Охотский // Социологические исследования. – 2009. – № 9. – С. 25 – 33.
5. Роуз, Р. Достижение целей в квазисовременном обществе: социальные сети в России / Р. Роуз // Общественные науки и современность. – 2002. – № 3. – С. 23 – 38.

6. Сидоров, А. И. Коррупция: и диагноз, и приговор / А. И. Сидоров // Социологические исследования. – 2008. – № 2. – С. 111 – 117.

7. Rose-Ackerman, S. Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform / S. Rose-Ackerman. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 282 p.

УДК 32:321.013

Ткачѐв И. В.
(г. Луганск)

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Общность и масштаб тенденций демократического развития государств в современном мире достигли своего максимума на момент 2020 года. Подавляющее большинство развитых политически и экономически стран, являются по своей форме правления демократическими.

Так было ещё и в конце прошлого столетия, когда терпела крах социалистическая система, что было одним из проявлений демократического транзита.

Демократический транзит – это процесс перехода политической, экономической и социокультурной системы с недемократического на демократическое устройство. В таком направлении политической науки, как «транзитология», говорится о том, что демократический транзит в своей теории представляет постепенный процесс перехода государственных институтов с недемократической направленности на демократическую путём постепенного реформирования и преобразования этих государственных институтов.

Формы, которые принимает демократический транзит в том или ином государстве, варьируются и зависят от целого ряда факторов. Не одинаковы и последствия процессов демократизации. Мне бы хотелось остановиться на последствиях демократического транзита на постсоветском пространстве, т.е. в государствах, образовавшихся вследствие распада СССР.

Главной предпосылкой демократического транзита стал 1985 год, когда генсеком ЦК КПСС стал Михаил Горбачёв, заявивший о том, что СССР, а соответственно и весь социалистический блок, который выстраивался вокруг СССР, берёт курс на «перестройку» всего государства и всего объединения социалистических государств. В СССР была сделана ставка на постепенную демократизацию государственных институтов и либерализацию общественной жизни, ориентацию на западную модель развития. А страны ОВД постепенно должны были приобретать самостоятельность во внешней политике, ликвидируя «доктрину Брежнева», которая и запрещала какую-либо внешнюю самостоятельность стран ОВД.

В теории, процесс демократического транзита являлся правильным решением, но на практике мы увидели, что не было чётко выстроенной системы проведения тех необходимых реформ, чтоб демократический транзит прошёл безболезненно для всего социалистического лагеря и СССР в частности.

Последствием таких неумело-внедряемых реформ, стал распад и самого СССР, и всего социалистического лагеря. В новообразованных странах установились демократические режимы, о последствиях которых далее и пойдёт речь.

Когда образовалось СНГ и постсоветское пространство, то чисто формально, в теории, демократический транзит достиг поставленной цели:

теперь во всех новых государствах и бывших странах ОВД установились демократические режимы. Но последствия для постсоветского пространства были удручающими.

Новые руководители государств, пришедшие к власти на волне демократизации, не всегда понимали, как в новых политических условиях нужно управлять страной. Новые руководители пытались управлять согласно западной теории, но на практике это привело к политическим и экономическим кризисам в новообразованных государствах, а также началу властвования бандитизма и ОПГ, которые в некоторых странах бывшего СССР остались и по сей день.

Общество, которое привыкло жить в авторитарном режиме управления, просто не смогло принять новую систему руководства, что привело к непониманию между народом и политической элитой. Это выливалось в разного рода митинги, протесты, стачки и забастовки, которые сильно дестабилизировали внутренний порядок в новообразованных государствах.

Одним из последствий демократического транзита стал рост национализма. Уже накануне распада СССР по окраинам страны вспыхнули очаги разгорающегося национализма, которые повлекли за собой плачевные и кровавые события, такие как «Чёрный февраль» 1990 года, когда в среднеазиатских республиках начались гонения на русских и русскоговорящих граждан. Позже, волна национализма прошла и в прибалтийских республиках, где переросла в откровенную русофобию, а также в Украине, где начались разногласия между Западом и Востоком страны.

В результате нахлынувшего национализма, по странам бывшего СССР прокатились ряд гражданских войн (грузино-осетинская, грузино-абхазская, Карабах,

Приднестровье), которые унесли жизни тысяч людей, в том числе мирных граждан.

Начавшись практически одновременно в странах бывшего СССР, процесс демократизации имел различную временную протяженность, на что повлияли историческое прошлое, особенности политической культуры, острота стоявших перед отдельными государствами проблем, внешнеполитическое влияние. Вырисовывалось два пути: продолжение процесса демократизации или же откат от демократического транзита, и возвращение к авторитарному политическому режиму, для стабилизации общественно-политической ситуации.

В итоге к откату демократического транзита пришли бывшие советские республики Средней Азии. При этом в Туркменистане в президентство С. Ниязова, объявленного «вечным президентом Туркменистана», установился режим, который некоторые исследователи называют даже не авторитарным, а тоталитарным. При этом приводятся следующие аргументы: политический курс официальной власти направлен на создание жесткой властной вертикали, обслуживающей власть моно идеологии и на обеспечение легитимности власти. При этом власть руководствуется не нормами демократии и плюрализма, а некими «особенностями национального характера и волей туркменского народа».

Бывшие прибалтийские республики Латвия, Литва и Эстония сразу же после распада СССР взяли курс на улучшение отношений с Западом, постепенно уходя под его влияние, замалчивая и укрывая от мировой общественности факты откровенного русофобского отношения со стороны правящей власти и пропаганды национализма в обществе.

Хоть в прибалтийских странах политический режим признается демократическим, но из-за фактов локального

национализма и русофобии можно говорить, что демократический транзит здесь завершился в искажённой форме, привел к установлению так называемой этнократии. Этим термином определяют такую разновидность демократии, при которой политическое господство осуществляется представителями этнического большинства населения, которые приходят к власти путём всеобщих выборов и правят в рамках демократических институтов, но выступают от имени этнического большинства и провозглашают своим приоритетом защиту групповых интересов этого большинства. Меньшинство при этом подвергается дискриминации и поражается в правах. Свидетельством последнего можно считать существование в Латвии и Эстонии категории неграждан, коими стали в основном представители русскоязычного населения.

В остальных постсоветских государствах, включая Россию, установился режим, который можно определить, как режим неконсолидированной, или делегативной демократии. Эта форма характеризуется присутствием элементов демократии: проводятся выборы, существуют свобода слова, собраний и иные права граждан, однако не удается установить стабильное правление на основе общепринятых правил. Существует постоянная опасность возврата к диктатуре, поскольку отсутствует консенсус интересов среди политических партий и заинтересованных групп. Избиратели делегируют право принимать важнейшие решения не законодательному органу, а президенту. Особенно наглядным примером делегативной демократии является Беларусь.

Подводя итоги, можно прийти к выводу, что демократический транзит в государствах, образовавшихся в результате распада СССР, не привел к утверждению

политических режимов, которые можно было бы охарактеризовать как демократические в полном смысле этого слова. Хотя оценки этих режимов поборниками демократии на Западе зависят не от реального их содержания, а от политической конъюнктуры: антидемократические тенденции во внутренней политике именуемых демократическими государств Прибалтики и современной Украины не принимаются во внимание, поскольку эти государства рассматриваются Западом как союзники в противостоянии с Россией.

Литература

1. Золотых, М. В. Опыт демократического транзита современной России: проблемы изучения / М. В. Золотых, В. И. Иванов // Среднерусский вестник общественных наук. – Орел : ОРАГС, 2010. – Вып. 1. – С. 77-80.

2. Гудков, Л. Д. Постсоветский человек и гражданское общество / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин. – М., 2008.

3. Глинкина, С. П. Трансформации на постсоциалистическом пространстве / С. П. Глинкина. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2009. – 352 с.

4. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – Москва: РОССПЭН, 2003. – 368 с.

УДК 323.27(575.2)-047.37«2005»

**Безродный К. И.
(г. Луганск)**

УРОКИ «ТЮЛЬПАНОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В КИРГИЗИИ

В начале XXI в. на постсоветском пространстве произошел целый ряд «цветных» революций, после которых радикально менялась как внутренняя, так и внешняя политика «революционных» государств. Практически в каждой стране были попытки модернизации и вестернизации общества. Однако более действенным мотивом «революционеров» был передел властных ресурсов. Общество каждой постсоветской республики, подвергшейся подобному испытанию, по-своему реагировало на новые вызовы и угрозы. Любой опыт подобного плана (в т. ч. киргизский) нуждается в глубоком и комплексном изучении. Следовательно, данная тема является актуальной.

Цель настоящего доклада – проследить основные тенденции смены курса общественного развития Киргизии после «тюльпановой революции», показать её главные уроки.

Тюльпановая революция – массовые акции протеста, приведшие к революции в Киргизии в марте 2005 г. и свержению президента республики Аскара Акаева, приходу на его место Курманбека Бакиева.

В феврале – марте 2005 г. в Киргизии были проведены очередные парламентские выборы, которые международными наблюдателями были утверждены нечестными, что привело к всеобщему недовольству, резкому осложнению положения в стране и прекращению существующего режима. Президент Киргизии Аскар Акаев, не сумев пресечь протестное движение, покинул страну вместе со всей семьёй и получил временное убежище в России, где находится и до сих пор. Власть перешла в руки разнородной оппозиции. Сразу же после

этого среди одержавших победу начались внутренние разногласия и конфликты. Через некоторое время Аскар Акаев в результате переговоров с представителями оппозиции подписал заявление о своём уходе с президентского поста. В результате проведённых досрочных выборов президентом избран один из лидеров оппозиции, Курманбек Бакиев. Однако это не привело к стабилизации жизни в стране, а среди деятелей оппозиции (в первую очередь это Курманбек Бакиев и Феликс Кулов) продолжилась борьба за власть, вернее за лидерство в тандеме, в которой победу одержал Бакиев.

Киргизская оппозиция не имела единой политической платформы, представляя собой группу бывших партийных и государственных деятелей, по той или иной причине оказавшихся неугодными Аскару Акаеву, а потому лишённых доступа к льготам и привилегиям, которые несут с собой государственные посты. Потерпев поражение на парламентских выборах, оппозиционеры организовали демонстрации и митинги. Привлечение масс людей на эти митинги было обеспечено лидерами оппозиции. Массовость митингов обеспечивалась и за счёт большого числа наблюдателей, городских жителей, вышедших посмотреть на шагающие колонны с флагами, транспарантами и лозунгами, а также «людей в штатском».

Мятеж, поднятый на юге, выдвинул новых местных лидеров, возглавивших на местах «народные советы». Отсутствием сильной центральной власти воспользовались авантюристы, располагавшие «силовой» базой, и во многих местах начали создаваться альтернативные, параллельные органы управления, соперничавшие друг с другом. Кроме того, началась волна самозахвата земель – уже не в первый раз в Киргизии.

По прошествии какого-то времени стало известно, что одним из основных финансовых спонсоров «Революции Тюльпанов» был Баяман Эркинбаев, депутат киргизского парламента, владелец Карасукского рынка и крупнейший лидер уголовного мира на юге страны. Вторую сторону конфликта финансировал другой уголовный лидер – северянин, тоже владелец рынка (в Бишкеке) и тоже депутат парламента, Жыргалбек Сурабалдиев. Именно он платил деньги «добровольцам», которые вначале противостояли демонстрантам у Дома правительства 24 марта, а затем вечером спровоцировали погромы и мародёрства в Бишкеке. Ещё одним возможным организатором и спонсором мартовских событий называли третьего крупного преступного лидера – Рыспека Акматбаева.

Все трое впоследствии погибли при неясных обстоятельствах. 10 июня 2005 г. в Бишкеке был убит депутат Сурабалдиев, 22 сентября – Эркинбаев, и в октябре – Акматбаев. В октябре сторонники всех трёх покойных «авторитетов» объединились под лозунгом «Долой Кулова!» при молчаливой поддержке со стороны президента Бакиева.

В апреле 2005 г. в своём доме в Бишкеке при невыясненных обстоятельствах был застрелен знаменитый киргизский советский киноактёр и каскадёр Усен Кудайбергенов, известный по фильму «Приключения Али-Бабы и сорока разбойников», который в марте 2005 года возглавлял народные дружины, боровшиеся с мародёрами в городе.

27 февраля 2005 в Киргизии прошёл первый тур парламентских выборов. На следующий день ЦИК объявила, что из 75 избирательных округов Киргизии уже в первом туре победили 32 кандидата, в том числе сын президента Киргизии – Айдар Акаев, а также владельцы

крупнейших рынков. Ещё в 42 округах на 13 марта назначен второй тур голосования. Выборы проходили только по одномандатным округам, и значение политических партий, голосование по спискам которых отменено, было сведено к минимуму.

28 февраля Европейские наблюдатели от ОБСЕ и Европарламента признают прошедшие выборы не соответствующими международным нормам. Они указывают на попытки давления на избирателей со стороны как президента, так и оппозиции, а также подкупа избирателей. Форум политических сил, объединяющий пять оппозиционных движений Киргизии, заявляет о нарушениях на избирательных участках в ходе голосования. Активисты оппозиции Роза Отунбаева, Топчубек Тургуналиев, Муратбек Иманалиев и Ишенгуль Болджурова заявляют, что в тех округах, где баллотировались представители оппозиции, были зафиксированы случаи массового подкупа голосов избирателей, использования административного ресурса, факты спаивания людей с корыстной целью и другие виды нарушения избирательного кодекса.

13 марта прошёл второй тур парламентских выборов, по результатам которого абсолютное большинство мест в парламенте получили сторонники президента. 19 мандатов (из 75) в новом составе парламента будет принадлежать партии «Алга, Кыргызстан!», которую возглавляет дочь президента страны, 32-летняя Бермет Акаева. Ещё пять мандатов получили представители проправительственной партии «Адилет». В парламент прошли и несколько членов оппозиции – представители возглавляемого Розой Отунбаевой блока «Ата Журт» – Омурбек Текебаев, Дооронбек Садырбаев, Болотбек Шерниязов, Муратбек Мукашев, один из лидеров Партии коммунистов Исхак

Масалиев, а также член Народного движения Кыргызстана Азимбек Бекназаров. Главной сенсацией стало поражение лидера НДК Курманбека Бакиева. Не хватило голосов и другому известному оппозиционеру – Адахану Мадумарову. Представители оппозиции составили не более 10% в новом составе парламента, и наблюдатели полагали, что они не смогут оказать серьёзного противодействия провластному большинству.

Кроме внутренних противоречий между социально-политическими группами, следует выделить действие внешних факторов. В этой связи стоит отметить заявление президента КР от 2004 г. о том, что «США уничтожили основные террористические центры в Афганистане и потому должны свернуть авиабазу в Бишкеке». Вопрос о пролонгировании договора с властями Киргизской Республики обсуждался Пентагоном постоянно, однако Акаев не хотел идти на сделку.

Как стало известно много лет спустя, американцы планировали разместить республике AWACS (авиационную систему радиобнаружения и наведения). Тогда, будто по волшебству, начал активизировать свои действия в КР и бывший посол США Стивен Янг.

Экс-председатель Службы национальной безопасности КР Болот Джанузаков заявил, что располагает сведениями о том, что «на революцию в его стране американцы затратили всего 52 миллиона долларов».

Интересным является тот факт, что еще за год до мартовских событий 2005 г. киргизские оппозиционеры навевались в столицу США. Там они успели переговорить и с представителями Демократической партии, и с чиновниками Госдепа. Тогда стороны отмечали схожесть взглядов на проблемы в КР и предстоящий избирательный процесс. В открытую американскими

дипломатами заявлялось, что «власть в Киргизии должна смениться». Так и получилось.

После визита оппозиционных деятелей в Вашингтон, тот же Стивен Янг рекомендовал использовать Киргизию в качестве плацдарма для продвижения «демократии» в странах Центральной Азии. Из этого региона планировалось вытеснить Россию и Китай.

Организация «тюльпановой революции» руками Соединенных Штатов подтверждается и тем фактом, что в 2004 году Госдеп выделил 53 финансовых гранта Киргизским НПО и НКО на пресловутые «поддержку независимых СМИ, распространение информации, обучение журналистов, обеспечение прав человека, а также для получение правового образования». Кроме этого, американцы на собственные 1,7 млн. долларов создали в республике современную типографию.

Однако новым политикам, пришедшим к власти на волне революции, не удалось удержать бразды правления. Как известно, Курманбек Бакиев был свергнут в апреле 2010 г., бежал из страны вместе с членами семьи и приближенными и скрывается в Белоруссии. Бакиев и члены его семьи также проходят по ряду уголовных дел.

Уроки революции старается учесть нынешняя киргизская власть. Основной из них – это трудность восстановления гражданского мира после того, как массы вошли «во вкус» регулярного гражданского неповиновения.

Литература

1. Hiro, D. Kyrgyzstan's Tulip Revolution wilts [Электронный ресурс] / Dilip Hiro. – URL : <https://www.theguardian.com/commentisfree/2009/jul/24/kyr>

gyzstan-election-tulip-democracy. – The title screen (дата обращения : 20.02.2020).

2. Kyrgyzstan's tulip revolution [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.washingtontimes.com/news/2005/mar/26/20050326-103550-7473r/>. – The title screen (дата обращения: 21.02.2020).

3. Александров, И. Тюльпановая революция в Киргизии [Электронный ресурс] / Илья Александров. – URL: <https://politpuzzle.ru/6110-tyulpanovaya-revoljutsiya-v-kirgizii/>. – Загл. с экрана (дата обращения : 22.02.2020).

4. Тюльпановая революция в Киргизии (2005) – РИА Новости [Электронный ресурс]. – URL: <http://росмир.рф/node/2616>. – Загл. с экрана (дата обращения : 19.02.2020).

УДК 32

**Боровской А. А.
(г. Луганск)**

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ

МОДЕРНИЗАЦИИ Политическая модернизация

характеризуется созданием дифференцированной политической структуры с высокой специализацией государственных и гражданских институтов, необходимостью повышения уровня политического участия граждан. Это обуславливает необходимость определения роли институтов гражданского общества в обеспечении данного процесса на современном этапе политического развития.

Гражданское общество как целостный феномен возникает на определенном этапе исторического развития общества. Создание политико-правовых условий предоставляет возможность объединениям граждан принимать участие в общественно-политической деятельности через соответствующие институты.

Формирование институтов гражданского общества происходит в рамках процесса модернизации, то есть комплекса социальных, экономических, политических, культурных, интеллектуальных трансформаций, которые в отличие от традиционного, ведут к формированию современного общества. В государствах постсоветского пространства происходит своеобразный переходной период от тоталитарного политического режима к демократическому. В этом смысле актуальность и значимость теории модернизации для политической науки заключается в возможности соотнести сегодняшние проблемы с опытом и общим направлением цивилизационного процесса, найти точки отсчета для определения конкретных путей демократизации.

Сегодня, самый большой интерес в научной литературе вызывают концепции и взгляды на модернизацию бывших социалистических стран. Этому посвящено, на наш взгляд, самое большое количество научных публикаций, которые позволяют отдельным исследователям заявлять о возрождении идеи гражданского общества. По убеждению Е. Арато и Дж. Козна, процесс возрождения гражданского общества и освобождение от господства авторитарного государства начинается с этапа либерализации, то есть восстановление и распространение утраченных прав человека, и заканчивается этапом демократизации, утверждением принципа гражданственности и социального участия в политической сфере [1]. В переходной период от

диктатуры к демократии они выделяют также такие стадии, как начало инициирования, консолидацию или мобилизацию, и завершение. Разным стадиям формирования гражданского общества должна отвечать и разная стратегия.

Однако установление демократии А. Арато и Д. Коэн связывают, прежде всего, с активным участием граждан в решении политических вопросов, появлением механизмов контроля над поставторитарным государством с помощью институтов гражданского общества, а именно – системы выборов и представительства интересов, социального давления и общественной мысли [2].

Гражданское общество определяется как общество, которое приходит на смену традиционному общественному порядку; или как общество, которое выходит из современного состояния и вбирает в себя все присущие ему черты. В обоих случаях — это не разные типы, а лишь разные фазы или стадии существования и развития гражданского общества.

На современном этапе во всех сферах жизни общества сосуществуют и взаимодействуют досовременные, современные и постсовременные системы развития общества. Наиболее развитые в экономическом, политическом и культурном отношении страны Запада представляют постсовременный этап развития общества. Так называемые страны «третьего мира» принадлежат по данной типологии к протосовременным формам общества, в которых гражданское общество находится только на стадии зарождения его институтов.

Необходимо обратить внимание, что общей чертой всех теорий модернизации есть поиск учеными системоорганизующих факторов формирования гражданского общества. Большинство из них считает, что гражданское общество это спонтанный процесс,

обусловленный причинами случайного характера и сознательными действиями людей. Современное содержание гражданского общества определяется, прежде всего, причинами нематериального происхождения. Если на этапе его зарождение первостепенное значение имело развитие рыночных отношений, промышленной индустрии и техники, то на этапе перехода к постсовременности преобладающим становится влияние культуры, менталитета народа.

Итак, в оценке качественного состояния политической модернизации исследователи имеют как общие подходы, так и содержательные расхождения. В зависимости от того, как они квалифицируют тип политической системы, социума, культуры, наблюдаются и расхождение в понимании институционализации гражданского общества.

Временные рамки формирования институтов гражданского общества, способ осуществления этого процесса определяются типом модернизации.

Инициаторами и первопроходцами модернизации были западные государства. Начало процесса модернизации было положено в духовно-идеологической сфере, потом трансформировалась экономика, то есть вызревали реальные интересы в обществе и произошла дифференциация форм собственности. Как следствие, возникли горизонтальные связи, которые сформировали институциональную структуру гражданского общества, и только тогда уже происходило изменение политической системы, упрочение в ней представительства реальных социальных интересов. Модернизация на Западе имела в целом органический характер, отличалась синхронностью вызревания предпосылок, продолжительностью и постепенностью. Те самые черты характеризовали и формирование гражданского общества. Оно органически

вырастал из архаических институтов, которые постепенно корректировались и приспособлялись к нуждам все более сложного общества.

Другие регионы переживали так называемую «догоняющую модернизацию». Она предполагает, что одни элементы общества «убежали» вперед, более или менее отвечают развитию в передовых странах, а другие еще не «вызрели», отсталые в своем развитии или совсем отсутствуют.

В регионах «догоняющей модернизации» преобразования начались под влиянием примера западных стран значительно позднее. Однако попытки воплотить западные модели модернизации и гражданского общества в других социополитических условиях, связанных, прежде всего, с большим «присутствием» государства, неизменно приводили к значительным модификациям.

В контексте общего процесса модернизации осуществляется политическая модернизация, которую ученые определяют как процесс трансформации общества, связанный с изменением, обновлением институтов политической системы, а также характера политических отношений [3]. Этот процесс обусловлен как объективными, социально-экономическими и культурными, так и субъективными факторами, а именно способностью элиты осуществлять эффективные изменения в политической системе.

Мы согласны с точкой зрения авторов, которые констатировали, что в постсоветских государствах целью политической модернизации стало формирование таких приоритетных направлений:

- создание новых политических институтов для решения новейших проблем во всех сферах жизнедеятельности общества;

- кардинальное изменение подготовки политической элиты и лидеров для осуществления эффективной политической деятельности;

- формирование рациональной бюрократии, способной осуществить современный менеджмент.

Как свидетельствует опыт новых индустриальных стран, попытка осуществить политическую модернизацию до того, как стала необратимой модернизация социально-экономическая, неизбежно ведет к срыву, поскольку антимодернистские силы используют демократию исключительно в популистских целях.

Из вышесказанного можно сделать вывод, о том, что политика должна быть созидающей. До сих пор остается проблемой острая потребность в знаниях о перспективах дальнейшего развития, динамике общественно-политических изменений. Поэтому, по нашему мнению, надо уделить внимание развитию политической идеологии, обеспечить конституционность ее многообразия и ввести механизмы ограничения государства в его стремлениях навязать обществу конкретную идеологию.

Во-вторых, в поиске новых правил граждане практически не получают помощи от интеллектуальных, профессиональных, политических элит. Что касается политических элит, то они большей частью озабочены своими собственными проблемами, меньше всего беспокоятся о том, чтобы выработать социальные знания, необходимые людям в современной жизни и транслировать их обществу. И в этом мы видим одну из причин чрезвычайно неустойчивого, дезориентированного, разорванного состояния массового сознания, которое находится в состоянии всеобщей неопределенности.

Перспективы политической модернизации будут определяться способностью режима решить следующие

группы проблем. Прежде всего, надо вывести из-под политического контроля преобладающую часть экономических ресурсов, создать открытую социальную структуру путем преодоления стойкой территориальной и профессиональной закрепленности людей. Необходимо развернуть формирование политических институтов и культуры, которые бы обеспечили открытое политическое соперничество разнообразных сил в борьбе за власть. К тому же, нужно создать эффективную систему местного самоуправления, которая бы превратилась в реальную альтернативу традиционному бюрократическому централизму.

Решать такие судьбоносные задачи не просто, поскольку постсоветское общество не подверглось испытанию таких фундаментальных духовно-интеллектуальных переворотов, которыми на Западе были Ренессанс, Реформация, движение за права человека, которые заложили основы рационалистических форм хозяйственной деятельности и современной системы политического представительства. Кроме этого, некоторые черты социальной структуры постсоветской системы имеют специфические особенности, которые возникли в результате сложного взаимодействия психологических, историко-психологических, этнических, демографических и культурно-религиозных факторов.

В 90-е гг. XX ст. гражданское общество становится одним из наиболее распространенных идеологических лозунгов в повестке дня демократических революций и посткоммунистических трансформаций в Центральной и Восточной Европе. Демократические антитоталитарные движения того времени в частности, движение «Солидарность» в Польше, демократическая трансформация в Венгрии и «Бархатная революция» в Чехословакии) эффективно использовали этот лозунг для

идеологического оправдания борьбы против просоветских тоталитарных режимов. Под этим лозунгом консолидировались разные политические силы, которые стремились возродить гражданское общество.

Становлению институтов гражданского общества способствует необходимость в реализации гражданами профессиональных, любительских и других общественных интересов. Институты гражданского общества должны действовать эффективнее государственных органов. Этому способствует присущая им гибкая система управления, способность быстро адаптироваться к меняющимся условиям и нуждам, определенная их независимость от решений государственных органов. Таким образом, институты гражданского общества действуют в общественных интересах, обеспечивают доступ к общечеловеческим ценностям, отстаивают принцип плюрализма и равных возможностей для всех его членов.

К основным формам взаимодействия институтов гражданского общества с властью является практика проведения «круглых столов», участие в работе комиссий и общественных советах. Все более широкое распространение приобретают общие с органами власти проекты. Перманентно возникают ассоциации или коалиции неправительственных организаций, которые окажутся малоэффективными из-за низкого уровня профессионализма и слабого менеджмента, а потому реальной силы они не представляют. Существует и локальное влияние на принятие отдельных решений, однако пока он несущественен относительно формирования отдельных направлений региональной политики. Такая ситуация объясняется статусом общественных организаций. Так, провластные и пропартийные организации активно позиционируют себя в средствах массовой информации. Активность же других в

значительной мере предопределяется профессионализмом состава и личными качествами лидеров.

Эффективное развитие и функционирование институтов гражданского общества должно базироваться на скоординированной и согласованной деятельности его структур. Для обеспечения оптимального взаимодействия институтов необходимы определенные условия и четкое размежевание сфер их влияния. Каждый из них должен выполнять собственные функции, не подменяя и не поглощая другие институты. В общем механизме взаимодействия они должны занимать равноправный статус и функционировать на основе принципа дополнительности. Такие условия создаются в процессе политической модернизации. Эффективное взаимодействие предполагает формирование взвешенной идеологии модернизационных изменений. При этом она не является абстрактной, выдуманной, что навязанной обществу как единая верная и обязательная. Такая идеология способна адекватно отобразить политические и экономические процессы, подвигнуть и мобилизовать граждан на активную политическую деятельность. В конце концов, она будет способна обосновать концепцию государственных изменений и объединить индивидуальные, социальные и общечеловеческие интересы с государственными.

С другой стороны, процесс политической модернизации необходим гражданскому обществу учитывая то, что оно постепенно лишается идеологических стереотипов, мифов, которые противоречат политической реальности. Возрастает способность конверсионных процессов политической системы адаптироваться к новым социальным стандартам. Гражданское общество демонстрирует новые ценности и на этой основе обеспечивает более тесное сотрудничество власти и

народа. Как результат, возможно преодоление отчуждения населения от политической жизни и обеспечено широкое участие в качестве антикризисных инициатив. Это не только ослабит и постепенно изменит традиционную элиту, но и усовершенствует нормативную и ценностную системы общества.

Гражданское общество формируется на постсоветском пространстве на основе отечественной специфики, культурно-исторических традициях. За последнее время накопился достаточный потенциал свободных и ответственных граждан, который дает возможность формировать новые экономические, политические и правовые отношения, которые меняют общественные институты и заставляют изменяться государственную власть. Соответственно, для достижения этих целей власть должна поощрять граждан формировать структуры, которые отвечают нуждам их прав и свобод. Поэтому власти необходимо максимально упростить и сделать открытой и прозрачной структуру государственных органов, усилив их ответственность, профессиональность и эффективность.

Вместе с тем, определяющими препятствиями на пути институционализации гражданского общества на постсоветском пространстве, стали разочарование населения в демократических институтах политических партиях, выборах, отсутствие действенной судебной защиты граждан, бедность широких масс, низкий уровень гражданской политической культуры. Так же можно добавить такие факторы, как отсутствие идеи, которая интегрирует и объединяет общество, отсутствие среднего класса, несформированность независимого индивида — носителя гражданских ценностей, генератора гражданских традиций. Большинство населения маргинализировано, при этом в массовом сознании все еще доминируют

патерналистские настроения, не происходит радикального изменения сознания политических элит.

Следует отметить, что реальное взаимодействие институтов гражданского общества очень слабое и неустойчивое, их возможности довольно ограничены. Так, в наиболее выгодной позиции находятся однотипные общественные организации. Уже налажены связи между структурами, создана сеть женских организаций, организаций ветеранов, инвалидов и т.п. В традиционных областях деятельности, таких, как защита прав потребителей, правозащитная, экологическая деятельность, между общественными организациями разной направленности эти связи значительно слабее, например, между физкультурно-спортивными объединениями и научно-техническими обществами. И совсем слабые связи существуют между общественными организациями и бизнесом.

Существующая разобщенность не дает возможности эффективно противодействовать власти, привлечь внимание властных структур к тем проблемам, которые институты гражданского общества не могут решить собственными силами. К тому же, дает о себе знать низкая степень осознания обществом таких базовых понятий, как гражданское общество, демократия, права человека и верховенство закона, разделение властей, согласование интересов, светский характер государства, толерантность и поиск консенсуса, многоконфессиональность и уважение к правам меньшинств. Неспособность власти и оппозиции вывести государство на стойкую траекторию модернизации ставит общество перед необходимостью поисков парадигмы, которая включает в себя стратегию экономического и политического развития.

Литература:

1. Гражданское общество : реф. сбор. / Рос. акад. управл. ; [Аг А., Арато А., Андерсон П. и др.] ; отв. ред. Г. И. Иванов. — М., 1994. — С. 3.
2. Там же.
3. Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д. Е. Погорелый, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. — Ростов н/Д, 2010. — С. 152.

УДК 94 (469.512) – 021.472:327.5

Гармаш С. В.
(г. Луганск)

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ НЕЙТРАЛИТЕТА СОВРЕМЕННЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

Современные ученые пришли к выводу, что предпосылкой приобретения нейтралитета не всегда является стремление избежать конфликтов. Целесообразно анализировать каждый случай приобретения государством нейтралитета отдельно, учитывая особенности исторического развития, политические цели и состояние геополитической среды. На этом основании можно выделить несколько форм политики нейтралитета. Военный нейтралитет предполагает неучастие в военных конфликтах, такой статус может носить временный характер. Постоянному нейтралитету характерно неучастие как в военных блоках и союзах, так и в конфликтах. Данный статус предполагает отказ от создания на территории страны военных баз конфликтующих сторон и запрещение предоставлять

материально-техническую помощь военным. В случае несоблюдения этих правил, воюющие стороны могут считать территорию нейтрального государства театром военных действий. Внеблоковость характеризуется отказом от присоединения к военно-политическим блокам. Внеблоковость может быть временной или постоянной, будучи объявленной в качестве внешнеполитического курса [1, с. 68].

Современные политические науки классифицируют нейтральные европейские страны таким образом: Швейцария и Австрия являются постоянно нейтральными государствами, Финляндия осуществляет политику неприсоединения, Швеция – неприсоединение в мирное время, дабы быть нейтральной в случае войны (нейтралитет по традиции) [2, с. 117].

Сегодня использование Австрией, Швейцарией, Швецией, Финляндией нейтралитета в качестве теоретического и практического фундамента внутренней и внешней политики обеспечивается за счет его полифункциональности. Для этих государств он выполняет такие функции:

– объединяющая: служит основой единства и мира между разными этнокультурными и конфессиональными группами внутри государств, которым в условиях глобализации, миграционного кризиса и действия Шенгенского соглашения в Европе, угрожает потерей национальной идентичности и обострением межнациональной нетерпимости. Особенно стоит выделить в этом контексте Швейцарию, которая, придерживается нейтралитета с 1815 г., более 200 лет. Кроме того, она является единственной страной Западной Европы, которое не вступило НАТО и ЕС. Для Швейцарии нейтралитет был одним из основополагающих факторов формирования швейцарской ментальности и культуры, а

для большинства населения является символом национальной идентичности и уникальности [2, с. 119];

– охранительная: в условиях военных действий или появления угроз она позволяет избежать втягивания государств в военные конфликты, потери ими независимости или части территории;

– экономическая: предоставляет возможность и в дальнейшем развивать торгово-экономические связи со всеми конфликтующими сторонами и сохранить производственную, транспортную и туристическую инфраструктуру;

– функция балансирования: уклонение от непосредственного участия в военных конфликтах основных субъектов международных отношений позволяет таким образом избежать отрицательных последствий борьбы и дает возможность сосредоточить усилия на преодолении внутренних проблем, расширяя международное сотрудничество с целью реализации национальных интересов и проектов;

– функция посредничества: совместно с международным сообществом на основе положений международного права, сохранения мира и стабильности на планете, позволяет странам выступать арбитром в решении международных споров и урегулировании конфликтов («добрые услуги», переговоры и т.п.), которое будет способствовать усилению престижа нейтральных стран на мировой арене.

Литература

1. Тиунов, О. И. Нейтралитет в международном праве / О. И. Тиунов. – Пермь, 1968. – 158 с.

2. Dyrda, A. O. Formation and evolution of the role of neutrality in the foreign policy Switzerland) / A. O. Dyrda // Sciences of Europe. – 2016. – № 2. (Vol. 2). – С. 113-120.

УДК 323.269.3(575.3)-047.44«1992/1997»

**Говорунов А. А.
(г. Луганск)**

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ТАДЖИКИСТАНЕ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В начале XXI в. на территории СНГ возник ряд «горячих точек», конфликты в которых привели к созданию нескольких самопровозглашенных (непризнанных) государств. В подобной ситуации оказался и наш край. Вот почему изучение механизмов «заморозки» локальных конфликтов и преодоления их последствий имеет для отечественного научного сообщества не только теоретическое, но и прикладное значение. Сказанное выше свидетельствует об актуальности данной темы. Цель настоящего доклада – выделить причины и основные последствия гражданской войны в Таджикистане.

Пятилетняя гражданская война в Таджикистане стала прямым последствием распада Советского Союза. Ситуация в стране стала накаляться после объявления Перестройки и политики гласности. Республика страдала от нескольких факторов: безработицы, демографического взрыва, могущества сросшихся с властью преступных группировок и т. д. Ко всему этому присовокупилась активность действовавшей в Душанбе демократически настроенной интеллигенции. В феврале 1991 г. в столице произошли погромы русской и армянской части населения.

Воспользовавшись сложившейся ситуацией, власти объявили чрезвычайное положение. Однако это не ослабило демократическое движение, которое, наоборот, вышло на поверхность и усилилось. Тогда же началась организация оппозиции. Были созданы Демократическая партия Таджикистана, Партия исламского возрождения и движение под названием «Растохез» (т. е. «Возрождение»).

Когда Советский Союз прекратил существование, переход конфликта в вооруженную фазу оказался неминуем. Катализатором противостояния послужило свержение президента Набиева. В начале июня боевые действия между сторонниками Набиева и исламско-демократической оппозицией переместились из Душанбе в южные регионы. 19 июня в Душанбе под руководством заместителя председателя ИПВ Давлата Усмона и председателя ДПТ Шодмона Юсуфа был образован Штаб национального спасения, организовавший силы в поддержку ИПВ и ДПТ, в состав которых вошли силы МВД, призывники и добровольцы.

27 июня в южных районах Таджикистана вспыхнули вооружённые столкновения, начавшееся из-за конфликта местного населения Вахшского района с переселенцами из соседних регионов. Воспользовавшись этим, вооружённые сторонники Набиева из Куляба захватили местную радиостанцию и сообщили о нападении на Вахш трёхтысячного отряда демократов-исламистов, призвав жителей Куляба, Ленинабада и узбекское население в Курган-Тюбе начать вооружённую борьбу с исламскими демократами. В ходе пятичасового боя, в котором с обеих сторон согласно данным республиканского МВД участвовало около 400 человек и два БТР, погибли 35 и были ранены 56 человек.

29 июня в Курган-Тюбе при посредничестве Давлата Худоназарова было достигнуто соглашение о

прекращении противоборствующими сторонами боевых действий.

По сведениям Кулябского облисполкома, число беженцев в результате столкновений в июне-июле составило 132 тыс. чел. 1 июля из-за обострения ситуации на юге правительство приняло постановление об охране особо важных объектов в республике, в соответствии с которым частям российской 201-й МСД была поручена охрана Нурекской ГЭС, Яванского электромеханического комбината, Вахшского азотно-тукового завода, ряда объектов военного назначения, а также нескольких участков автодорог на горных перевалах вдоль границы Кулябской и Курган-Тюбинской областей.

27 июля противоборствующие стороны подписали в Хороге соглашение о прекращении огня с 10.00 28 июля. Однако, спустя несколько часов после этого, в Бохтарском районе Курган-Тюбинской области произошло вооружённое столкновение между прокоммунистически настроенными таджиками кулябского происхождения из кишлака Сари Пул-1 и сторонниками оппозиции гармского происхождения из кишлака Сари Пул-2, приведшее к вмешательству вооружённых подразделений СНГ, дислоцированных в области, и милиционеров.

24 августа исламскими боевиками Р. Нуруллобековым и Д. Махмудовым был убит генеральный прокурор Таджикистана Нурулла Хувайдуллоев, что вызвало на родине погибшего в кишлаке Пангаз Аштского района Ленинабадской области и в Кулябе массовые митинги, на которых резко осуждалось правительство национального примирения.

В начале 1993 года основные боевые действия переместились в Каратегин (Гарм, Ромит) и Дарваз (Тавильдара). 21 июня 1993 года судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Таджикистана

запретила деятельность оппозиционных партий (Демократической партии Таджикистана, Исламской партии возрождения, народного движения «Растохез» и общества «Лали бадахшон»). Все четыре политических движения организовали военно-политический блок – Объединённую таджикскую оппозицию, который выступил против официальной политики властей.

Неспокойная ситуация складывалась на таджикско-афганской границе, где свою службу несли российские пограничники. С весны боевики таджикской оппозиции при поддержке афганских моджахедов неоднократно пытались совершить прорыв границы. Рано утром 13 июля афганские моджахеды силами одного батальона (200 человек) из числа военнослужащих 55-й пехотной дивизии афганских вооружённых сил и боевиков таджикской оппозиции прорвались на территорию Таджикистана, вступив в бой с 12-й заставой российских погранвойск. К вечеру дня к месту сражения подошли части российской 201-й мотострелковой дивизии, которые выбили моджахедов с занимаемых позиций и восстановили целостность границы. К лету интенсивность вооружённых действий пошла на спад.

В 1994 году оппозиция пыталась активизироваться, но не достигла ощутимых успехов. Обострились отношения между кулябцами и гиссарцами, пользовавшимися поддержкой Узбекистана. В апреле 1995 года оппозиция начала контрнаступление с территории Афганистана, которое, однако, снова не принесло им успехов. В конце апреля в Москве прошли переговоры правительства и оппозиции на высшем уровне, результатом чего стало соглашение о продлении прекращения огня ещё на месяц. В мае в Кабуле прошла встреча Рахмонова и Саида Абдулло Нури, где они

договорились продлить прекращение огня ещё на три месяца.

С апреля 1994 г. по май 1997 г. под эгидой ООН прошло восемь раундов переговоров между враждующими сторонами, но сами их лидеры не имели чёткой позиции. Тогда же Демократическая партия распалась на несколько блоков-«платформ», одна из которых стояла за вооружённое противостояние, а другая за урегулирование конфликта дипломатическими средствами. В результате оппозицию стали представлять разрозненные группы полевых командиров – «каратегинский», «комсомолабадский», «таджикабадский», «гармский». 23 декабря 1996 года в Москве подписано соглашение, под которым поставили подписи Эмомали Рахмонов и Саид Абдулло Нури, которое предусматривало включение оппозиции в правительство. 4498 бойцов было решено интегрировать в официальные силовые структуры, 5377 членов оппозиции подлежали безусловной амнистии.

27 июня 1997 г. в Кремле на девятой по счету встрече между представителями противоборствующих сторон было подписано окончательное мирное соглашение. Президентом Таджикистана остался сторонник светского правления Эмомали Рахмонов, однако оппозиция получила места в парламенте, административные должности, директорские посты на различных крупных предприятиях, а рядовые бойцы сил оппозиции вошли в состав армии. Начался процесс возвращения беженцев из Афганистана. С 1998 г. 27 июня является государственным праздником «День национального примирения в Таджикистане». Постановлением национального парламента этот день объявлен нерабочим.

После примирения обстановка в стране постепенно стабилизировалась. Продолжал вести вооружённую борьбу

полевой командир Махмуд Худойбердыев, контролировавший Курган-Тюбе. В 1998 году город был взят под контроль правительственными войсками. Сам полевой командир считается погибшим при невыясненных обстоятельствах в 2001 г., но достоверность его гибели некоторыми специалистами ставится под сомнение. Малые группы, не подписавшие соглашения, продолжали сопротивление и в начале 2000-х гг.

Последствия войны были весьма негативными. В результате конфликта только в 1992 – 1993 гг. погибло примерно 60000 чел. и многие пропали без вести. Более 60000 чел. бежали в Афганистан и 195000 чел. были вынуждены переселиться в страны Содружества Независимых Государств (СНГ). Число внутренних переселенцев достигло около 1 млн. чел. Были разрушены 35000 жилых помещений. В результате войны 25000 женщин стали вдовами, 53000 детей сиротами. Более 60 крупных медицинских учреждения полностью выведены из строя. В Душанбе и Хатлонской области многие школы были разграблены и разрушены. В целом, в результате внутреннего конфликта 1992 – 1993 гг. общая сумма материальных потерь составила более \$ 10 млрд. За время войны экономика страны была подорвана. Таджикистан стал одной из беднейших стран мира.

Литература

1. Гафуров, А. М. Гражданская война в Таджикистане [Электронный ресурс] / А. М. Гафуров. – URL : <https://ia-centr.ru/experts/2284/>. – Загл. с экрана (дата обращения : 05.02.2020).

2. Захватов, А. В этом году исполняется 26 лет с начала гражданской войны в Таджикистане, растянувшейся на долгие пять лет [Электронный ресурс]

институциональная и правовая база во многом не соответствует новым вызовам и малоэффективна для широкомасштабной борьбы с терроризмом.

Преодоление терроризма и вызывающих его причин превратилось в одну из остроактуальных современных проблем человечества. В настоящее время задача мирового сообщества состоит в минимизации исходящей от него угрозы до уровня, не допускающего масштабных катастроф.

Снижению уровня террористической угрозы может способствовать урегулирование террористических этнополитических конфликтов, особенно ближневосточного. Для нейтрализации радикальных исламских движений первостепенное значение имеет вовлечение в антитеррористическую деятельность умеренных исламских сил, кругов и режимов, налаживание устойчивого диалога между цивилизациями, особенно христианской и мусульманской. Предстоит разработать и реализовать комплекс мер, которые позволили бы исключить возможность доступа террористов к оружию массового уничтожения, особенно ядерному.

Результаты борьбы с терроризмом будут зависеть от приведения норм международного права в соответствие с существующими реалиями.

Прежде всего, предстоит выработать общеприемлемое определение терроризма и, как следствие, единые подходы к борьбе с ним. Должно быть достигнуто общее понимание того, что следует понимать под «пособничеством терроризму».

Пока реакция мирового сообщества на терроризм сводится преимущественно к военным акциям. В существующих условиях она вполне естественна и закономерна, но в перспективе способна дать

ограниченные результаты, поскольку терроризм имеет глубокие социальные, психологические и экономические корни и силовыми методами с ним не справиться. В ликвидации источников терроризма меры политического и экономического характера должны стать приоритетными.

Вместе с тем, как показывает накопленный опыт, реализация программ подъема жизненного уровня населения с целью лишить террористов социальной базы на практике нередко приводит к перераспределению выделенных средств между чиновниками международных структур, лидерами авторитарных режимов и руководителями террористов. В конечном счете, часть средств, предназначенных для развития экономики депрессивных регионов, используется на организацию терактов.

Силовые операции против террористических организаций могут быть эффективными лишь при условии постановки предельно четких задач в каждом конкретном случае и неукоснительного соблюдения международного права. Вмешательство в инфраструктуру политической власти, массированные атаки с применением новейших видов вооружений унижают национальное достоинство народов и активизирует террористическую деятельность. Кроме того, использование силы против террористов является скорее способом реагирования на свершившиеся теракты, чем их предотвращение.

Нуждается в углубленном анализе и разработке соответствующих рекомендаций вопрос о физическом уничтожении террористов. Сложилась парадоксальная ситуация: в европейских странах отменена смертная казнь, а в России действует мораторий на нее, т.е. на основании судебного решения террорист не может быть казнен. В ходе же контртеррористических операций террорист или подозреваемый в терроризме может быть

беспрепятственно уничтожен, даже если он не оказывает сопротивления.

Появление и распространение новой угрозы определяет необходимость тщательного отслеживания доктринальных и идеологических предпосылок терроризма. Без такого знания невозможно прогнозировать действия террористов, предпринимать превентивные и ответные меры для обеспечения безопасности в региональном и международном масштабе.

Эффективным ресурсом ослабления информационного воздействия террористов на социум может быть антитеррористическая пропаганда посредством Интернета. Использование его инструментария способно нанести серьезный удар по диспозиции и имиджу террористов, переключить агрессивную энергию потенциальных носителей террора на внутреннее самоусовершенствование.

Остроактуальной становится задача противодействия электронному терроризму (кибертерроризму), порождающему качественно новые угрозы человечеству. Для ее решения необходима разработка комплекса мер правового, политического, экономического, организационного и технологического характера [1].

Исследовательский интерес представляет другая опасная тенденция в политике – подмена международных организаций универсального характера (ООН, Совета Безопасности, ОБСЕ, Парижское Совещание, Страсбургский Суд по правам человека и других, решения которых имеют обязательную силу для национальных правительств) институциями блокового типа, выражающими волю и интересы отдельных стран и группировок, претендующих на особое право вершить суд и расправляться с негодными странами и режимами,

представляя международные организации непоследовательными и недостаточно компетентными [2].

Главной целью антитеррористической стратегии должна стать работа по устранению базовых причин, способствующих появлению терроризма. Наиболее опасная форма проявления современного терроризма – религиозно-политический терроризм.

Современная социальная и общественно-политическая обстановка в странах постсоветского пространства характеризуется ростом криминальных тенденций, распространением политического экстремизма, усилением угрозы терроризма.

Эффективная борьба с терроризмом приобретает все более важное значение в системе обеспечения национальной безопасности. Терроризм является одной из наиболее опасных разновидностей политического экстремизма и носит острый криминальный характер.

Как социально-политическое явление терроризм представляет собой единство таких элементов, как:

- социально-политические концепции и установки (национал экстремистские, неонацистские, левонацистские, религиозно-экстремистские, криминальные и др.), предусматривающие использование насилия или угрозы его применения в целях устрашения и вынуждения объектов терроризма (властных структур, общественных и частных организаций, граждан) к принятию решений и совершению определенных действий, невыгодных и даже неприемлемых для них в интересах субъектов терроризма;

- военизированные, боевые и собственно террористические организации, формирования, иные структуры (как правило, нелегальные или полунелегальные), существующие автономно или в составе партий, иных

общественно-политических организаций, коммерческих структур, преступных сообществ и т.д.;

- террористическая деятельность – насильственные и демонстративные действия террористического характера (взрывы, поджоги, захват заложников, убийства политических и общественных деятелей, должностных лиц, предпринимателей и других объектов террористических устремлений, акции психологического давления, техногенного терроризма и др.) [3].

Выявление и изучение указанных элементов терроризма как сложного явления представляет собой необходимую предпосылку для осуществления системного противодействия ему, требующего обязательного воздействия на каждый из упомянутых элементов, и определения комплекса мер, адекватного характеру, содержанию и опасности конкретной террористической угрозы. Игнорирование этого требования влечет за собой значительное снижение эффективности борьбы с терроризмом.

Практика борьбы с терроризмом свидетельствует, что любые его формы приобретают в современных условиях политическое звучание.

Это обусловлено целым рядом факторов: во-первых, он подрывает систему государственной власти, снижая эффективность управления обществом; во-вторых, ослабляя государственные и общественные структуры, терроризм криминализирует общество и тем самым усиливает влияние экстремистских, антиконституционных сил, рвущихся к власти; в-третьих, он оказывает негативное морально-психологическое воздействие на население, вызывая хаос, беспорядки, ожесточенность людей, что, в конечном счете, используется определенными силами в политических целях; в-

четвертых, выходя за пределы государственных границ, терроризм приобретает международный характер, представляя серьезную опасность для всего мира.

Литература:

1. Соловьев, Э. Сетевые организации транснационального терроризма [Электронный ресурс] / Э. Соловьев. – М.: Научная цифровая библиотека PORTALUS.RU. – Режим доступа : http://portalus.ru/modules/internationallaw/rus_readme.php?subaction=showfu.

2. Батюк, В.И. Международное сообщество в борьбе с терроризмом: проблемы структуризации / В.И. Батюк // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2008. – № 1. – С. 9.

3. Сорока, Е.Ю. Социально-политический механизм современного терроризма / Е.Ю. Сорока. – М., 2006. – С. 26.

УДК [324:342.8](470+571)-027.31«2018»

Жакеев Э. Т.
(г. Луганск)

НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ НА ВЫБОРАХ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ В 2018 ГОДУ

С распадом СССР перед государствами-участниками СНГ встал ряд вызовов и проблем. Так, необходимо было перестраивать экономику на базе доминирующих в мире рыночных механизмов. Не менее насущной проблемой была демократизация властных

институтов и всего социума. Вместе с тем в ряде стран выдвинулись авторитетные харизматичные лидеры, именно с личностями которых народы их стран связывали стабильность и благополучие.

Кампании президентских выборов в таких государствах становятся объектом пристального внимания международной общественности. Вот почему для укрепления легитимности режимов политическим элитам приходится постоянно совершенствовать как избирательное законодательство, так и технологии предвыборной борьбы. Исходя из изложенного выше, тема нашего исследования является актуальной. Цель настоящего доклада – выделить ключевые элементы новых политических технологий и правовых механизмов, примененных в ходе президентской кампании 2018 г. в Российской Федерации.

Одним из важнейших вопросов избирательной кампании президента Российской Федерации 2018 г. стало обеспечение максимально полного участия избирателей в выборах, создание условий, обеспечивающих их открытый и конкурентный характер. Решение этой задачи требовало реализации целого комплекса правовых, организационных, техникотехнологических мероприятий, среди которых особо следует выделить:

- обеспечение правовыми методами условий для стимулирования политической конкуренции и возможности представления на выборах широкого спектра общественно-политических сил;
- повышение прозрачности избирательных процедур и формирование новых институциональных возможностей и организационных механизмов общественного контроля на президентских выборах.

Показательно, что в условиях снижения пороговых требований к численности политических партий в

избирательном законодательстве был сохранен тренд на создание преимуществ для кандидатов, выдвинутых политическими партиями. Это различие проявлялось не только в дифференциации требований к необходимому числу подписей, но и к объему эфирного времени на каналах теле- и радиовещания, отводимого для размещения кандидатами собственных агитационных материалов.

Кроме того, значительных усилий требовало создание и регистрация инициативной группы в поддержку кандидата. По факту на выборах 2018 г. у кандидата, выдвинутого в порядке самовыдвижения, в четыре раза меньше, чем у кандидата, выдвинутого политической партией [1].

Впервые опробованные на региональных выборах в двадцати субъектах Российской Федерации в Единый день голосования в сентябре 2017 г., они были модернизированы и применены на выборах федерального уровня. Механизм «Мобильный избиратель» предусматривал возможность обратиться с 31 января по 12 марта 2018 г. в территориальную избирательную комиссию по месту своего фактического нахождения или многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг, а с 25 февраля по 12 марта 2018 г. – в любую участковую избирательную комиссию. В указанных пунктах приема заявлений необходимо было подать заявление о включении в список избирателей по месту нахождения, указав избирательный участок, где избиратель планирует проголосовать.

Также была предусмотрена и подача заявления в режиме онлайн через Единый портал государственных услуг. По подведенным 15 марта итогам функционирования механизма «Мобильный избиратель» всего имелось 5 676 829 обработанных заявлений, из них: в

территориальные и участковые избирательные комиссии было подано 3 119 085 заявлений, через многофункциональные центры – 935 308 заявлений, а 1 622 436 заявлений подано через Единый портал государственных услуг. В целях защиты от попыток использования механизма в целях неправомерного многократного голосования одного избирателя на различных участках предусматривалось, что если выявлен факт подачи одним и тем же избирателем более одного заявления, то действительным считается заявление, поданное первым (согласно дате и времени подачи заявления) [2].

В отличие от прошлых федеральных избирательных кампаний президентские выборы 18 марта не совмещались с выборами регионального и местного уровня, оставаясь не только главными, но и единственными выборами в стране в этот день. Определенное разнообразие в картину федеральных выборов в Волгоградской области вносил областной референдум о необходимости внесения Волгоградской областной Думой в Государственную Думу проекта федерального закона, предусматривающего переход Волгоградской области из 2-й часовой зоны в 3-ю часовую зону («за» высказалось 58,82% участников референдума); а также более 100 референдумов в городских и сельских поселениях Кировской области по введению самообложения жителей муниципальных образований на решение вопросов местного значения.

Значительное распространение получила практика проведения различных квазиэлекторальных мероприятий, направленных на привлечение внимания к теме выборов, правовая легитимность и целесообразность проведения которых в контексте проведения федеральных выборов, однако, вызывала сомнения. Так, 18 марта 2018 г. в Московской области планировалось проведение т.н.

«школьного референдума» – деловой игры, которая должна была состояться во всех общеобразовательных учреждениях с использованием онлайн-голосования. Соответствующее постановление 1 февраля 2018 г. о проведении деловой игры было принято Мособлизбиркомом, однако позднее было отменено ЦИК России. В отличие от Московской области в Москве «школьные референдумы» не представляли собой единого централизованного мероприятия, а проводились отдельно в каждой образовательной организации, в которых участвовали учащиеся, их родители и педагоги школы, а также жители близлежащих микрорайонов (при этом для различных категорий предусматривались различные формы бюллетеней) [3].

Школьные референдумы проводились в тех же зданиях, что и выборы, но в иных помещениях, подведение итогов голосования осуществляли специально созданные счетные комиссии. Организация проведения референдумов возлагалась на специально созданные счетные комиссии. На локальные школьные референдумы выносилось не более четырех вопросов школьной жизни. Реакция ЦИК России на подобные мероприятия была настороженной, а подчас и жесткой [4]. Так, Председатель ЦИК России Э. Памфилова высказалась категорически против практики использования муниципальными органами и организациями символики и иной продукции, являющейся объектом исключительного права ЦИК России, в целях информирования о проведении своих «местечковых» мероприятий, обвинив их организаторов в стремлении «проехаться на авторитете президентских выборов» и призвав отделить все мероприятия, которые не относятся к выборам, непосредственно к избирательному процессу и непосредственно к голосованию [5].

По данным ЦИК России, число избирателей, принявших участие в выборах, составило 73 629 581 избиратель (67,54% от общего количества избирателей, включенных в списки избирателей) [1]. Накануне начала выборов в Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации» были внесены изменения и дополнения, предоставляющие возможность назначения наблюдателей не только участвующим в выборах политическим партиям, но и субъектам общественного контроля: Общественной палате Российской Федерации и общественным палатам субъектов Российской Федерации. Наконец, нельзя не упомянуть такой интересный PR-ход как голосование звезд эстрады, кино и спорта в провинциальных отдаленных районах страны по открепительным удостоверениям. Это позволило значительно повысить явку избирателей в «глубинке».

Наряду с традиционными формами в виде непосредственного наблюдения использовались и дистанционные формы общественного контроля, в том числе с использованием возможностей видеотрансляций и мобильных приложений. В наиболее эффективной форме новые информационно-коммуникативные технологии были использованы в работе портала-агрегатора NOM24.ru, технические возможности которого позволяли не только незамедлительно отобразить всю информацию на интерактивной карте, но и осуществить проверку их достоверности в режиме реального времени. В целом президентская избирательная кампания продемонстрировала возможность применения новых правовых, организационных и информационных технологий, обеспечивающих реальную состоятельность в избирательном процессе различных политических сил, прозрачность и открытость выборов, эффективный и

действенный контроль за соответствием результатов выборов волеизъявлению избирателей.

Литература

1. Путин получит в четыре раза меньше времени на агитацию на ТВ, чем другие кандидаты [Электронный ресурс]. – URL : <http://tass.ru/politika/4954534>. – Загл. с экрана (дата обращения : 15.02.2020).

2. Голоса в процентах: Официально утверждены итоги голосования на выборах Президента России // Российская газета – Федеральный выпуск. – 2018. – 24 марта. – № 75241 (61).

3. Что скажут родители? Школьный референдум не помешает выборам // Российская газета. – 2018. – 31 янв. – № 7483.

4. Школьные референдумы проводятся не ради явки на выборах, заявил Собянин [Электронный ресурс]. – URL : https://ria.ru/election2018_news/20180122/1513086374.html. – Загл. с экрана (дата обращения : 16.02.2020).

5. Памфилова потребовала не называть «местечковые мероприятия» референдумами (РИА Новости) [Электронный ресурс]. – URL : <https://ria.ru/society/20180208/1514215042.html>. – Загл. с экрана (дата обращения : 17.02.2020).

УДК [323.2+327.5]-048.35«2004/2013»

Комаров А. В.
(г. Луганск)

**ИТОГИ МОДЕРНИЗАЦИИ ГРУЗИИ В ПРАВЛЕНИЕ
МИХАИЛА СААКАШВИЛИ**

В разных государствах бывшего Советского Союза демократический транзит протекает по-разному. В Грузии, Киргизии, Украине противостояние различных политических сил время от времени принимает радикальные формы, апогеем которых стали так называемые «цветные» революции. Политики, которых эти бурные события привели к власти, стремились осуществить масштабную модернизацию общества (которая на деле сводилась к вестернизации).

С течением времени стало ясно, что «цветные» революции, как правило, не привели к улучшению положения простого народа. Однако отдельные результаты модернизационных процессов были весьма эффективными и «прижились» в обществе даже после очередных «перезагрузок» власти. Особенно интересен в этом плане опыт Грузии. Следовательно, данная тема является актуальной. Цель настоящего доклада – проследить основные положительные аспекты реформ в Грузии в правление Михаила Саакашвили.

В ходе «Революции роз» к власти в Грузии пришел не очень прочный альянс «националов», «демократов» и еще нескольких партий. Лидером вроде бы был Жвания, но он не решался быть даже главой своей партии, а главой новой власти и подавно. Эту роль он уступил Саакашвили, популярность которого после событий 2 ноября была огромной.

4 января 2004 г. состоялись повторные президентские выборы в Грузии. Михаил Саакашвили получил 96% голосов. 25 января прошла его инаугурация на ступенях здания Парламента на проспекте Руставели. С этого момента он стал президентом страны.

Начнем с самой первой реформы, которая произошла в стране. Это смена грузинского флага. Еще в

1918 – 1921 гг. использовался так называемый "кизилый флаг", который потом приняли Гамсахурдия и Шеварднадзе. В обществе время от времени возникали предложения сменить его на другой, белый с пятью красными крестами, который, по некоторым данным, использовал царь Георгий Блистательный в начале XIV века. Попытки смены предпринимались при Шеварднадзе и всякий раз блокировались. Новая власть решила данный вопрос декретом о ведении нового флага был подписан 25 января, в день инаугурации Михаила Саакашвили.

После прихода команды Саакашвили к власти, в стране начаты обширные реформы во всех отраслях. Самая знаменитая, пожалуй, это реформа полиции, которая способствовала восстановлению порядка, снижению уровня коррупции, а также уличной преступности. Режим Саакашвили вложил крупные средства в правоохранительную систему: зарплата сотрудников была повышена в 10 раз, отремонтировались полицейские участки, закупался новый автотранспорт. Параллельно проводились массовые кадровые чистки.

Кроме того, в законодательство Грузии был внесен ряд поправок, вводящих уголовную ответственность за употребление наркотиков (УК Грузии, ст. 274), преследование за идентификацию себя как «вора в законе» (ст. 223), конфискацию имущества не только самих осужденных по определенным статьям, но и их родственников и близких, и т. п. Административная структура была радикально изменена: в состав МВД включили МГБ и ряд других «силовых» ведомств.

Саакашвили полностью реформировал медицину, он убрал распределение денег главными врачами больниц, что исключило воровство. Построил около 200 больниц и

реконструировал старые. Медицина здесь бесплатная, а за операции государство платит 70%.

Решен вопрос сепаратизма в регионах компактного проживания чеченцев, армян и азербайджанцев, ликвидирована «вольница» Аслана Абашидзе в Аджарии (Батуми сейчас лучший курорт на Черном море).

Проведена реформа в налоговой сфере и сфере бизнес администрирования. Налоговая реформа должна была решить две основные задачи: сократить нагрузку на бизнес и сделать администрирование налогов понятнее и легче. Уже спустя несколько месяцев работы нового правительства, 13 июня 2004 года, премьер-министр Зураб Жвания представил принципы нового налогового кодекса, разработанного в Министерстве финансов во главе с Зурабом Ногаидели. Основное достижение на тот момент заключалось в сокращении количества налогов с 22 до 7 с одновременным снижением нескольких ставок. В итоге Грузия вошла в ТОП-5 стран мира с самым минимальным налоговым бременем и в последний год правления Саакашвили входила в первую десятку рейтинга Doing Bussiness (легкости ведения бизнеса в мире).

В Грузии при Саакашвили начали строительство 16 новых ГЭС. В феврале 2005 г. президент сформулировал ориентир: «К зиме 2006 г. в Грузии должен быть круглосуточно освещен каждый дом». И уже к концу года впервые за десять лет появилось круглосуточное энергоснабжение не только столицы, но и регионов. Но более 15% потребленной электроэнергии было импортировано.

7 июня 2006 г. парламент Грузии утвердил «Основные направления государственной политики в энергетическом секторе», в которых главным средством улучшения системы энергоснабжения Грузии названа

передача энергетических объектов в частную собственность

Пенсия в последний год президентства Саакашвили равнялась \$ 100, а средняя зарплата превышала \$ 500, страна значительно увеличила ВВП в период его правления.

Саакашвили полностью модернизировал туризм в Грузии. Итальянские дизайнеры участвовали в проектах по строительству Моста Мира, парка Рике, всех небоскребов и других арт-объектов. Эффект заключается в том, что среди колоритных городов эти постройки выглядят необычно. А Мост мира вообще стал визитной карточкой Грузии.

Принципиальные изменения коснулись и процедуры увольнения. Если раньше работодатель должен был предупредить увольняемого за месяц, то теперь это обязательство снято: достаточно выплатить выходное пособие в размере одной зарплаты. Если же сотрудник хочет уволиться, то он предупреждает об этом свое руководство за месяц. Это не дискриминация прав рабочих, как может показаться на первый взгляд, а, во-первых, гарантия ответственного поведения сотрудника: зная, что через месяц он будет уволен, работник может целенаправленно принести организации вред. А во-вторых, обе стороны трудовых отношений оказываются в равных условиях с той только разницей, что у каждой свой ресурс: у работодателя – деньги, а у работника – труд.

Изучая опыт Грузии, можно прийти к заключению, что тактический успех реформы заложен в трех ключевых составляющих. Первый – это консолидация всего государственного аппарата. Успех грузинских реформ не только в том, что было сделано, но и в том, каких глупостей удалось избежать. Отдельное искусство и умение требуется не только для того, чтобы развиваться,

идти вперед, но и чтобы сдерживать, убеждать. Без единой позиции этого не добиться.

Второй – адаптивный подход. Вот как его описывает Бендукидзе: «В идеале, конечно, надо проводить все реформы. В худшем случае – хоть какую-то из них. А в реальности нужно заниматься теми реформами, которые возможно осуществить. Вопрос осуществимости преобразований актуален всегда: если ты не нашел политических союзников внутри правящей группы, реформа сорвется». Наконец, третье – это эффективное использование политического капитала. Его нельзя экономить, вкладывать следует быстро и так, чтобы потом получить максимальную отдачу.

Чем скорее происходит трансформация, тем больше можно успеть: страну буквально заставляли реформами врасплох, не давая заинтересованным в торможении группам времени на мобилизацию. Как ни парадоксально, но из опыта Грузии следует вывод, что при экстренной трансформации либеральные реформы нужно проводить «авторитарной рукой».

Литература

1. Буракова, Л. Почему у Грузии получилось / Л. Буракова. – М. : Юнайтед Пресс, 2011. – 271 с.

2. Что сделал Саакашвили для Грузии, и почему его преследуют новые власти? [Электронный ресурс]. – URL : https://thequestion.ru/questions/45077/chto_sdelal_saakashvili_dlia_gruzii_i_ego_8fb188сба. – Загл. с экрана(дата обращения : 20.02.2020).

3. История Грузии в период президентства Саакашвили [Электронный ресурс]. – URL : <http://travelgeorgia.ru/185/>. – Загл. с экрана (дата обращения : 23.02.2020).

Ризниченко П. В.
(г. Луганск)

АССОЦИАЦИЯ МОЛДОВЫ С ЕС: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

После распада СССР перед бывшими советскими республиками встал ряд проблем, в т. ч. необходимость пересмотра внешнеполитических приоритетов. При этом одни государства сохранили дипломатическую «многовекторность», внешняя же политика других стран стала давать ощутимый «крен» в сторону только одного из современных геополитических центров силы. Относительно недавно такой поворот произошел во внешней политике Молдовы (имеется в виду её ассоциация с ЕС). Последствия смены внешнеполитического курса постсоветских государств неоднозначны и нуждаются в комплексном изучении. Вот почему данная тема является актуальной.

Цель настоящего доклада – сопоставить основные прогнозы, касающиеся ассоциированного членства Республики Молдова в ЕС с некоторыми тенденциями реального положения дел.

Курс на ассоциацию с ЕС был взят молдавским правительством ввиду ухудшения экономического положения. В политической элите страны довольно много сторонников евроинтеграции. В некоторой степени можно говорить об аналогии с «принципом домино»: официальный Кишенев также ориентировался на тенденцию, которую отражали настроения в Киеве и

Тбилиси, ведь грузинский и украинский политический истеблишменты тоже взяли курс на евроинтеграцию. Итак, Соглашение об ассоциации между Республикой Молдова, с одной стороны, и Европейским Союзом и Европейским сообществом по атомной энергии и их государствами-членами, с другой стороны, было подписано 27 июня 2014 г. в Брюсселе. Соглашение было ратифицировано Парламентом Республики Молдовы 2 июля 2014 г. и Европейским Парламентом 13 ноября 2014 г.

Соглашение об ассоциации Республика Молдова(РМ) – ЕС устанавливает новую нормативно-правовую базу для развития отношений между Республикой Молдовой и ЕС на качественно более высокую ступень политической ассоциации и экономической интеграции с ЕС. Авторами соглашения двигали инновационные и амбициозные замыслы, включавшие создание углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли – DCFTA.

Национальный план по осуществлению Соглашения об ассоциации РМ-ЕС включает ключевые приоритеты сотрудничества в виду обеспечения политической ассоциации и экономической интеграции с ЕС и представляет собой основной инструмент внутреннего мониторинга процесса европейской интеграции на период 2014-2016 годов. Этот план был утвержден в рамках заседания Правительства 25 июня 2014 г.

Основным инструментом осуществления Соглашения об ассоциации является Повестка дня ассоциации, оговоренная с Европейской Комиссией, определяет приоритетные сферы осуществления положений Соглашения об ассоциации на первые три года с момента его вступления в силу.

В июле 2016 года вступило в силу Соглашение об ассоциации с ЕС. Это соглашение и, в частности, его

важная экономическая составляющая – Зона углубленной и всеобъемлющей свободной торговли (далее – DCFTA). По замыслу его создателей, это должно способствовать модернизации отечественной экономики в соответствии с европейскими стандартами, нормами и успешным европейским опытом. Таким образом, структура и нормы Соглашения о DCFTA охватывают наиболее важные аспекты молдавской экономики. Соглашение повлекло за собой масштабный процесс внутренних реформ в стране, отталкивающихся от лучших европейских наработок, проводимых при технической и финансовой помощи ЕС и европейских государств. Правильный и эффективный перенос европейских стандартов, как ожидалось, позволит создать либерализованный внутренний рынок – конкурентоспособный для отечественной деловой среды и привлекательный для иностранных инвестиций.

Впрочем, наряду с открытостью европейского рынка для молдавской продукции и молдавских услуг, ставится задача модернизации отечественной экономики. Достижение указанной цели предполагает согласование с ЕС на уровне технических регламентов, метрологии, аккредитации и оценки соответствия товаров, технических стандартов, контроля качества и надзора за рынком и т. д. Для этого крайне важны верховенство закона, реформа государственных учреждений, а также в целом повышение уровня прозрачности и эффективности государственного сектора. Наиболее ощутимые изменения, вытекающие из Соглашения о DCFTA, связаны с экспортом. Отмена тарифов на экспорт «оживила» двустороннюю торговлю между ЕС и Молдовой, когда Российская Федерация ограничила доступ на свой рынок. Нарастивание экспортных поставок в Евросоюз принесло экономике страны \$ 1,5 млрд. доходов. Такой рост, кстати говоря, обеспечили свыше 1300 компаний-экспортеров. Это, в

свою очередь, повлекло за собой мобилизацию местного производства (товары повседневного спроса, текстиль, техническое оборудование, агропромышленная продукция и пр.). В итоге в 2017 году коммерческий дефицит с ЕС сократился на 40% по сравнению с 2014 годом, когда он достигал \$ 1,3 млрд. [1].

Интеграция в европейский рынок означала новые рынки сбыта для молдавских товаропроизводителей и экспортеров – Румыния, Германия, Италия, Польша и пр. Таким образом, внешняя торговля стала более диверсифицированной и надежной для молдавских производителей. У молдавских компаний есть возможность избегать непредсказуемых рынков, где применяются политически обусловленные торговые ограничения, таких, как российский.

ДСФТА (Углублённые и всеобъемлющие зоны свободной торговли) дает целый ряд преимуществ, как для молдавского общества, так и для предприятий.

1. ДСФТА благоприятна для Республики Молдова с точки зрения роста национального дохода. В краткосрочной перспективе, ожидается, что вклад ДСФТА увеличит национальный доход Республики Молдова на 75 млн. евро, а в долгосрочной перспективе прогнозируемый рост национального дохода для Молдовы составит порядка в два раза больше (142 млн. евро).

Сравнительные изменения национального дохода Молдовы должны привести к росту ВВП на 5,4% в долгосрочной перспективе. В основном, этот рост станет результатом сокращения санитарных и фитосанитарных (СФС) мер и торгово-технических барьеров (ТТБ), которые представляют 62 млн. евро. Второй существенный вклад для Республики Молдова в краткосрочной перспективе ожидается от либерализации торговли услугами, стоимость которых составляет 28 млн. евро.

2. DCFTA будет стимулировать торговлю между ЕС и РМ. Прогнозируется рост экспорта на 15% и 16% в краткосрочной и долгосрочной перспективе, в то время как импорт вырастет на 6% и 8%. В результате, ожидается, что DCFTA в краткосрочной перспективе будет способствовать относительному улучшению торгового баланса Республики Молдова. В долгосрочной перспективе, снижение нетарифных мер должно привести к выгоде для Республики Молдова в размере 283 млн. евро [1].

3. Ужесточение внутренних норм приведет к улучшению безопасности товаров широкого потребления и, вследствие, потребителей в общем. DCFTA, путем обеспечения более стабильного и предсказуемого торгового режима, основанного на законодательстве ЕС, предусматривает стимулирование притока европейских ПИИ в страну, создание ряда предприятий и укрепление конкурентоспособности экономики и отдельных отраслей.

4. Ожидаемый рост зарплаты в Молдове составлял примерно 3,1% в краткосрочной перспективе и 4,8% в долгосрочной перспективе. В то же время, ожидалось снижение потребительских цен напорядка 1% в краткосрочной перспективе и на 1,3% в долгосрочной перспективе, в основном благодаря росту конкуренции импорта. Это подразумевает рост средней покупательской способности граждан Республики Молдова, особенно в долгосрочной перспективе [1].

Однако на практике после подписания Соглашения об ассоциации все оказалось не так радужно. Потеря российского рынка сбыта принесла миллионные убытки молдавским виноделам, садоводам и производителям консервных изделий. Некоторые политические обозреватели стали сравнивать страну с «плодожоркой» (в экономическом плане) [2]. В любом случае делать

однозначные выводы пока что рано. Урок от молдавской ситуации для политических элит стран СНГ, на наш взгляд, заключается в том, что при смене внешнеполитического курса нужно тщательно учитывать все возможные риски.

Литература

1. Додон: соглашение об ассоциации с ЕС — приоритет для Молдавии [Электронный ресурс]. – URL : <https://regnum.ru/news/polit/2722385.html>. – Загл. с экрана (дата обращения : 02.02.2020).

2. Молдова – экономическая плодородка [Электронный ресурс]. – URL : <http://пос-мир.рф/node/2616>. – Загл. с экрана (дата обращения : 02.02.2020).

УДК 327.51(1-62)-043.84-044.325

**Сас Д. С.
(г. Луганск)**

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ОДКБ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В условиях глобализации размывается суверенитет, а ряд полномочий национальных государств делегируется международным организациям, в частности, интеграционным объединениям. Большой интерес для специалистов-гуманитариев всегда представляют военно-политические блоки. Ведь зачастую именно от «баланса сил» между ними зависят контуры мирового порядка в

конкретные периоды времени. Сказанное выше свидетельствует, что данная тема является актуальной.

Цель настоящего доклада – показать роль ОДКБ в современных международных отношениях в контексте основополагающих принципов действия этой организации.

В условиях глобализации Российская Федерация, а также ее союзники стремятся к сохранению международной безопасности на постсоветском пространстве. В этом контексте ОДКБ занимает ключевое место в ряду организаций территориальной и субрегиональной координации. Членами ОДКБ являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Киргизская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан.

В качестве одного из важнейших элементов нынешней системы обеспечения безопасности на постсоветском пространстве Россия рассматривает ОДКБ. Россия выступает за укрепление ОДКБ, перевоплощение ее в многофункциональную интернациональную организацию, способную противоборствовать современным вызовам и угрозам.

Доктринальные документы связывают перспективы последующего становления ОДКБ с ее трансформацией во внешней и внутренней сфере. Во внешней сфере одной из приоритетных задач является возрастание роли ОДКБ в международных отношениях. Основой для реализации этого направления служат установки ООН на сотрудничество с территориальными организациями, которые она рассматривает в качестве элементов новой системы коллективной безопасности в мире, способной противостоять новым вызовам и угрозам. Во внутренней сфере особенно важными для ОДКБ задачами являются внутренняя консолидация организации, возрастание ее сплоченности и боеспособности.

ОДКБ до сегодняшнего дня остается исключительным наднациональным фактором обеспечения суверенитета, безопасности, территориальной целостности государств-участников на Евразийском пространстве.

Действие ОДКБ как инструмента обеспечения международной безопасности определяется Доктриной, согласованной государствами-участниками, в соответствии с которой тактической целью государств-участников ОДКБ является предотвращение войн и вооруженных конфликтов, а в случае их развязывания – гарантированная охрана интересов, суверенитета и территориальной целостности государств-участников.

Специальное значение придается институционализации военно-политического сотрудничества для государств Центральной Азии, военные структуры которых находятся в стадии становления.

В рамках трансформации Организации учету подлежат следующие факторы, определяющих целенаправленность улучшения вероятностей ОДКБ как модели обеспечения коллективной безопасности.

Во-первых, серьезным источником угроз в Евразийском регионе остается Афганистан. Из этой страны осуществляется наркотрафик, на территорию соседних государств просачиваются нелегальные вооруженные формирования, происходит нелегальная миграция, «экспортируется» фундаменталистская идеология. Специальная опасность исходит от потенциального проникновения с территории Афганистана боевиков ИГИЛ и Талибана.

Во-вторых, многие международные угрозы концентрируются по так называемой «дуге малоустойчивости», начинающейся в регионе Ближнего Востока и Северной Африки и через Кавказ и Каспий

проходящей в Центральную и Южную Азию. На фоне событий в Ливии, Сирии, деятельности ИГИЛ для государств – членов ОДКБ данный фактор грозит длительными осложнениями обстановки.

К серьезной дестабилизации атмосферы на евразийском пространстве может привести становление по конфронтационному пути политической обстановки на Украине и в Нагорном Карабахе.

В-третьих, введение экономических санкций странами Запада, обрыв промышленных связей с Украиной создает препятствия деятельности ОДКБ в военно-технической сфере, требует совместных действий союзников по реализации программы импортозамещения, продолжению работы по стандартизации вооружений в границах ОДКБ, обеспечению оперативной совместимости средств связи и управления.

Применение возможностей ОДКБ как в зоне ответственности организации, так и за ее пределами требует наращивания интернационального измерения Организации. Для этого нужны дополнительные шаги по улучшению правовых основ взаимодействия ОДКБ с другими международными организациями по вопросам обеспечения международной безопасности, применения имеющегося диапазона допустимых форм сотрудничества.

Существуют следующие особенности взаимодействия ОДКБ с другими организациями обеспечения международной безопасности.

В соответствии с Совместной декларацией о сотрудничестве между секретариатами ОДКБ и ООН две организации намерены сотрудничать в борьбе с терроризмом, транснациональной преступностью, нелегальной торговлей оружием, в урегулировании конфликтов, а также по предотвращению чрезвычайных ситуаций и реагированию на них. Приоритетной задачей

последующего сотрудничества является устранение важнейших угроз.

Важным в правовом регулировании миротворческой деятельности ОДКБ является то, что «в её рамках установлены два режима проведения миротворческих операций: 1-й – проведение миротворческих операций по инициативе ОДКБ, а 2-й – участие в миротворческих операциях других территориальных организаций.

В первом случае после принятия решения о проведении миротворческой операции Совет коллективной безопасности немедленно сообщает об этом в Совет Безопасности ООН (если операция планируется на территории государства-члена ОДКБ) либо обращается к Совету Безопасности ООН с запросом о предоставлении соответствующего мандата на проведение миротворческой операции (при проведении миротворческой операции ОДКБ на территории иных государств).

Во втором случае (участие в миротворческих операциях других территориальных организаций) это могут быть миротворческие операции, осуществляемые на основе соответствующих решений Совета Безопасности ООН (ч. 1 ст. 7), а также миротворческие операции территориальных организаций, осуществляемые под их юрисдикцией в соответствии с положениями Устава ООН и «не содержащие принудительных действий, при наличии легитимных решений территориальных организаций и согласия государства на проведение операции на его территории (ч. 2 ст. 7)».

Такой режим участия ОДКБ в миротворческих операциях создает широкие вероятности для интернационализации ее деятельности в этой сфере под эгидой влиятельных международных организаций и на основании согласованной международно-правовой базы.

Сотрудничество между ОДКБ и ОБСЕ должно прогрессировать на основе тезиса нерушимости безопасности, что может быть достигнуто путем глубокой и системной координации деятельности 2-х моделей.

Импульсами для становления сотрудничества в контексте противостояния каждому комплексу современных угроз служат не только активация деятельности международных террористов, но и распространение могущества религиозного экстремизма и национализма, производство и контрабанда наркотиков. Присутствие совпадающих интересов ОДКБ и ОБСЕ отмечается в Совместном заявлении государств-членов ОДКБ при ОБСЕ о совместных усилиях по противодействию транснациональным угрозам. Такие интересы декларируются в основополагающих документах ОДКБ и принятых в последние годы решениях ОБСЕ о наращивании усилий по противодействию транснациональным угрозам (2013), Доктрины ОБСЕ в отношении борьбы с опасностью нелегальных наркотиков и хищениями вредных химических веществ и др.

Неоднородность становления основных составляющих интеграционных процессов, характерная фактически для каждого периода существования СНГ побуждает ведущих членов этой организации сфокусировать интересы своей безопасности в формате ОДКБ. На это обстоятельство обращается внимание в ряде современных заявлений, где анализируются принципиальные вопросы двустороннего сотрудничества России со странами СНГ, выводятся определенные обоснованности в становлении взаимных отношений, упоминаются факторы как содействующие укреплению ОДКБ, так и затрудняющие сотрудничество в границах Организации.

Литература

1. Устав Организации Договора о коллективной безопасности, Кишинев 7 октября 2002 г. [Электронный ресурс]. – URL : <https://informburo.kz/stati/v-meru>. – Загл. с экрана (дата обращения : 15.02.2020).

2. Николаенко, В. Д. Организация Договора о коллективной безопасности (истоки, становление, перспективы) / В.Д. Николаенко. – М. : АСТ, 2004. – 188 с.

3. Концепция коллективной безопасности государств-участников Договора о Коллективной Безопасности от 10.02.1995 [Электронный ресурс]. – URL : https://regnum.ru/news/po_lit/2722. – Загл. с экрана (дата обращения : 16.02.2020).

УДК [323.172+127](478-ПМР)

Слободчукова В. С.
(г. Луганск)

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ СТАТУСА

В результате локальных конфликтов, эскалация которых наблюдалась после распада СССР, возник ряд самопровозглашенных (непризнанных и частично признанных) государств. Каждое из них проходило свой тернистый путь становления политической системы, стабилизации социально-экономической сферы жизни. Опыт самопровозглашенных республик, возникших на пространстве СНГ еще в 1990-е гг. нуждается в

комплексном изучении, что для нашего края имеет не только теоретическое, но и прикладное значение. Вот почему данная тема является актуальной. Цель настоящего доклада – выделить основные тенденции современного общественно-политического положения в Приднестровье.

Более 25 лет назад социум Приднестровья, представляющий собой союз различных национальностей, принял решение, заявив о себе как о нации, способной на создание независимого государства [1]. Сегодня Приднестровье обладает ярко выраженной территориальной идентичностью и основными элементами государственности, определяющими внешнюю и внутреннюю политику страны.

За четверть века в ПМР была создана политическая система, которая отличается приспособляемостью к меняющимся условиям своего функционирования, низким уровнем социальной конфликтности. Однако в настоящее время приходит осознание важности более активного развития других институтов политической системы. Такие изменения необходимы в связи с тем, что существует ряд проблем современной политической системы Приднестровья. Среди них недостаточно высокий профессиональный уровень политических элит, недостаток политической культуры в обществе, апатия населения по отношению к внутривнутриполитическим вопросам.

Общепринято, что критерием оценки уровня политической системы считается уровень деятельности социальных общностей, общественных организаций и партий, отдельных лиц, противодействующих оказанию влияния на принятие и реализацию политических решений [2].

Политический процесс, который включает в себя подготовку, принятие и оформление на соответствующем уровне политических и управленческих решений, а также

их коррекцию и контроль, состоит из таких элементов, как политическое развитие и политические изменения, политическая социализация, политическое участие [3].

Следует отметить, что политическое развитие Приднестровья не является по своей сути однонаправленным и имеет несколько альтернативных путей, выбор которых зависит от конкретной совокупности влияющих на него факторов. Это такие факторы, как уровень развития экономики, уровень образования, система ценностей, уровень участия граждан в политической жизни, степень социальной мобилизации. Движение по одному из возможных путей позволяет говорить о достижении определенных целей политического развития. Среди них – способность политических институтов приспосабливаться к изменяющимся условиям, повышение уровня демократии, интенсификация социальной мобильности и интеграции населения в политическое сообщество [4].

Следующим важным элементом политического процесса является дальнейшее развитие социализации граждан Приднестровья. Социализация означает процесс приобщения людей к нормам и ценностям общества. В ПМР процесс политической социализации играет большую роль и имеет ряд особенностей, связанных с созданием, передачей и преобразованием главных элементов политической культуры и норм.

Основными посредниками в процессе политической социализации в Приднестровье выступают семья и школа. Именно там молодые люди знакомятся с общепринятыми политическими ценностями и принципами гражданственности. Важную роль в политической социализации играют молодежные организации. Они часто выступают в роли социализирующих групп, однако каждая из них уделяет много внимания вопросам, имеющим

политическую значимость. Для взрослого населения страны определенное значение в политической социализации играют политические партии. К мощным рычагам социализации в современном мире вообще и в Приднестровье в частности относятся также СМИ, особенно Интернет и телевидение.

Результат политической социализации – это мобилизация граждан на реализацию национальных целей и устремлений, установление неразрывной связи между государством и гражданами, которые должны проявлять активный интерес к государственным делам и быть информированными относительно важнейших событий и решений. Реализация процесса политической социализации связана с одной из главных тенденций политического процесса – повышением роли политического участия. Политическое участие в ПМР сегодня существует в таких формах, как предвыборная активность, лоббистская деятельность, организационная активность.

Для обозначения орудий политического участия, т.е. культуры, материальных средств, времени, знаний, информации, связей и т.д., в политологии было введено понятие «политические ресурсы». Если распределение политических ресурсов в обществе неравномерно, то граждане обладают неодинаковым влиянием, а это создает атмосферу социальной напряженности [5].

Подводя итог, можно однозначно определить, что для Приднестровской Молдавской Республики рост уровня политических процессов, развитие демократии и государственных институтов, степень социально-экономической успешности продолжают иметь очень большое значение.

Также весь период существования Приднестровской Молдавской Республики связан с нахождением во

враждебном окружении. Поэтому руководству приходится прилагать максимум усилий не только для обеспечения политического порядка внутри страны, но и для того, чтобы противостоять действиям других государств, осуществляющих экономическую и политическую блокаду Приднестровья.

Реалии мировой политической системы таковы, что отношение западных стран (в основном США, а также ведущих стран Европы) к политическим процессам, проходящим в непризнанных государствах, определяется не столько научными подходами и нормами международного права, сколько политической целесообразностью для интересов этих стран.

Выраженное на референдумах желание народа Приднестровья получить суверенитет, самостоятельно определять пути своего политического развития вызывает неприятие у международного сообщества, и результаты всех состоявшихся в Приднестровской Молдавской Республике выборов и референдумов еще до их проведения признавались нелегитимными. При этом уровень политических процессов, развития демократии и государственных институтов в непризнанном государстве на практике не принимался во внимание.

В связи с этим для Приднестровской Молдавской Республики, несомненно, актуальным представляется поступательное политическое развитие, направленное на совершенствование государственных институтов, общественных установок и ценностей, на усиление политической власти и политических структур, что в свою очередь является необходимым условием обеспечения политического порядка внутри страны и проведения более открытой и активной внешней политики.

Литература

1. Бабилунга, Н. В. Государственность Приднестровья: история и современность / Н. В. Бабилунга. – Тирасполь : Полиграфист, 2007. – 362 с.
2. Дегтярев, А. А. Принятие политических решений / А. А. Дегтярев. – М. : КДУ, 2004. – 416 с.
3. Вертакова, Ю. В. Исследование социально-экономических и политических процессов / Ю. В. Вертакова. – М. : КноРус, 2009. – 336 с.
4. Любашиц, В. Я. Эволюция государства как политического института общества / В. Я. Любашиц. – Ростов н/Д : Феникс, 2004. – 312 с.
5. Козырев, Г. И. Политическая конфликтология / Г. И. Козырев. – М. : Форум, 2008. – 432 с.

УДК 32

Эскузян А.А.
(г. Луганск)

СПЕЦИФИКА ОППОЗИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГОСУДАРСТВАХ ПЕРЕХОДНОГО ТИПА

Оппозиционная деятельность в современном мире учитывает значительное количество факторов, как политического, так и социокультурного характера.

Анализ процесса возникновения, становление и развития политической оппозиции, специфика её деятельности нашли свое отображение в фундаментальных трудах зарубежных авторов Р. Арона, В. Парето, Г. Вебера, Р. Михельса, П. Бирнбаума, Р. Даля, М. Дюверже, Й. Шумпетера, Д. Растоу, Х. Линца. И российских исследователей А. Е. Воскресенского,

А. Г. Тановой, Б. Ю. Калинина, В. Э. Бойкова,
В. Д. Виноградова, С. М. Елисеева, В. В. Почепко,
Л. В. Сморгунова, Е. И. Хаванова и др.

В соответствии типу оппозиции формируются и методы ее политической деятельности: от критики режима узкой группой инакомыслящих, диссидентов, которые олицетворяют духовную оппозицию власти и не прибегают к каким-либо активным политическим действиям, организации протеста к политическому террору и насилию со стороны партий и движений, которые находятся в нелегальном положении. В сочетании с реакцией власти на свою деятельность оппозиционные силы дифференцируются по степени влияния на процесс принятия политических решений, по объему доступа к общегосударственным СМИ, по характеру критики власти. Они могут инициировать разрушительные для государства формы, такие как, нелегальное вооруженное сопротивление, революции, мятежи, бунты, гражданские войны. Но оппозиция также может играть роль «клапана» для «выпуска пары», снижения уровня протеста с целью стабилизации власти и даже выполнять чисто декоративные функции.

Нередкие случаи, когда общественный протест передается от прошлого режима и усиливается в абсолютно другой ситуации, действуя независимо от положительных, реформаторских усилий власти. В такие периоды режим может оказаться в частичной изоляции, а оппозиция играть роль защитницы общественных интересов, используя методы манипулятивного убеждения общественности.

Наиболее ощутимые проблемы для режима создает непримиримая оппозиция, которая не признает ценностей правительства, постоянно призывает к пересмотру результатов выборов, не учитывает правила политической

игры и имеет тенденцию переходить к вооруженным формам протеста.

Непримиримые оппозиционеры нередко отказываются от участия в выборах, используют провокации, ведут поиск союзников за границей, призывают к международной поддержке своих требований, убеждают общество в том, что правящий режим является проводником зарубежных интересов и получил власть вследствие противоправных действий или международного тайного заговора, виде популярных призывов «масонов», «мирового сионизма» и т.п.

При конкурентной демократии даже непримиримая оппозиция может приобщиться к политической системе. И одновременно она может возглавить сопротивление режиму, протесты и добиться свержения власти, как, например, антикоммунистические силы в странах Восточной Европы в 90-е гг. XX ст. В то же время, непримиримая оппозиция, когда общество отказывает ей в доверии, нередко подвергается политическим репрессиям, а правительственные решения принимаются с целью ее окончательного разгрома.

Конкуренция власти и оппозиции позволяет обеспечить поступательное развитие общества, содействует его консолидации, а в рамках государства — создает надлежащую основу альтернатив правовой политики.

Рассматривая разные формы политической оппозиции — институциональные или неинституциональные — важно рассмотреть проблему влияния оппозиционного статуса на специфику политической деятельности.

Оппозиционные политические силы по обыкновению более близки народу, лозунги и призывы оппозиции более понятны для среднего гражданина, ведь

их объединяет негативное отношение к официальной власти. Публичность оппозиции создает впечатление открытости действий и прозрачности намерений. Общественность не пугает отсутствие конкретного плана относительно преодоления тех или иных кризисных явлений. В этом кроется главный риск — построение стратегии, которая лишена действия, то есть полное отчуждение лозунгов от реальной деятельности.

В большинстве государств постсоветского пространства отсутствует закон, регулирующий деятельность политической оппозиции. Наряду этим, статус оппозиции закреплен, например, в документах, которые регламентируют порядок работы парламента. Согласно Уставу Сейма Литовской Республики, оппозиционными считаются такие фракции (или коалиции), в политических декларациях которых зафиксированы положения, которые отличаются от принятых большинством Сейма, или же те партии, которые не соглашаются с программой Правительства [1]. То есть по принципу оппозиционности должны строиться вся платформа политического действия.

В большинстве государств переходного типа, на протяжении многих лет независимости возникли такие понятия, как «тихая оппозиция», «маргинальная оппозиция», «игрушечная оппозиция», «карманная оппозиция» и т.п. Это свидетельствует о непонимании сущности этого явления и о невозможности воплощения его в жизнь. Изменение ролей между властью и оппозицией происходит настолько часто, что проследить и проанализировать принципы оппозиционной деятельности довольно сложно. Основными чертами, которые отличают оппозиционную силу, есть ярко выраженная враждебность, несдержанность, агрессивность, категоричность и т.п.

Характеризуя статус оппозиции, ученые акцентируют внимание на том, что политическая сила должна определить границы своей оппозиционности. Критериями данной классификации выступают: степень лояльности к целям и ценностям правительства, соответственно выделяют проправительственную, нейтральную и непримиримую формы (типы) оппозиции, а также институционализированную, такие как, партии, «теневые кабинеты» и т.п. и не институционализированную, та, которая ограничивается идейной критикой. Значительные проблемы для политического режима создает непримиримая оппозиция, которая не признает ценностей властной верхушки, постоянно призывает к пересмотру результатов выборов, не считается с нормами политической игры и имеет тенденцию переходить к военным формам протеста.

Исследуя процесс перехода к оппозиционному статусу и построение новой, отличительной платформы политического действия, не имеется в виду полное отчуждение оппозиции от государственной власти. Исследователи не сводят отношения власти и оппозиции к состоянию враждебности и неприемлемости целей и ценностей. Государства, которые постепенно продвигаются путем демократических изменений, должны учесть, что необходимо выработать гибкую тактику относительно оппозиции. Для этого целесообразно использовать технологии политического логроллинга, введение торга с конкурентами, достижение соглашений и т.п., частичного блокирования и создания коалиций с представителями оппозиции. Необходимо широкого внедрять механизмы согласования интересов, создавать согласительные комитеты, арбитражные комиссии в парламенте, проводить «круглые столы». В таком случае оппозиция никогда не станет «одиночным» институтом,

угроза для власти уменьшается, а уровень интеграции общества повышается.

Таким образом, политическая оппозиция независимо от состояния своего институционального оформления, должна перейти от статуса маргинального политического актора к статусу носителя альтернативных путей общественно-политического развития. Придерживаясь принципов цивилизованности, конструктивности, системности, действенности, оппозиция должна выработать механизм сотрудничества с представителями официальной власти. Не решенным остается вопрос ответственности политической оппозиции в государствах переходного типа на уровне государственной власти.

Среди государств, относящихся к категории «переходных/гибридных режимов». Наилучший рейтинг среди 27 посткоммунистических стран имеет Эстония 7,85. Украина, начиная с 2002 года, имела постоянно возрастающий в рейтинге среди демократических стран Восточной Европы, с 2015 г. этот рейтинг стал резко снижаться и сегодня страна занимает 86 место, разделяя эту строку с Мали [2].

Таким образом, на современном этапе развития политической системы государств с переходной системой, на деятельность политической оппозиции влияют такие факторы:

- медиатизация политики, что обуславливает перемещение деятельности оппозиции в коммуникативную сферу, ставит задачу формирования оппозиционного дискурса;

- процессы глобализации, которые разрушают границы между государствами и переносят центр политического взаимодействия из национальных

государств и правительств на транснациональных политических и экономических акторов;

- демократизация политического взаимодействия, формирование консолидированной демократии на постсоветском пространстве. Учитывая изменение властных элит, такой контекст влияет как на деятельность власти, так и оппозиции;

- уменьшение роли идеологии в политической жизни общества, в том числе — весы в предвыборных программах оппозиционных партий.

Недостаточная эффективность оппозиционной деятельности в государствах постсоветского пространства, обуславливается такими факторами:

- фрагментарность общества, интересов групп и сообществ;

- фактическое отсутствие традиций оппозиционной деятельности на постсоветском пространстве;

- неразвитость институтов гражданского общества;

- противоречия между содержанием политической деятельности правящего класса и интересами общества;

- недостаточный уровень профессиональной компетентности политических акторов, их ценностная разобщенность в решении ряда принципиальных вопросов внутренней и внешней политики;

- несовершенство правовой базы деятельности оппозиции;

- низкий уровень политической и гражданской культуры общества;

- не достаточный уровень развития партийной демократии, альянс партийных структур и финансово-промышленных групп.

Исторический опыт зарубежных систем «власть – оппозиция» заключается, прежде всего, в оформлении механизма взаимодействия элит и контрэлит на основе разделения властей, создания системы сдержек и противовесов, ограничения власти большинства над меньшинством. При развитом демократическом политическом режиме властная элита и оппозиционная контрэлита являются полноправными политическими партнерами.

Литература

6. Сейм Литвы [Электронный ресурс]. — URL: http://www.rada.gov.ua/LIBRARY/catalog/law/lit_konst.
(Дата обращения: 10.02.2020)

7. Рейтинг стран мира по уровню демократии [Электронный ресурс] // Гуманитарные технологии. Аналитический портал. — URL: <http://gtmarket.ru/ratings/democrasy-index/info> (Дата обращения: 10.02.2020)

УДК 355.02 : 005.53 – 027.511 – 047.72

Носовской Р.Г.
(г. Луганск)

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Военно-политическое прогнозирование является предметом исследования многих ученых, среди которых особо следует отметить Е.А. Горбунова, С.Н. Возняка, А.Г. Полякову. Его целью является выявление тенденций

развития военно-политической ситуации. Объектами военно-политического прогнозирования могут стать: политическая и военная расстановка сил в мире, регионе, взгляды на военные конфликты, средства ведения войны; экономические и человеческие ресурсы; структура, качество вооруженных сил и их родов войск; динамика перевооружения, новые системы вооружения; морально психологическое состояние, опыт и подготовка войск и т.п. [2].

Анализ и оценка военно-политической обстановки не только предполагает ее характеристику, но и перспективы развития, что связано с необходимостью прогнозирования. В свою очередь цель прогнозирования военно-политической обстановки является выявление тенденций военно-политических отношений, обнаружение ячейки напряжения, которые могут в дальнейшем привести к локальным или мировым войнам. Прогнозирование военно-политической обстановки позволяет получить ценную информацию для органов и учреждений, которые разрабатывают политику государства. В свою очередь военная политика государства, которое стремится обеспечить безопасность, оборону, суверенитет государства является наиболее важной частью государственной политики.

Особенностью военно-политического прогнозирования является его многомерность и многоплановость. Прогнозирование одномерно, если прогнозируется событие только во времени или в пространстве. Прогнозирование многомерно, когда прогнозируется событие, явления, процесс не только во времени, но и в пространстве. В военном деле прогнозирование, как правило, многомерно, поскольку прогнозирование хода и результата вооруженной борьбы не может ограничиваться только пространственными, или

только временными характеристиками. Наряду с многомерностью военно-политическое прогнозирование является многоплановым, то есть охватывает кроме вооруженной борьбы и другие сферы жизни общества: экономику, политику, дипломатию и др. [2].

Военно-политическое прогнозирование имеет также особенности, обусловленные масштабами вооруженной борьбы. Так, сферой стратегического прогнозирования является вооруженная борьба в целом, а оперативно тактического – отдельные операции. В силу того, что оперативное искусство и тактика подчинены стратегии, оперативно-тактическое прогнозирование должно учитывать выводы стратегии, исходить из них. В свою очередь, стратегическое прогнозирование учитывает данные оперативного искусства и тактики. Оперативно тактическое прогнозирование отличается большей конкретностью, чем стратегическое, требует более детальных выходных данных, и незначительные изменения обстановки в оперативно тактическом масштабе требуют от командира серьезной корректировки плана боя. Стратегическое предвидение в отличие от оперативно-тактического более стойкое. Корректировка же планов стратегического масштаба наступает лишь после существенных изменений в соотношении экономических, морально-политических и собственно военных сил противоборствующих сторон.

Также, стоит отметить, что военно-политическое прогнозирование имеет два качественно разных этапа, связанных между собой. Первый этап (до начала вооруженной борьбы) по своей сути означает прогнозирование характера будущей войны, способов и форм ее ведения, поиск наиболее правильных путей и средств строительства Вооруженных Сил, их обучения и воспитания. Второй этап (с момента начала вооруженной

борьбы и до ее завершения) ограничивается определением перспектив хода и результата боевых действий.

Е.А. Горбунов в своих исследованиях уделяет значительное внимание методологической составляющей прогнозирования военно-политической обстановки. В частности, ученый выделяет три методологических группы оценки и прогнозирования: субъективистская, объективистская и субъективно объективистская [2, с. 140].

Первая имеет в своей основе микро подход, интуитивный анализ действий военно-политического руководства того или иного государства. Она ориентирована на методологический индивидуализм и характеризуется методами субъективных оценок военно-политического поведения. Суть этого подхода заключается в том, что один эксперт оценивает сроки «военно-политической стабильности», «военной угрозы», «кризиса» и др., не принимая во внимание ее системность и иерархичность [2, с. 140].

Вторая группа характеризуется макро ориентированным системным подходом. Эволюция военно-политической обстановки рассматривается в контексте ее целостности с выявлением большего количества факторов рационального и нерационального характера. Эта методология имеет в основе кибернетические подходы, математическое моделирование и экстраполяцию. Однако, по мнению Е.А. Горбунова, эта методология не дает необходимых результатов в тех сферах, оценки в которых трудно представить количественно. Кроме того, автор считает, что в этой методологии математические модели отражают закономерности, которые были обнаружены статистическими методами на «старом» материале и ни в

кчем случае не гарантируют развитие событий в будущем направлении обнаруженных тенденций [2, с. 141].

Наиболее действенным на взгляд Е.А. Горбунова является третий подход, в основе которого экспертно-аналитическая модель оценки военно-политической обстановки. Эта методология является более объективной, поскольку экспертная система производит не только микро оценку, как в субъективистской методологии, но и оценку, и прогнозирование характеристик самого низкого уровня иерархических систем «военной силы», «агрессивности», «напряженности», «противоречий» и др. [2, с. 141].

Что касается основных направлений прогнозирования в военной сфере, то можно выделить такие:

– военно-политическое прогнозирование анализирует характерные черты военной политики государств, обнаруживает вероятные тенденции развития обстановки, раскрывает направленность и интенсивность действий агрессивных сил, способных привести к созданию военной опасности, напряженным отношениям, кризисным ситуациям, к локальным конфликтам и мировой войне;

– военно-экономическое прогнозирование призвано определить тенденции, динамику развития военной экономики, разные ее показатели на прогнозируемый период; количество и качество человеческих ресурсов; национальный доход, средства, которые выделяются на военные потребности; запасы стратегического сырья и материалов;

– военно-техническое прогнозирование предполагает прогнозирование свойств нового оружия и возможных сроков поступления его в войска противника, оценку степени опасности массированного применения им новых средств вооруженной борьбы и подготовка данных

для выработки требований к отечественным образцам оружия и боевой техники;

– прогнозирование развития военного искусства призвано ответить на следующие вопросы: каким будет военно-стратегический характер будущей войны, и какими способами ее может развязать агрессор; как захватить и удержать стратегическую инициативу, какова будет роль различных видов вооруженных сил и родов войск в войне и как организовать и поддержать взаимодействие между ними; какие особенности приобретут стратегические операции, операции родов войск, способы ведения общевойскового, морского и воздушного боя; как осуществить прорыв обороны противника и т.д. [2, с. 34].

Также, стоит заметить, что процессы глобализации обусловили развитие геополитического прогнозирования, полем анализа, которого является глобальная политико-экономическая картина в историческом и информационном разрезе. Теме глобального политического прогнозирования посвящены исследования известного ученого А.С. Панарина. В частности, в своем труде «Глобальное политическое прогнозирование», ученый исследовал динамику глобального мира и последствия процесса глобализации [3].

Исследователь И.А. Бутовская-Ильюшко считает, что в современном мире, в частности для переходных обществ характерной является невозможность быстрого реагирования на глобальные изменения. Это приводит к тому, что страна оказывается в стороне от преимуществ, которые предоставляет глобализация. По мнению автора именно использование политического прогнозирования способно предотвратить вышеупомянутые проблемы государственного управления. В результате чего:

– политическое прогнозирование как средство обеспечения эффективности функционирования

современного общества процесс государственного управления будет оптимизировано (посредством организации конструктивного сотрудничества между органами государственного управления);

– принятие государственно управленческих решений будет научно обоснованным, благодаря привлечению новейших методов и принципов прогностической науки;

– благодаря разработке кратко-, средне- и долгосрочных прогнозов будут четко сформулированы цели государственного развития;

– ввиду высоких критериев оценки государственно управленческих решений будет сэкономлено значительное количество ресурсов, которые обеспечивают их реализацию;

– принятые государственно-управленческие решения будут отвечать требованиям времени, которые значительно ускорят процесс включения государства и общества в процесс глобализации и перехода к новой модели развития цивилизации [1, с. 15].

Глобальное прогнозирование как осмысление результатов основных направлений развития человечества не может быть регулятивной концепцией наднационального характера. Его главная функция – обеспечение системы всеобщей, глобальной или региональной безопасности. Результаты геополитических прогнозирований воплощаются в глобальных прогнозах, которые касаются всего человечества.

Литература

1. Бутовская-Ильюшко, И.О. Политическое прогнозирование как средство обеспечения эффективности функционирования современного

- общества / И.А. Бутовская-Ильюшко. – К.: МАУП, 2007. – 20 с.
2. Горбунов, Е.А. Самоорганизация систем и прогнозирование военнополитических, экономических и социальных аспектов / Е.А. Горбунов. – М. : Ника-Центр, 2016. – 320 с.
3. Панарин, А.С. Глобальное политическое прогнозирование / А.С. Панарин. – М.: Эдиториал УРСС, 2009. – 272 с.

УДК 32:327.7

Яковенко В. А.
(г. Луганск)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТАКТИКИ И СТРАТЕГИИ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В России масштабы и специфика угрозы терроризма теснейшим образом связаны с конфликтом в Чечне. Формирование и разрастание этой угрозы более всего обусловлено субъективными и объективными особенностями процесса российской суверенизации, проявившимися в слабости, келейности и конъюнктурности политики федерального центра на Северном Кавказе начиная с 1991 г.

Война в Чечне является одним из главных факторов, определивших отношение России к проблеме международного терроризма. За последние годы Россия предприняла немало усилий, чтобы структурировать, насколько это возможно, систему противостояния

терроризму на постсоветском пространстве и активизировать свою политику, направленную на развитие международного сотрудничества в области борьбы с терроризмом и другими глобальными угрозами.

Конструируемая Россией система противостояния транснациональному терроризму охватывает ряд бывших республик СССР. Она включает Антитеррористический центр (АТЦ) СНГ, куда входят 11 государств. АТЦ является информационно-аналитической структурой, в функции которой входит координация взаимодействия компетентных органов стран СНГ в борьбе с терроризмом и экстремизмом. Центром разработано Положение о порядке подготовки и проведения совместных антитеррористических операций на территории СНГ, подписанное главами государств СНГ в октябре 2002 г. АТЦ также координирует работу по подготовке специалистов из стран СНГ на базе Центра специального назначения ФСБ России и развивает взаимодействие с другими антитеррористическими структурами как на глобальном, в рамках ООН, так и на региональном и субрегиональном уровнях.

Следующая ступень сотрудничества в борьбе с угрозой терроризма — это Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), своими корнями связанная с процессом распада СССР. Конфликт в Афганистане и военное присутствие США в Центральной Азии затронули интересы всех государств этого региона и в значительной степени изменили военно-политическую картину в данной части постсоветского пространства. Однако главная функционирующая здесь региональная организация безопасности, объединяющая Россию и часть государств Центральной Азии — Договор о коллективной безопасности — оказалась совершенно непригодной для какого-либо коллективного реагирования на сложившуюся

ситуацию. Создававшаяся по классическим канонам прошлой эпохи, она не располагала юридической базой для принятия решений в нестандартной ситуации, сложившейся вокруг Афганистана, и в условиях отнюдь не полного совпадения интересов России и государств Центральной Азии. Поэтому политические и организационные вопросы обеспечения афганской военной операции США решались фактически на уровне двусторонних переговоров, без реального участия органов ДКБ.

Россия, постоянно прилагавшая немалые усилия по предотвращению военной дезинтеграции стран СНГ, сумела добиться преобразования Договора о коллективной безопасности в Организацию Договора о коллективной безопасности, членами которой являются Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан. Уже в октябре 2002 г. президенты государств-участников бывшего ДКБ подписали Устав ОДКБ и Соглашение о ее правовом статусе. В Уставе этой организации задачи борьбы с международным терроризмом и другими нетрадиционными угрозами безопасности занимают одно из важнейших мест.

На межрегиональном уровне Россия — один из инициаторов и участников Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), членами которой сейчас являются также Казахстан, Киргизия, Китай, Таджикистан и Узбекистан. Важно подчеркнуть, что эта организация относится к числу международных структур безопасности нового поколения. С момента ее создания в 2001 г. Организация выделила в качестве приоритетных задачи обеспечения безопасности, включая борьбу с угрозами исламского радикализма, сепаратизмом, наркоторговлей, незаконной миграцией. В частности, в рамках Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и

экстремизмом, подписанной участниками ШОС в 2001 г., был создан постоянно действующий орган — Региональная антитеррористическая структура. Однако в событиях вокруг Афганистана ШОС не сыграла сколько-нибудь заметной роли. Организация была еще слишком молода и аморфна для реального участия в событиях, стремительно разворачивавшихся в Афганистане и вокруг него.

На общемировом уровне Россия выступает за формирование под эгидой ООН глобальной системы противодействия терроризму. Необычайно прочная конструкция ООН, несмотря на новую конфигурацию глобальных политических сил, позволяет ей оставаться единственным источником придания легитимности силовым акциям государств-членов, в том числе США. При новом соотношении сил разногласия между постоянными членами в СБ ООН вряд ли могут достигать уровня лобовой конфронтации, что обусловлено не столько общностью интересов всего международного сообщества перед лицом глобальных угроз, сколько невозможностью противостояния, присущего биполярному миру.

Литература

1. Маркедонов, С. М. Чеченский вызов: между миром и войной / С. М. Маркедонов // Терроризм и политический экстремизм: вызовы и поиски адекватных ответов / Ин-т политического и военного анализа; Отв. ред. А. А. Шаравин, С. М. Маркедонов. — М., 2002. — С. 161–195.

2. Петрищев, В. Е. Организационно-правовые аспекты борьбы с терроризмом в странах СНГ / В. Е. Петрищев // Социальные и психологические

проблемы борьбы с международным терроризмом / РАН. Общественно-консультативный совет по проблемам борьбы с междунар. терроризмом; Сост. Л. В. Брятова. — М. : Наука, 2002. — С. 60–80.

УДК [323+327](574)047.44«1990/2019»

Ярмов К. А.
(г. Луганск)

РЕЖИМ Н. НАЗАРБАЕВА В КАЗАХСТАНЕ: ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ОЦЕНКИ

На рубеже XX – XXI вв. постсоветские государства столкнулись с рядом вызовов и проблем, многие из которых приходилось решать впервые. Так, нужно было изменять сами основы политической системы, стабилизировать экономику в условиях ужасного кризиса, пересматривать внешнеполитические приоритеты. В такой ситуации очень многое зависело от авторитета, компетентности и др. качеств государственных лидеров. Если лидерам удавалось сплотить общество и добиться компромисса между противоборствующими социальными группами, государства начинали развиваться по пути стабильности и прогресса. В связи с этим трудно переоценить роль Нурсултана Назарбаева, недавно ушедшего в отставку, в становлении постсоветского Казахстана.

Цель настоящего доклада – выделить основные итоги правления Н. Назарбаева в Казахстане в контексте оценки его личности зарубежными и отечественными политиками.

19 марта 2019 г. Нурсултан Назарбаев заявил о прекращении полномочий президента Казахстана. Реакция мировых лидеров на это историческое событие не заставила себя ждать. Вечером того же дня пресс-служба Акорды сообщила о телефонных звонках глав соседних государств. Премьер-министр Армении Никол Пашинян, президент Беларуси Александр Лукашенко, глава Кыргызстана Сооранбай Жээнбеков и узбекский лидер Шавкат Мирзиёев выразили сожаление из-за ухода Назарбаева. 20 марта о добровольной отставке Президента Казахстана, который правил страной 29 лет, говорил уже весь мир.

Отставка Назарбаева стала неожиданностью для всех. Нурсултан Назарбаев и Владимир Путин созвонились после официального заявления Президента Казахстана. Пресс-службы Кремля и Акорды скупо сообщили, что главы двух стран обсудили принятое казахским лидером решение.

На следующий день президент России официально прокомментировал уход своего коллеги с политического Олимпа. «Нурсултан Назарбаев – один из инициаторов продвинутой интеграции между нашими странами. Он один из авторов, если не сказать автор ЕАЭС – проекта, который развивается очень успешно, в том числе благодаря его непосредственной поддержке и его участию в этой работе. С нашей стороны будем делать всё, чтобы эти процессы поддерживать. Россия будет делать всё, чтобы сотрудничество с Казахстаном поддерживать на должном уровне», – заявил Владимир Путин.

Глава Чечни Рамзан Кадыров подчеркнул, что за эти годы Казахстан стал самым близким союзником России. «В самые трудные для чеченского народа времена Нурсултан Абишевич оказывал нам всестороннюю помощь и поддержку. Уверен, что, несмотря на уход с

поста главы Казахстана, Нурсултан Абишевич принесёт ещё немало пользы для своей страны», – написал Кадыров в своём Telegram-канале.

Президент Молдовы Игорь Додон сообщил, что для него сложение полномочий Президента Казахстана стало неожиданной новостью. «Роль Назарбаева в строительстве независимого Казахстана, развитии интеграционных процессов на бывшем постсоветском пространстве трудно переоценить. Во многом благодаря ему Молдова стала первой страной, получившей статус наблюдателя при ЕАЭС», – прокомментировал уход Назарбаева молдавский лидер.

Депутат Европейского парламента, член комитета по иностранным делам Андрейс Мамыкинс заявил, что при Назарбаеве Казахстан стал сильным. «Сам факт ухода – поступок очень сильного человека, внутренне сильного, цельного. Назарбаев уходит добровольно – значит, он верит в будущее страны. Он видит, что развитие страны стабильное, и понимает, что страна не свернёт с курса демократии, развития, укрепления государственности и укрепления роли на международной арене. При Назарбаеве Казахстан стал сильным».

Отставка Нурсултана Назарбаева в считанные дни стала темой номер один в мировых СМИ. Но о нём говорят всегда, даже без такого шумного повода. Например, первый и последний президент СССР Михаил Горбачёв однажды признался, что готов был назначить Нурсултана Назарбаева на пост премьер-министра нового Союза. «Я всегда выделял Нурсултана Назарбаева среди советских деятелей республиканского и общесоюзного масштаба. В нём, на мой взгляд, воплотились многие лучшие качества настоящих патриотов и интернационалистов нашего времени, тех, кто способен видеть мир в движении, конструктивно влиять на ход назревших перемен. Не

случайно накануне подписания нового Союзного договора я был убеждён, что самой подходящей фигурой на посту правительства обновлённого Союза мог бы стать Нурсултан Назарбаев. Заговор авантюристов из ГКЧП в августе 1991 года помешал реализовать этот мой замысел», – рассказал спустя годы Михаил Горбачёв. Как известно, Назарбаев тогда отверг предложение присоединиться к беловежскому заговору, который привёл к распаду Союза.

После распада СССР Нурсултан Назарбаев начал активно налаживать внешнеполитические связи. 13 декабря 1991 года он встретился с бывшим премьер-министром Великобритании Маргарет Тэтчер. Как написал в 2009 году британский политик Джонатан Айткен в своей книге о президенте Казахстана, «встреча способствовала тому, чтобы казахский президент встал на путь экономических свобод». Спустя много лет сама «железная леди» назовёт Нурсултана Назарбаева одним из пяти наиболее выдающихся политиков современности.

Первый премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю после встречи с казахским лидером отмечал: «Назарбаев – восходящая звезда в постсоветской политике, крупная фигура среди различных республик. Лидер Казахстана в меру жёсткий, практичный, быстрый и решительный человек, обаятельный, талантливый и настойчивый, который признан лидером и другими республиками Союза. Если Назарбаев будет у руля республики, у Казахстана будет значительно больше шансов на успех».

В мае 1992 года Нурсултан Назарбаев встретился с президентом США Джорджем Бушем. Тогда Президент Казахстана и председатель совета директоров корпорации «Шеврон» Кеннет Дерр подписали соглашение об открытии совместного предприятия «Тенгизшевройл» по разработке Тенгизского и Королёвского месторождений нефти в Казахстане. В прессе сделку назвали «контрактом

века». На встрече Джордж Буш сказал: «Мы уважаем вас и вашу страну. Мы видим, что вы делаете всё, для того чтобы продвигать демократию».

Мировые же лидеры по достоинству оценили отказ Казахстана от ядерного оружия. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун (1997-2006 годы) отметил заслуги Нурсултана Назарбаева за отказ от ядерного оружия. «Казахстан отличается от некоторых стран СНГ тем, что в стране царят мир и стабильность, наблюдается экономический рост. Добровольный отказ от обладания ядерным оружием в 1991 году и закрытие испытательного полигона внесли весомый вклад в глобальные усилия по ядерному разоружению и нераспространению – это цель, которой стремится достичь ООН с момента её создания шесть десятилетий назад».

В 2005 году в Алматы президент США Билл Клинтон на встрече с Нурсултаном Назарбаевым назвал решение об отказе от ядерного оружия мудрым. «На меня сильное впечатление производят темпы экономического роста вашей страны. Сейчас все мы видим плоды ваших успешных реформ. И ещё я особо благодарен Нурсултану Назарбаеву за ядерное разоружение. Это было сложное, но очень мудрое решение».

В 2016 году Нурсултан Назарбаев встретился с президентом Соединённых Штатов Америки Бараком Обамой, который позже отметил «Президент Назарбаев является одним из образцовых лидеров в мире в вопросах нераспространения и ядерной безопасности. Казахстан является прекрасным примером того, как страна может отказаться от ядерного оружия и достичь большей безопасности и экономического процветания».

Нынешний президент США Дональд Трамп тоже встречался с Нурсултаном Назарбаевым. «Между нашими странами идут закупки различных товаров, в частности

продукции General Electric, Boeing. Казахстан отлично справляется. Там действительно всё меняется к лучшему. У Казахстана есть преимущества по сравнению с другими странами, которые, откровенно говоря, находятся в жёсткой ситуации. Президент пользуется огромным уважением и проделал большую работу».

Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган назвал Назарбаева аксакалом тюркского мира. «Президент Казахстана Назарбаев – выдающаяся личность современности и аксакал тюркского мира. Авторитет Президента Казахстана в тюркском мире очень высок, нельзя не отметить огромный вклад Нурсултана Назарбаева в развитие отношений с братским турецким народом, в достижение единения тюркских народов в целом».

Путин: «Назарбаев – сентиментальный человек». В 2018 году Нурсултан Назарбаев прибыл в Пекин с государственным визитом, где поздравил Си Цзиньпина с переизбранием и успешным проведением съезда Компартии Китая. В ответ лидер Китая отметил сотрудничество двух стран в реализации совместных проектов, особенно программы «Один пояс, один путь».

«Мы готовы вместе с Казахстаном идти по пути построения единой судьбы человечества и приложить интеллектуальные и физические усилия для создания более светлого будущего человечества. Я готов вместе с вами управлять рулём большого корабля китайско-казахстанской дружбы», – сказал председатель Китая.

У главы государства много качеств, которые будет полезно перенять всем казахам, считает Ашимбаев. Первый заместитель председателя партии «Нур Отан» Маулен Ашимбаев назвал три качества президента

Казахстана Нурсултана Назарбаева, которыми он восхищается.

«Меня всегда поражало и поражает постоянное стремление главы государства к саморазвитию, самосовершенствованию, работе над собой. Его желание всегда узнавать что-то новое, учиться, всегда идти вперед, не стоять на месте, изучать какие-то новые направления, стремление получать новые знания. Это очень важное качество для лидера – постоянное саморазвитие и самосовершенствование. И мы все, прежде всего, молодежь, должны поучиться у главы государства – не стоять на месте. Стоять на месте значит идти назад», – назвал первое качество Назарбаева Ашимбаев и призвал молодежь побольше читать разную литературу.

Вторым качеством он назвал большую ответственность и высокую требовательность прежде всего к себе. Третья черта казахстанского президента, которая заслуживает уважения, пунктуальность. Ашимбаев привел в пример чиновников разного ранга, которые позволяют себе опаздывать и заставляют людей ждать.

«В этом плане глава государства показывает пример, как можно вовремя приходить на такого рода встречи, совещания. Я сам был не раз свидетелем того, как какое-то идет совещание, после которого большое мероприятие. Вроде бы, надо продолжить эту встречу, какие-то вопросы до конца проработать. Но глава государства говорил: нет, мы не можем заставлять людей ждать. И всегда делал так, чтобы все мероприятия начинались вовремя», – резюмировал Маулен Ашимбаев.

За период нахождения Нурсултана Назарбаева в должности Президента страны (1991-2019 гг.) под его руководством Казахстан совершил мощный бросок из никому не известной постсоветской территории третьего мира в число 50-ти лидирующих стран.

Среди наиболее значимых достижений можно отметить следующие. Создана казахстанская государственность и определены государственные границы суверенного Казахстана. Сформированы механизмы рыночной экономики, обеспечен стабильный экономический рост. При нем построена новая столица – Астана. Казахстан добровольно отказался от третьего по размерам ядерного арсенала, закрыл Семипалатинский полигон и стал лидером ядерного разоружения во всём мире. В обществе удалось сохранить социальный мир, межэтническое и межконфессиональное согласие. В республике созданы равные возможности для всех граждан страны, независимо от национальности и вероисповедания. Казахстан получил признание как региональный лидер Центральной Азии, авторитетный и полноправный участник внешнеполитических процессов.

Досрочно выполнена Стратегия «Казахстан-2030», что обеспечило вхождение страны в 50 самых конкурентоспособных стран мира. Страна успешно вышла из двух мировых экономических кризисов, доказав свою состоятельность. Обеспечено национальное единство на основе экономических успехов страны и утверждения принципов равноправия народов. Достигнут быстрый рост благосостояния граждан страны, сформированы средний класс и национальное предпринимательство. Обеспечено уверенное развитие и рост страны на основе стратегических планов (Стратегия становления и развития государства (1992), Стратегия «Казахстан-2030» (1997), Стратегия «Казахстан-2050» (2012).

Нурсултан Назарбаев является признанным мировым сообществом лидером одного из крупных, динамично развивающихся, перспективных успешных государств, которое активно интегрируется в мировую экономическую и политическую систему. Первого

Президента Казахстана можно с уверенностью назвать архитектором современной казахстанской модели государственности. Международное сообщество в целом, и, в частности, крупные государственные деятели мира, ценят Елбасы в качестве самостоятельного, равноправного партнера, который всегда имеет собственное видение ситуации. Елбасы заложил крепкий фундамент Независимого Казахстана. Благодаря этому страна уверенно развивается, последовательно и путем реформ преодолевая все внутренние и внешние вызовы и проблемы.

Литература

1. «В меру жёсткий, практичный и решительный». Что говорили о Президенте Назарбаеве мировые лидеры [Электронный ресурс]. – URL : <https://informburo.kz/stati/v-meru-zhyostkiy-praktichnyu-i-reshitelnyu-что-govorili-o-prezidente-nazarbaeve-mirovye-lidery-.html>. – Загл. с экрана (дата обращения : 15.02.2020).

2. Главные достижения Нурсултана Назарбаева на посту Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – URL : <https://almaty.tv/news/politika/2242-glavnye-dostidgeniya-nursultana-nazarbaeva-na-postu-prezidenta-respubliki-kazakhstan>. – Загл. с экрана (дата обращения : 16.02.2020).

3. Три качества Назарбаева, которые помогают ему быть президентом [Электронный ресурс]. – URL : <https://ru.sputniknews.kz/society/20181127/8245726/prezident-ashimbaev-kache-stva-nur-otan-talks.html>. – Загл. с экрана (дата обращения : 17.02.2020).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Безродный Кирилл Иванович** – студент 1 курса направления подготовки «Международные отношения» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск).

2. **Боровской Антон Анатольевич** – студент 1 курса магистратуры направления подготовки «Политология» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск).

3. **Гармаш Сергей Владимирович** – студент 2 курса магистратуры направления подготовки «Политология» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск).

4. **Говорунов Александр Андреевич** – студент 1 курса направления подготовки «Международные отношения» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск).

5. **Гринь Иван Владимирович** – студент 1 курса магистратуры направления подготовки «Политология» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск).

6. **Делянченко Виталий Николаевич** – старший преподаватель кафедры политических наук и регионалистики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск).

7. **Дибас Оксана Андреевна** – доцент кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат исторических наук, доцент (г. Луганск).

8. **Дударев Игорь Андреевич** – студент 3 курса, направления подготовки «Политология» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск).

9. **Ершов Евгений Олегович** – студент 4 курса, направления подготовки «Политология» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск).

10. **Жакеев Эмилбек Талантбекович** – студент 1 курса направления подготовки «Зарубежное регионоведение» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск).

11. **Кандауров Богдан Игоревич** – старший преподаватель кафедры политических наук и регионалистики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск).

12. **Карпунов Вячеслав Николаевич** – доцент кафедры политических наук и регионалистики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат исторических наук, доцент (г. Луганск).

13. **Ковалева Ольга Владимировна** – студентка 2 курса магистратуры направления подготовки «Политология» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск).

14. **Комарова Алина Владимировна** – студентка 1 курса направления подготовки «Международные отношения» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск).

15. **Красова Анна Владимировна** – ассистент кафедры политических наук и регионалистики ГОУ ВО

ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск).

16. **Кровельщикова Сергей Сергеевич** – студент 3 курса, направления подготовки «Политология» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск).

17. **Ладыга Александр Иванович** – доцент кафедры теории и истории государства и права ЛАВД имени Дидоренко, кандидат исторических наук, доцент (г. Луганск).

18. **Ладыга Людмила Ивановна** – доцент кафедры политических наук и регионалистики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат исторических наук, доцент (г. Луганск).

19. **Милокост Любовь Сергеевна** – доцент кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат исторических наук, доцент (г. Луганск).

20. **Михайловская Оксана Георгиевна** – и.о. заведующего кафедрой кафедры политических наук и регионалистики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат политических наук, доцент (г. Луганск).

21. **Носовской Ростислав Геннадиевич** – студент 1 курса магистратуры направления подготовки «Политология» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск).

22. **Рагулин Юрий Вячеславович** – студент 1 курса магистратуры направления подготовки «Политология» ГОУ ВО ЛНР «Луганский

государственный педагогический университет» (г. Луганск).

23. **Ризниченко Павел Викторович** – студент 1 курса направления подготовки «Международные отношения» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск).

24. **Руднев Даниил Иосифович** – студент 2 курса направления подготовки «Политология» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск).

25. **Сало Дмитрий Сергеевич** – студент 3 курса, направления подготовки «Политология» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск).

26. **Сас Даниил Сергеевич** – студент 1 курса направления подготовки «Международные отношения» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск).

27. **Сидорова Надежда Сергеевна** – студентка 2 курса, направления подготовки «Правоведение и правоохранительная деятельность» ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого» (г. Тула).

28. **Слободчукова Виктория Сергеевна** – студентка 1 курса направления подготовки «Международные отношения» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск).

29. **Татоли Татьяна Викторовна** – доцент кафедры политических наук и регионалистики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат исторических наук, доцент (г. Луганск).

30. **Ткачев Иван Викторович** – студент 2 курса, направления подготовки «Политология» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск).

31. **Ходус Марина Сергеевна** – студентка 1 курса направления подготовки «Государственное управление и администрирование» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск).

32. **Эскузян Артур Алексеевич** – студент 1 курса магистратуры направления подготовки «Политология» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск).

33. **Яковенко Владислав Александрович** – студент 2 курса магистратуры направления подготовки «Политология» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск).

34. **Ярмов Кирилл Александрович** – студент 1 курса направления подготовки «Международные отношения» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ В ГОСУДАРСТВАХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО
ТРАНЗИТА**

**Материалы Университетской научно-практической
конференции**

(г. Луганск, 12 марта 2020 года)

Редакционная коллегия оставляет за собой право технического и стилистического редактирования статей. Авторы несут полную ответственность за содержание статьи.

Редакционная коллегия не всегда разделяет мнение авторов.

Редактор – О.Г. Михайловская
Верстка – Б.И. Кандауров

Подписано в печать 26.11.2020.

Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать лазерная. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 9,3.
Тираж 50 экз. Заказ № 72.

Издатель

**ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический
университет»**

«»

**ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011. Т/ф: (0642) 58-03-20.
e-mail: knitaizd@mail.ru**